

РУСИСТИКА БЕЗ ГРАНИЦИ

Международно научно списание

РУСИСТИКА БЕЗ ГРАНИЦ
Международный научный журнал

RUSSIAN STUDIES WITHOUT
BORDERS
International scientific journal

2020/3
ISSN 2535-0390

РУСИСТИКА БЕЗ ГРАНИЦИ

Международно научно списание

РУСИСТИКА БЕЗ ГРАНИЦ
Международный научный журнал

RUSSIAN STUDIES WITHOUT
BORDERS
International scientific journal

Том IV Книжка 3 2020
Volume IV Issue 3 2020

ISSN 2535-0390

София – Sofia
2020

Международный редакционный совет:

доц. к.ф.н. Галия Бадагулова (Алматы, Казахстан)
доц. к.ф.н. Нина Баско (Москва, Россия)
проф. д.ф.н. Наталия Голубева-Монаткина (Москва, Россия)
проф. д.п.н. Любовь Клобукова (Москва, Россия)
проф. д.ф.н. Геннадий Ковалев (Воронеж, Россия)
доктор филологии Наталья Кононова (Рига, Латвия)
доц. к.ф.н. Светлана Коростова (Ростов-на-Дону, Россия)
проф. д.ф.н. Мария Котюрова (Пермь, Россия)
проф. д.п.н. Ольга Левушкина (Москва, Россия)
доц. д.ф.н. Биляна Марич (Белград, Сербия)
проф. д.ф.н. Елена Маркова (Москва, Россия; Трнава, Словакия)
проф. д.п.н. Виктория Сафонова (Москва, Россия)
доц. д.ф.н. Ольга Сологуб (Тайбэй, Тайвань)
проф. д.п.н. Елена Тарева (Москва, Россия)
проф. д.п.н. Людмила Федорьяк (Тюмень, Россия)
проф. д.ф.н. Клара Штайн (Ставрополь, Россия)
проф. д.ф.н. Нэлли Щедрина (Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Главный редактор: доц. д-р Димитрина Лесневска
Зам. гл. редактора: Ян Лесневский
Ответственный секретарь: Радослава Лесневска

Рецензенты:

д.ф.н., проф. Мария Павловна Котюрова, Пермский государственный национальный исследовательский университет (ПГНИУ), Пермь, Россия
д.ф.н., проф. Людмила Вениаминовна Кушнина, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (ПНИПУ), Пермь, Россия
д.ф.н., проф. Петр Буняк, Белградский университет, Филологический факультет, Белград, Сербия
д.ф.н., доц. Биляна Марич, Белградский университет, Филологический факультет, Белград, Сербия
к.п.н., преподаватель Валентина Владимировна Звягина, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (ПНИПУ), Пермь, Россия;
д.ф.н., проф. Дмитрий Владимирович Польш, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (ФГБОУ ВО «МПГУ»), Москва, Россия
к.ф.н., доцент Надежда Майеровна Перельгут, ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет» (ФГБОУ ВО «НВГУ»), Нижневартовск, Россия

Журнал выходит четыре раза в год: 30 марта, 30 июня, 30 сентября и 30 декабря. Материалы принимаются до 15 числа марта, июня, сентября и декабря. К публикации принимаются оригинальные, неопубликованные ранее в других печатных изданиях материалы на **русском, болгарском или английском** языке.

Адрес редакции: София, Болгария, e-mail: rusistikabg@gmail.com,
<http://www.rusistikabg.com/>

ISSN 2535-0390 (online)

Индексируется в **RSCI/РИНЦ (<http://www.eLibrary.ru>)**
ERIH PLUS (Европейский индекс гуманитарных и социальных наук)

© Все права защищены

International editorial Board:

Ass.Prof., Ph.D. in Philology Galia Badalova (Almaty, Kazakhstan)
 Ass.Prof., Ph.D. in Philology Nina Basco (Moscow, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Philology) Natalia Golubeva-Mohnatkina (Moscow, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Pedagogy) Lubov Klobukova (Moscow, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Philology) Gennady Kovalyov (Russia)
 Ph.D. in Philology Natalia Kononova (Riga, Latvia)
 Ass.Prof., Ph.D. in Philology Svetlana Korostova (Rostov-on-Don, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Philology) Maria Kotyurova (Perm, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Pedagogy) Olga Levushkina (Moscow, Russia)
 Ass.Prof. Dr. Sc. (Philology) Biljana Maric (Belgrade, Serbia)
 Professor, Dr. Sc. (Philology) Elena Markova (Moscow, Russia; Trnava, Slovakia)
 Professor, Dr. Sc. (Pedagogy) Victoria Safonova (Moscow, Russia)
 Ass.Prof. Dr. Sc. (Philology) Olga Sologub (Taipei, Taiwan)
 Professor, Dr. Sc. (Pedagogy) Elena Tareva (Moscow, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Pedagogy) Ludmila Fedoryak (Tyumen, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Philology) Clara Stein (Stavropol, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Philology) Nelly Shchedrina (Moscow, Russia)

Editorial Board:

Editor-in-Chief: Ass. Prof. Ph.D. in Philology Dimitrina Lesnevska
 Deputy Editor-in-Chief: Ian Lesnevski
 Executive Secretary: Radoslava Lesnevska

Reviewers:

Professor, Dr. Sc. (Philology) Maria Pavlovna Kotyurova, Perm State National Research University (Perm, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Philology) Lyudmila Veniaminovna Kushnina, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Philology) Petar Bunjak, University of Belgrade, Faculty of Philology (Belgrade, Serbia)
 Ass. Prof., Dr. Sc. (Philology) Biljana Maric, University of Belgrade, Faculty of Philology (Belgrade, Serbia)
 Teacher, Ph.D. (Pedagogy) Valentina Vladimirovna Zvjagina, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russia)
 Professor, Dr. Sc. (Philology) Dmitrij Vladimirovich Pol, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)
 Ass. Prof., Ph.D. (Philology) Nadezhda Mayerovna Perelgut, Nizhnevartovsk State University, (Nizhnevartovsk, Russia)

The journal is published four times per year: March 30, June 30, September 30 and December 30. The papers are accepted until the 15th of March, June, September and December. The papers submitted for publication should be original, previously unpublished work not currently under review by other publications. The papers can be presented in **Russian, Bulgarian** or **English**.

Contact address: Sofia, Bulgaria, e-mail: rusistikabg@gmail.com
<http://www.rusistikabg.com/>

2535-0390 ISSN (online)

**Indexed in RSCI/ПИНЦ (<http://www.eLibrary.ru>)
 ERIH PLUS (The European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences)**

© All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ:**ЛИНГВИСТИКА***Е.Ю. Иванова, К.С. Алексова*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЕКТ «ЭВОЛЮЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ БОЛГАРСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ПЛАНЕ: КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ И ФОРМАЛЬНЫЕ ГРАММАТИКИ»7

С.Г. Воркачев

ЗА ВСЕ БЛАГОДАРИТЕ: БЛАГОДАРНОСТЬ В РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ16

L.B. Temnikova, A.V. Vandisheva

MEDIATEXT AND TEXT: ESSENCE AND FEATURES24

М.Р. Милуд

ЗАРОЖДЕНИЕ НАНОКОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НА СТЫКЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И НАНОТЕХНОЛОГИЙ32

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ*О.А. Димитриева*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СИТУАЦИИ ВИНОПИТИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ФЕДОРА АБРАМОВА43

К.А. Поташова

О ПРИРОДЕ ГЕНИЯ: ВЛИЯНИЕ «ФАНТАЗИЙ ОБ ИСКУССТВЕ»51

В.Г. ВАКЕНРОДЕРА НА ТВОРЧЕСКУЮ КОНЦЕПЦИЮ ТРАГЕДИИ

А.С. ПУШКИНА «МОЦАРТ И САЛЬЕРИ»51

О.А. Богданова

УСАДЬБА И ДАЧА В ДРАМАТУРГИИ А.М. ГОРЬКОГО 1900-х гг. («ДАЧНИКИ», «ДЕТИ СОЛНЦА», «ВРАГИ»)59

ВЗГЛЯД В ИСТОРИЮ 67*В.В. Косик* 67

К ПОРТРЕТУ ЭКЗАРХА СТЕФАНА I, МИТРОПОЛИТА СОФИЙСКОГО67

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА*Л. Меденица*

АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ ДЛЯ РУСИСТОВ НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ БЕЛГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА77

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА*Виктор Шетэля*

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПРЕДЛОГА «KU» Г. СЕНКЕВИЧОМ В ТЕКСТЕ РОМАНА «ОГНЕМ И МЕЧОМ» В ЕГО ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК85

И.Н. Хайдарова, А.О. Глазунова

ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛОКАЦИЙ В СФЕРЕ МЕТАЛЛУРГИИ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ91

РЕЦЕНЗИИ*Д.С. Лесневска*

КЛИМЕНКО Г.В., МАРКОВА Е.М. СЛОВАРЬ УНИВЕРБАТОВ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА. УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ. – МОСКВА: ПРОМЕТЕЙ, 2019. – 112 С. ISBN: 978-5-907166-82-0100

ХРОНИКА*Н.М. Щедрина*

СТОЛЕТИЕ ПИСАТЕЛЯ ФЕДОРА АБРАМОВА В РОССИИ104

Irina A. Kiseleva

ABOUT THE SCIENTIFIC PROJECT OF THE RUSSIAN FOUNDATION FOR BASIC RESEARCH «TEXTUAL STUDY AND COMMENTING AUTOGRAPHS BY M.Y. LERMONTOV FROM "V. F. ODOEVSKY'S NOTEBOOK"»109

IN MEMORIAM

Яковлевич Радунович Анна

НЕВОСПОЛНИМАЯ УТРАТА ДЛЯ СЕРБСКОЙ СЛАВИСТИКИ: УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ МИОДРАГ СИБИНОВИЧ115

ИЗИСКВАНИЯ ЗА ОФОРМЯНЕ НА МАТЕРИАЛИТЕ..... 117
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ 119
GUIDELINES FOR AUTHORS..... 121
АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА 123

CONTENTS:

LINGUISTICS

E.Y. Ivanova, K.S.Aleksova

INTERNATIONAL PROJECT “THE EVOLUTION OF GRAMMATICAL STRUCTURE IN RUSSIAN AND BULGARIAN IN A CONTRASTIVE PERSPECTIVE: CORPUS ANALYSIS AND FORMAL GRAMMARS”

S.G. Vorkachev

GIVE THANKS IN ALL CIRCUMSTANCES: GRATITUDE IN A RELIGIOUS DISCOURSE

Л.Б. Темникова, А.В. Вагдышева

МЕДИАТЕКСТ И ТЕКСТ: СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ

M.R. Miloud

EMERGENCE OF NANOCOMPUTER TERMINOLOGY AT THE INTERSECTION OF COMPUTER TECHNOLOGY AND NANOTECHNOLOGY

LITERARY STUDIES

O.A. Dimitrieva

REPRESENTATION OF BACCHIC SITUATION IN THE WORLD OF FYODOR ABRAMOV

K.A. Potashova

ON THE NATURE OF GENIUS: THE INFLUENCE OF «FANTASIES ABOUT ART» W.H. WACKENRODER ON THE ARTISTIC CONCEPT OF THE TRAGEDY OF ALEXANDER PUSHKIN «MOZART AND SALIERI»

O.A. Bogdanova

ESTATE AND DACHA IN THE DRAMATURGY OF A. M. GORKY IN 1900s («DACHA DWELLERS», «CHILDREN OF THE SUN», «ENEMIES»)

HISTORICAL VIEW

V. V. Kosik

TO THE PORTRAIT OF EXARCH STEPHEN I, METROPOLITAN OF SOFIA

METHODS OF TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE

L. Medenica

CURRENT STATUS OF RUSSIAN LANGUAGE STUDENTS' TEACHING PRACTICE AT THE FACULTY OF PHILOLOGY, UNIVERSITY OF BELGRADE

ISSUES OF TRANSLATION

V. Szetela

ON THE USE OF THE PREPOSITION "KU" BY H. SIENKIEWICZ IN THE TEXT OF THE NOVEL "FIRE AND SWORD" IN ITS TRANSLATION INTO RUSSIAN

I.N. Khaydarova I.N., A.O. Glazunova

PRETRANSLATION ANALYSIS OF TECHNICAL TERMINOLOGICAL COLLOCATIONS IN THE METALLURGY: COGNITIVE ASPECT

REVIEWS

D.S. Lesnevska

KLIMENKO G. V., MARKOVA E. M. DICTIONARY OF MODERN RUSSIAN LANGUAGE. STUDY TEXTBOOK. – MOSCOW: PROMETHEUS, 2019. – 112 P. ISBN: 978-5-907166-82-0

CHRONICLES

N.M. Schedrina

CENTENARY OF THE WRITER FYODOR ABRAMOV IN RUSSIA

И.А. Киселева

О НАУЧНОМ ПРОЕКТЕ РОССИЙСКОГО ФОНДА ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И КОММЕНТИРОВАНИЕ АВТОГРАФОВ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА ИЗ "ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ В.Ф. ОДОЕВСКОГО"»

IN MEMORIAM

IRREPARABLE LOSS TO THE SERBIAN SLAVIC STUDIES: MIODRAG OF SIBINOVIC HAS PASSED AWAY

PUBLICATION REQUIREMENTS IN BULGARIAN

PUBLICATION REQUIREMENTS IN RUSSIAN

PUBLICATION REQUIREMENTS IN ENGLISH

CONTACT ADDRESS

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161/163

Иванова Елена Юрьевна
 доктор филологических наук, профессор
 Санкт-Петербургский государственный
 университет
 Россия, г. Санкт-Петербург
 e-mail: e.y.ivanova@spbu.ru

Ivanova Elena Yurievna
 Professor, Dr. Sc. (Philology)
 Saint Petersburg State University
 Russia, Saint Petersburg
 e-mail: e.y.ivanova@spbu.ru

Алексова Красимира Славчева
 доктор филологии, професор
 Софийский университет имени Святого
 Климента Охридского
 Болгария, София,
 e-mail: krasimira_aleksova@slav.uni-sofia.bg

Aleksova Krasimira Slavcheva
 Professor, PhD
 Sofia University St. Kliment Ohridski
 Bulgaria, Sofia
 e-mail: krasimira_aleksova@slav.uni-sofia.bg

Е.Ю. Иванова, К.С. Алексова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЕКТ «ЭВОЛЮЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРОЯ БОЛГАРСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ПЛАНЕ: КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ И ФОРМАЛЬНЫЕ ГРАММАТИКИ»

Аннотация. Совместный Международный русско-болгарский проект «Эволюция грамматического строя болгарского и русского языков в сопоставительном плане: корпусный анализ и формальные грамматики» посвящен сопоставительно-типологическому изучению русского и болгарского языков на основе подготовленных лингвистических ресурсов — корпусов текстов современных и древних языков, с применением элементов формальных параметрических грамматик. В статье представлены задачи и концепция проекта, основные результаты работы коллектива, включая созданные электронные ресурсы (<http://62.44.116.41:8080/exist/apps/evogramm/pages/index.html>). Основное внимание уделено грамматическим проблемам русско-болгарского сопоставления: зона эвиденциальности, структура клаузы, субъектно-объектные отношения, устройство количественных групп, линеаризация клитик.

Ключевые слова: сопоставительная лингвистика, типология, русский язык, болгарский язык, корпусная лингвистика, грамматикализация, эвиденциальность

E.Y. Ivanova, K.S. Aleksova

INTERNATIONAL PROJECT “THE EVOLUTION OF GRAMMATICAL STRUCTURE IN RUSSIAN AND BULGARIAN IN A CONTRASTIVE PERSPECTIVE: CORPUS ANALYSIS AND FORMAL GRAMMARS”

Abstract. The joint international Russian-Bulgarian project “The evolution of grammatical structure in Russian and Bulgarian in a contrastive perspective: corpus analysis and formal grammars” bears upon the contrastive typological study of the Russian and Bulgarian languages on the basis of qualified linguistic resources, such as corpora of modern and older languages, with the use of elements of formal parametric grammars. The paper outlines the goals and the vision of the project, as well as the principal results of the team, including created electronic resources (<http://62.44.116.41:8080/exist/apps/evogramm/pages/index.html>). The emphasis is placed on the

grammatical issues in the Russian-Bulgarian contrastive study: domain of evidentiality, clause structure, subject-object relations, structure of quantitative groups, linearization of clitics.

Keywords: contrastive linguistics, typology, Bulgarian, Russian, Bulgarian, corpus linguistics, grammaticalization, evidentiality

Проект «Эволюция грамматического строя болгарского и русского языков в сопоставительном плане: корпусный анализ и формальные грамматики» осуществляется в рамках Конкурса проектов фундаментальных научных исследований, проводимого совместно Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) и Национальным научным фондом Болгарии¹.

В качестве партнерских организаций выступают Софийский университет им. Св. Климента Охридского и Санкт-Петербургский государственный университет. Соруководителями проекта являются проф. Красимира Алексова (СУ «Св. Климент Охридски») и проф. А.В. Циммерлинг (Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Институт языкознания РАН). В состав участников проекта входят также с болгарской стороны: проф. Андрей Бояджиев, проф. Петя Осенова, гл. асс. Цветана Димитрова, докт. Михаела Москова, с русской – проф. Елена Иванова, доц. Дмитрий Сичинава, ст. преп. Анастасия Мосинец, аспирант Анастасия Данилова.

Проект посвящен сопоставительному изучению болгарского и русского языков в аспекте эволюции их грамматического строя. Исследование ведется с помощью методов корпусной лингвистики, с применением метода параметрического описания естественного языка. Фундаментальная научная проблема, на решение которой направлен проект, – построение объяснительной типологии развития грамматического строя двух разноструктурных славянских языков – русского и болгарского – и создание моделей языковой эволюции, опирающихся на параметрическое описание грамматики естественного языка и учитывающей взаимодействие грамматических категорий в структуре клаузы и такие факторы, как состав и внутренняя структура грамматических категорий, морфосинтаксис (механизмы приписывания падежа, контроля согласования, маркировки актантов), дистрибуция и расположение клитик. В фокусе внимания исследовательского коллектива находятся грамматикализация форм и конструкций, структура клаузы, структура именной группы, порядок слов.

Работа в течение двух лет выполнения проекта велась в рамках четырех тематических блоков: 1) «Сопоставительные аспекты выражения конклюдентности, дубитативности, презумптивности в болгарском и русском языках»; 2) «Типы предикатов и синтаксических групп при формальном маркировании подлежащих и прямых дополнений в болгарском и русском языках. Нулевая реализация аргументов. Дативно-предикативные конструкции»; 3) «Сопоставительное исследование развития клитик в истории болгарского и русского языков»; 4) «Электронное описание, базы данных, электронная публикация источников». Охарактеризуем наиболее важные теоретические результаты в указанных тематических направлениях, полученные к данному моменту. Наше внимание будет сосредоточено, в основном, на теоретических вопросах, а более развернутую информацию о публикациях, ресурсах, а также лингвистический материал можно получить на странице проекта: <http://62.44.116.41:8080/exist/apps/evogramm/pages/publ.html>

¹ Благодарим фонды „Научни изследвания“, МОН, Р България (договор № ДНТС/Русия 02/2 от 14.06.2018 г.) и РФФИ (проект 18-512-18003) за финансовую поддержку.

1. Дано сопоставительно-типологическое описание *грамматикализованных форм эвиденциальной зоны*, прежде всего малоизученных в сопоставительном плане средств выражения умозаключения, предположения и сомнения (презумптива, конклюдива, дубитатива) и их русских функциональных соответствий с опорой на данные корпусов текстов. Выражение предположительного значения презумптивом, в отличие от конклюдива, связано с наличием «эпистемической дистанции», что ведет к различающейся функциональной сфере употребления этих форм [2]. При этом формы болгарского презумптива испытывают значительную конкуренцию со стороны лексических маркеров предположения, при этом отнюдь не являясь архаизированными (как утверждалось в литературе), а занимая определенную функциональную нишу в современной болгарской интернет-коммуникации и в некоторых жанрах художественной речи. Так, данные Интернета и выборка из Болгарского национального корпуса свидетельствуют, что презумптив специфицируется в языке письменного сетевого общения в качестве средства, создающего вопросительные высказывания с особой стилистической и прагматической функцией, выражая недоверие или недоумение от полученной информации: *Каква ще да е тази технология?* ‘Да что ж это за технология? /Это что еще за технология?’.

Предложены критерии разграничения форм индикативного перфекта и конклюдивного аориста [15], дан анализ употреблений прошедших времен конклюдива в конкуренции с соответствующими формами ренарратива в придаточных при глаголе чужой речи в главном предложении [16]. Отдельное внимание уделено путям грамматикализации частицы *ще* в болгарском языке и развитию презумптивных форм [3; 9 и др.]. Установлены русские функциональные соответствия для всех исследованных форм модально-эвиденциальной зоны с наибольшим вниманием к малоизученным в сопоставительном аспекте болгарским формам (презумптив и дубитатив), напр., [4; 13; 14 и др.], см. также на сайте проекта доклад Д.В. Сичиновой «Болгарская дубитативная сверхсложная форма и её русские соответствия в параллельном корпусе» (XII международный симпозиум «Русистика в современном мире», Велико Търново, 14–18.10.2018).

Проведенное масштабное исследование эвиденциальной зоны, осуществленное русскими и болгарскими участниками проекта (под общим руководством Красимиры Алексовой) и полученные на его основе результаты заставляют пересмотреть имеющиеся в грамматической науке представления о месте болгарского языка в типологической классификации языков с эвиденциальными показателями, где болгарский язык рассматривают либо как язык с двучленной категорией эвиденциальности (как А. Айхенвальд [22]), либо как с трехчленной (как М. Макарец [12]). Изучение парадигмы болгарского дубитатива, его темпоральных употреблений, взаимодействие с категориями лица и числа, контексты взаимозаменяемости дубитативных и пересказывательных форм дают все основания рассматривать формы болгарского дубитатива как самостоятельную эвиденциальную субкатегорию. Болгарский язык, по мнению авторов проекта, предстает как язык с четырехчленной эвиденциальностью, а с учетом классификационных критериев А. Айхенвальд можно ввести новый классификационный тип эвиденциальных языков – С4 с четырьмя элементами: *firsthand, inferred, reported, dubitative* (наиболее подробно эта аргументация представлена в работе К. Алексовой «Дубитативът в съвременния български език в типологически аспект» [1]).

2. В сопоставительном аспекте исследован один из самых сложных фрагментов славянской грамматики – синтаксис количественных групп (возглавляемых количественным числительным, кванторным наречием или выражениями с

дистрибутивной и аппроксимативной семантикой). Сопоставление двух языков позволило выявить значимые особенности в структуре и закономерностях количественных групп с учетом таких факторов, как: выраженный / скрытый характер категории определенности; связь формы числительного с категориями личности и одушевленности; несовпадающий набор аппроксимативных средств, а также способы разрешения структурных ограничений при установлении русско-болгарских соответствий. Важное грамматическое различие состоит в том, что болгарский язык демонстрирует регулярность предикативного и атрибутивного согласования в количественных группах болгарского языка на фоне противоречивого внешнего синтаксиса русских количественных групп, ср. выбор формы мн.ч. (счетной или «обычной») в болгарском языке на фоне русского языка, где существует возможность разного согласования со сказуемым в роде и числе и выбора согласуемой и несогласуемой формы прилагательного при существительных ж.р. в контексте числительных *две, три, четыре*): *Дойдоха две хубави жени. – Пришло/Пришли две красивыє/красивых женщины.*

Регулярное согласование во мн. ч., проявляемое в болгарском языке, подтверждает на новом языковом материале гипотезу о том, что и в артиклевых, и в безартиклевых языках количественная группа вложена в именную группу полной структуры (группу детерминатора) [11]; в то же время признак [+ множественность], контролирующей числовую форму глагола, реализуется на уровне количественной группы [21]. Это действительно и для аппроксимативных количественных групп [8; 19]. Изучение внутреннего устройства болгарских количественных групп, а именно дистрибуция разных форм существительного (счетной формы и формы мн. ч.) и форм числительного («обычной», «аппроксимативной» или лично-мужской) показало, что внутренний синтаксис не имеет прямого влияния на согласовательные закономерности, как это было доказано ранее А.В. Циммерлингом [21] для русского языка (с его иными внутренними свойствами количественных групп).

3. Особенности субъектно-предикатных и объектно-субъектных отношений в обоих языках изучались на материале национальных и параллельных двуязычных корпусов. Основное внимание было сосредоточено на проблеме нулевой субъектности, типах неканонического подлежащего, а также способах выражения подлежащего при разной залоговой структуре клаузы. Так, в работе П.Осеновой [18] предложена сопоставительная типология нулевой субъектности в болгарском языке с иерархией типов, которая основана на упорядочивании: семантика > прагматика > синтаксис/морфология. Поэтому в качестве первого уровня выступает деление нулевой субъектности на нереференциальную и референциальную. К нереференциальной относятся только безличные предложения, т.к. у них нет позиции для референтного подлежащего (*Навън гърми*), а референциальная подразделяется на локально восстанавливаемую (связанную с непосредственным контекстом), как при определенно-личных (*Скоро ще си купя нова къща*) и обобщенно-личных предложениях (*Никога не знаеш какво ще се случи*), и нелокально восстанавливаемую (выводимую из семантики глагола и связанную с фоновыми знаниями и с участниками), как при неопределенно-личных предложениях (*Днес отново разкриха престъпна група*). В статье [17] устанавливается шкала степени прототипичности подлежащего в болгарском языке: *номинален подлог > сентенциален подлог > липсващ подлог* и доказывается, что вектор движения от прототипичности к непрототипичности определяется по ряду параметров шкалы: от номинальности к ненормальности (событийности), от референтности к неререферентности, от эксплицитности к имплицитности.

Отдельное внимание участников проекта уделено корпусной грамматике дативно-предикативных структур. К данному моменту на репрезентативном корпусном материале описана дативно-предикативная конструкция в русском и болгарском языках; данные корпусного исследования дополнены данными проведенного двойного социолингвистического эксперимента. Показано, как моделируется синтаксическая структура безличного типа в болгарском языке при обязательном местоименном выражении экспериенциального участника; раскрыто влияние семантики предикатива на семантическую интерпретацию данных структур, см., напр., [23].

4. Актуальные вопросы порядка слов и линеаризации клитик исследуются в проекте в типологическом и историко-лингвистическом ракурсе. Обобщающее исследование А.В. Циммерлинга [20] раскрывает место болгарского языка в типологическом описании языков с клитиками и представляет позицию автора по наиболее трудным и дискуссионным вопросам, связанным с изучением и типологизацией болгарских клитик. Клитики определяются как подкласс функциональных слов/морфем, на употребление которых наложены дополнительные просодические и коммуникативные ограничения. Предлагается анализ, доказывающий, что упорядочение цепочек болгарских клитик можно задать единым базовым правилом, в то время как производные порядки слов в предложениях с клитиками могут быть коммуникативно мотивированы. С этой точки зрения рассматриваются предложения двух типов – с разрывом цепочки и с поздней реализацией цепочки, напр.: ({BARRIER [Той]} – {FOCUS [още вчера]})_i = ми=се обади t_i).

Важнейшей задачей в исследовании клитик является установление правил рангов в предшествующие периоды развития языков, см., напр., работу [6], а также выложенные на сайте результаты нескольких докладов А.В. Циммерлинга и Ц.Димитровой, прежде всего их совместный доклад «Изреченска негация и клитики в среднобългарски текстове». Сделанные выводы о порядке линеаризации клитик на основе исторических корпусов заполняют важную лакуну в историческом синтаксисе славянских языков и в корпусном анализе клитик.

5. Часть исследований посвящено внутриязыковым процессам эволюции ряда грамматикализованных явлений. Помимо грамматических показателей эвиденциальной зоны, о которых мы говорили выше, отметим статью [7], где Ц. Димитрова предложила наблюдения над развитием форм будущего времени в истории болгарского языка. В совместной статье Е.Ю. Ивановой и Ц. Димитровой [10] на материале памятников XV-XVII вв. сопоставляется устройство современного болгарского предложения и его предшествующего состояния; показаны структурные и семантические изменения предложений, включающих новый для того исторического периода союз *макар* ‘хотя’, который затем в современном болгарском языке принял на себя функции основного уступительного союза. Исторический анализ имеет здесь важное значение не только в связи со специфическими грамматическими характеристиками нескольких вариантов союзов, включающих *макар*, различие между которыми раскрывает векторы развития болгарского предложения, но и потому, что семантическая эволюция позволяет проследить этапы формирования уступительных отношений как наиболее семантически сложных из всех видов обуславливающего комплекса.

Важнейшим результатом проекта является создание баз данных по различным грамматическим явлениям (напр., показатели эвиденциальной зоны, клитики, пассивные конструкции), включая монологические болгарские и сопоставительные болгарско-русские, а также на основе исторических корпусов. Осуществлена электронная обработка исторических текстов (см. [5] и вывешенные на сайте проекта тексты <http://62.44.116.41:8080/exist/apps/evogramm/pages/toc.html>). Существенной

лакуной при создании параллельных корпусов было отсутствие болгарско-русского корпуса при Национальном корпусе русского языка, в котором было представлено только направление русский → болгарский. Сейчас корпус, благодаря деятельности участника проекта Д.В. Сичиной, пополнен болгарско-русскими текстами (1,6 млн слов): <https://ruscorpora.ru/new/search-para-bg.html>.

Значимой частью работы научного коллектива явилось создание сайта проекта с представлением научных публикаций, материалов семинаров, лекций, аннотированных текстов. Под общим руководством Андрея Бояджиева разработан общий формат аннотирования лингвистических данных для синхронных и диахронических явлений, позволяющий единообразно осуществлять публикацию, поиск и индексацию материала. Были выработаны разные индексы в зависимости от специфики изучаемых явлений – дубитативов, презумптивов, конклюдентов, пассивных конструкций, клитик. Созданы скрипты для преобразования данных в HTML-страницы с последующей их публикацией в электронном виде.

Предлагаемый сайт <http://62.44.116.41:8080/exist/apps/evogramm/pages/index.html> с опубликованными данными и разработанными индексами и формами для поиска может служить моделью при оформлении гетерогенных языковых данных в области грамматических явлений как в рамках одного языка, так и для параллельных корпусов. Представленные на нем научные материалы и созданные электронные ресурсы открыты для их использования широкой лингвистической общественностью, а научные результаты работы международного болгарско-русского коллектива, как мы надеемся, вносят существенный вклад в заполнение имеющихся лакун в историко-типологическом изучении русского и болгарского языков.

Библиографический список

1. Алексова К.С. Дубитативът в съвременния български език в типологически аспект // Рада и приятели. Сборник в чест на 65-годишнината на проф. д-р Радка Влахова. – София: УИ «Св. Климент Охридски», 2019. – С. 119–136.
2. Алексова К.С. Конклюдентът и презумптивът в съвременния български език – общност и различия // XXV Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. – Санкт-Петербург: ВВМ, 2020. – С. 13–22.
3. Алексова К.С., Иванова Е.Ю. Следходност и предположение като граматикализирани значения на частицата ще в българския език // XXIII Державинские чтения: Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. – Санкт-Петербург: ВВМ, 2018. – С. 3–10.
4. Алексова К.С., Мосинец А.Г. Българският дубитатив и неговите функционални съответствия при превод на руски // Международна конференция на Факултета по славянски филологии, Софийски университет «Св. Климент Охридски» на тема «От слово към действие: Разкази и интерпретации», 2–4 май 2019 (в печати).
5. Бояджиев А.Т., Димитрова Ц.И. Описание славянских исторических источников и диахронный корпус // Славянский мир: язык, литература, культура. – М.: МАКС Пресс, 2018. – С. 41–43.
6. Димитрова Ц.И. Бележки върху изграждането на клиничния комплекс в историята на българския език // XXV Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. – Санкт-Петербург: ВВМ, 2020. – С. 22–30.
7. Димитрова Ц.И. Отново за историческия развой на конструкциите за бъдеще време – по корпусни данни // Съпоставително езикознание. – 2020. – № 2 (в печати).
8. Иванова Е.Ю. Количественные группы с аппроксиматором *-ина*: структура и синтаксис // XXV Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. – Санкт-Петербург: ВВМ, 2020. – С. 30–36.

9. Иванова Е.Ю., Алексова К.С. Грамматикализация ЩЕ в болгарском языке: следование, предположение, но не только... // Славянский мир: язык, литература, культура. – М.: МАКС Пресс, 2018. – С. 105-109.
10. Иванова Е.Ю., Димитрова Ц.И. Союз «макар» в болгарских памятниках XV-XVII вв. // Studi Slavistici. – XVII. – 2020. – № 1. – С. 15-33.
11. Лютикова Е.А. Синтаксис именной группы в безартиклевом языке. – М.: ЯСК, 2018. – 440 с.
12. Макарцев М.М. Эвиденциальность в пространстве балканского текста. Москва/Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014. – 444 с.
13. Мосинец А.Г. Конклюдив в русско-болгарских и болгарско-русских переводах художественной литературы // Славянский мир: язык, литература, культура. – М.: МАКС Пресс, 2018. – С. 211-214.
14. Мосинец А.Г., Алексова К.С. Дубитатив и конклюдив в современном болгарском языке: сферы употребления и тактики перевода // XXIV Державинские чтения: современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. – СПб.: ВВМ, 2019. – С. 19-28.
15. Москова М.Д. Съвпадението на формите на индикативния перфект и конклюдивния аорист в съвременния български език // Материали от международна конференция «От слово към действие: разкази и репрезентации», 02-04. 05. 2019 г. (в печати).
16. Москова М.Д. Употреби на конклюдива при предаване на чужда реч в подчинено изречение с глагол за предаване на чужда реч в главното // Съвременна лингвистика. – 2019. – № 2. – С. 19–30.
17. Осенова П.Н. Непрототипните подлози в българския език // Стереотипът в славянските езици, литератури и култури. – Том първи. Езикознание. – С. 653-658.
18. Осенова П.Н. Параметри на нулевата субектност в българския език // Лингвистични проблеми. – 2019. – С. 173-180.
19. Осенова П.Н. Поведението на именните групи за приблизителност от типа ‘над 300 души’ или ‘около 15 села’ в позиция на подлог // Българистични езиковедски четения. – София, 2019. – С. 280–285.
20. Циммерлинг А.В. Болгарские клитики и коммуникативная структура: описание и типология // Доклады от международната годишна конференция на Института за български език «Профессор Любомир Андрейчин». – Т. I. София: «Проф. Марин Дринов», 2020. – С. 35-45.
21. Циммерлинг А. В. Корпусная грамматика количественных групп в русском языке // Dialogue 2019. – Вып. 18 (25). – 2019. – С. 742–760.
22. Aikhenvald A. Evidentiality. – Oxford, Oxford University Press, 2004, 452 p.
23. Ivanova E., Zimmerling A. Shared by all speakers? Dative predicatives in Bulgarian and Russian // Български език и литература. – 61 (2019). – № 4, pp. 353–362.

References in Roman script

1. Aleksova K.S. Dubitativat v savremenniya balgarski ezik v tipologicheski aspekt // Rada i priyateli. Sbornik v chest na 65-godishninata na prof. d-r Radka Vlahova. – Sofiya: UI „Sv. Kliment Okhridski“, 2019. – S. 119–136.
2. Aleksova K.S. Konkludivat i prezumptivat v savremenniya balgarski ezik – obshtnost i razlichiya // XXV DERZHAVINSKIE CHTENIYA. SOVREMENNYE I ISTORICHESKIE PROBLEMY BOLGARISTIKI I SLAVISTIKI. – Sankt-Peterburg: VVM, 2020. – S. 13–22.
3. Aleksova K.S., Ivanova E.Yu. Sledkhodnost i predpolozhenie kato gramatikalizirani znacheniya na chastitsata *shte* v balgarskiya ezik // XXIII Derzhavinskie chteniya: Sovremennye i istoricheskie problemy bolgaristiki i slavistiki. – Sankt-Peterburg: VVM, 2018. – S. 3-10.
4. Aleksova K.S., Mosinets A.G. Balgarskiyat dubitativ i negovite funktsionalni saotvetstviya pri prevod na ruski // Mezhdunarodna konferentsiya na Fakulteta po slavyanski filologii, Sofiyski universitet „Sv. Kliment Okhridski“ na tema „Ot slovo kam deystvie: Razkazi i interpretatsii, 2–4 may 2019 (in print).
5. Boyadzhiev A.T., Dimitrova Ts.I. Opisanie slavyanskikh istoricheskikh istochnikov i diakhronnyy korpus // Slavyanskiy mir: yazyk, literatura, kultura. – М.: МАКС Press, 2018. – S. 41–43.

6. Dimitrova Ts.I. Belezhki varkhu izgrazhdaneto na klitichniya kompleks v istoriyata na balgarskiya ezik // XXV DERZHAVINSKIE CHTENIYA. SOVREMENNYE I ISTORICHESKIE PROBLEMY BOLGARISTIKI I SLAVISTIKI. – Sankt-Peterburg: VVM, 2020. – S. 22–30.
7. Dimitrova Ts.I. Otnovo za istoricheskiya razvoy na konstruktsiite za badeshte vreme – po korpusni dannii // Sapostavitelno ezikoznanie. – 2020. – No. 2 (in print).
8. Ivanova E.Yu. Kolichestvennyye gruppy s approksimantom -INA: struktura i sintaksis // XXV DERZHAVINSKIE CHTENIYA. SOVREMENNYE I ISTORICHESKIE PROBLEMY BOLGARISTIKI I SLAVISTIKI. – Sankt-Peterburg: VVM, 2020. – S. 30–36.
9. Ivanova E.Yu., Aleksova K.S. Grammatikalizatsiya ShchE v bolgarskom yazyke: sledovanie, predpolozhenie, no ne tolko... // Slavyanskiy mir: yazyk, literatura, kultura. – M.: MAKS Press, 2018. – S. 105-109.
10. Ivanova E.Yu., Dimitrova Ts.I. Soyuz «makar» v bolgarskikh pamyatnikakh XV-XVII vv. // Studi Slavistici. – XVII. – 2020. – No. 1. – S. 15-33.
11. Lyutikova E.A. Sintaksis imennoy gruppy v bezartiklevom yazyke. – M.: YaSK, 2018. – 440 s.
12. Makartsev M.M. Evidentsialnost v prostranstve balkanskogo teksta. Moskva/Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2014. – 444 s.
13. Mosinets A.G. Konklyuziv v russko-bolgarskikh i bolgarsko-russkikh perevodakh khudozhestvennoy literatury // Slavyanskiy mir: yazyk, literatura, kultura. – M.: MAKS Press, 2018. – S. 211-214.
14. Mosinets A.G., Aleksova K.S. Dubitativ i konklyuziv v sovremennom bolgarskom yazyke: sfery upotrebleniya i taktiki perevoda // XXIV Derzhavinskie chteniya: sovremennye i istoricheskie problemy bolgaristiki i slavistiki. – SPb.: VVM, 2019. – S. 19-28.
15. Moskova M.D. Savpadeniето na formite na indikativniya perfekt i konkluzivniya aorist v savremenniya balgarskiya ezik // Materiali ot mezhdunarodna konferentsiya „Ot slovo kam deystvie: razkazi i reprezentatsii“, 02-04. 05. 2019 g. (v pechati).
16. Moskova M.D. Upotrebi na konkluziva pri predavane na chuzhda rech v podchineno izrechenie s glagol za predavane na chuzhda rech v glavnoto // Savremenna lingvistika. – 2019. – No. 2. – S. 19–30.
17. Osenova P.N. Neprototipnite podlozi v balgarskiya ezik // Stereotipat v slavyanskite ezitsi, literaturi i kulturi. – Tom parvi. Ezikoznanie. – S. 653-658.
18. Osenova P.N. Parametri na nulevata subektnost v balgarskiya ezik // Lingvistichni problemi. – 2019. – S. 173-180.
19. Osenova P.N. Povedeniето na imennite grupi za priblizitelnost ot tipa ‘nad 300 dushi’ ili ‘okolo 15 sela’ v pozitsiya na podlog // Balgaristichni ezikovedski cheteniya. – Sofiya, 2019. – S. 280–285.
20. Tsimmerling A.V. Bolgarskie klitiki i kommunikativnaya struktura: opisaniye i tipologiya // Dokladi ot mezhdunarodnata godishna konferentsiya na Instituta za balgarski ezik “Professor Lyubomir Andreychin”. – T. I. Sofiya: “Prof. Marin Drinov”, 2020. – S. 35-45.
21. Tsimmerling A.V. Korpusnaya grammatika kolichestvennykh grupp v russkom yazyke // Dialogue 2019. – Vyp. 18 (25). – 2019. – S. 742–760.
22. Aikhenvald A. Evidentiality. – Oxford, Oxford University Press, 2004. – 452 p.
23. Ivanova E., Zimmerling A. Shared by all speakers? Dative predicatives in Bulgarian and Russian // Balgarski ezik i literatura. – 61 (2019). – No. 4. – pp. 353–362.

References

1. Aleksova, K. S. Typological aspect of the dubitative in modern Bulgarian. Rada and friends. A book of readings in honor of Prof. Radka Vlahova in celebration of her 65th birthday. Sofia, University Press St. Kliment Ohridski, 2019, pp. 119-136. (In Bulgarian).
2. Aleksova, K.S. The conclusive and the presumptive in modern Bulgarian – common features and differences. XXV Derzhavin Readings. Contemporary and historical issues of Bulgarian and Slavic studies. St. Petersburg, BBM, pp. 13–22. (In Bulgarian).
3. Aleksova, K.S., Ivanova, E.Y. Posteriority and presumption as grammaticalized meanings of the particle SHTE in Bulgarian language. XXIII Derzhavin Readings. Contemporary and historical issues of Bulgarian and Slavic studies. St. Petersburg, BBM, 2018, pp. 3–10. (In Bulgarian).

4. Aleksova, K.A., A.G. Mosinets. Bulgarian dubitative and its Russian functional equivalents. Proceedings of the International Conference “From word to action – stories and interpretations”, Faculty of Slavic Studies, Sofia University St. Climent Ohridski, 2nd – 4th may 2019, (in press). (In Bulgarian).
5. Bojadzhiev, A.T., Dimitrova, T. I. On the description of the Slavic diachronic sources and the diachronic corpus. The Slavic world: language, literature, culture: Moscow, MAKS Pres, 2018, pp. 41–43. (In Russian).
6. Dimitrova, T.I. Notes on the composition of the clitic cluster in the history of the Bulgarian language. XXV Derzhavin readings: Contemporary and historical issues in the Bulgarian and Slavic studies. St. Petersburg, BBM, 2020, pp. 22–30. (In Bulgarian).
7. Dimitrova, T. I. Once again on the historical development of the future tense constructions: on corpus data. Contrastive linguistics, 2020, no 2, (in press). (In Bulgarian).
8. Ivanova, E.Y. Quantifier phrases with -ina approximant: structure and syntax. XXV Derzhavin Readings. Contemporary and historical issues of Bulgarian and Slavic studies. St. Petersburg, BBM, 2020, pp. 30–36. (In Russian).
9. Ivanova, E. Y., Aleksova, K.S. Grammaticalization of SHTE in Bulgarian language: posteriority. presumption, but not only... The Slavic world: language, literature, culture. Moscow, MAKS Press, 2018, pp. 105–109. (In Russian).
10. Ivanova, E.Y., Dimitrova, T.I. The conjunction ‘makar’ in Bulgarian monuments dated between 15th and 17th centuries. Studi Slavistici, XVII, 2020, no 1, pp. 15–33. (In Russian).
11. Lyutikova, E.A. The syntax of the nominal phrase in articleless languages. M., YASK, 2018. 440 p. (In Russian).
12. Makartsev, M. M. Evidentiality in the Balkan Text Space. Moscow/St. Petersburg: Nestor-History, 2014. 443 p. (In Russian).
13. Mosinets, A.G. Conclusive in translations of Bulgarian fiction into Russian and Russian fiction into Bulgarian. Slavic world: language, literature, culture. Moscow, MAKS Pres, 2018, pp. 211–214. (In Russian).
14. Mosinets, A.G., Aleksova, K.S. Dubitative and conclusive in contemporary Bulgarian: spheres of usage and translation strategies. XXIV Derzhavin readings: Contemporary and historical issues in the Bulgarian and Slavic studies. St. Petersburg, BBM, 2019, pp. 19–28. (In Russian).
15. Moskova, M. D. The coincidence of the forms of the indicative perfect and the conclusive aorist in modern Bulgarian. Proceedings of the International conference “From word to action – stories and interpretations”, Faculty of Slavic Studies, Sofia University St. Climent Ohridski, 2nd – 4th may 2019, (in press). (In Bulgarian).
16. Moskova, M.D. Uses of the conclusive in renarrative subordinate clauses with a reporting verb in the main clause. Contemporary linguistics, 2019, pp. 19–30. (In Bulgarian).
17. Osenova, P.N. Non-prototypical subjects in Bulgarian. The stereotype in Slavic languages, literatures and cultures. Vol. 1, Linguistics, 2019, pp. 653–658. (In Bulgarian).
18. Osenova, P.N. Parameters of null subjects in Bulgarian. Linguistic problems, 2019, pp. 173–180. (In Bulgarian).
19. Osenova, P.N. The behavior of the nominal phrases of approximation of the type 'over 300 people' or 'around 15 villages' in a subject position. Bulgarian-oriented linguistic readings. Sofia, 2019, pp. 280–285. (In Bulgarian).
20. Zimmerling, A.V. Bulgarian clitics and communicative structure: description and typology. Proceedings of the International annual conference of the Institute for Bulgarian language. Volume I, Sofia, Prof. Marin Drinov, pp. 35–45. (In Russian).
21. Zimmerling A. V. The corpus grammar of Russian QPS. Dialog 2019. M., 2019, pp. 1–19. (In Russian).
22. Aikhenvald, Al. Evidentiality. Oxford, Oxford University Press, 2004, 452 p.
23. Ivanova E.Y., Zimmerling A.V. Shared by all speakers? Dative predicatives in Bulgarian and Russian. Bulgarian language and literature, 61, 2019, no 4, pp. 353–362.

УДК 811.161.1; 81'373

Воркачев Сергей Григорьевич
 доктор филологических наук, профессор
 Кубанский государственный
 технологический университет
 Россия, г. Краснодар
 e-mail: svork@mail.ru;
 vorkachevsergei@yandex.ru

Vorkachev Sergey Grigorievich
 Professor, Dr. Sc. (Philology)
 Kuban State Technological University
 Russia, Krasnodar
 e-mail: svork@mail.ru;
 vorkachevsergei@yandex.ru

С.Г. Воркачев

ЗА ВСЕ БЛАГОДАРИТЕ: БЛАГОДАРНОСТЬ В РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Исследуется вербализация концепта 'благодарность' в библейских текстах. Устанавливается, что в религиозном сознании благодарность регулирует отношения между Творцом и верующим, в то время как благодарность человека человеку носит вторичный и опосредованный характер. Подавляющее большинство лексических показателей благодарности распределяются в три семантических блока: вербальный, материально-символический и общеродовой. Лексемы, передающие хвалу и благодарность, регулярно встречаются в одном смысловом ряду и синонимизируются. Благодарность Богу в тексте Библии воздается за сам факт Его существования, за Его доброту и милость, за Его благодеяния, за Иисуса Христа, за радость христианской веры, за конкретные благоприятные события и деяния.

Ключевые слова: благодарность, благодеяние, религиозный дискурс, вербализация, семантический блок

S.G. Vorkachev

GIVE THANKS IN ALL CIRCUMSTANCES: GRATITUDE IN A RELIGIOUS DISCOURSE

Abstract: The verbalization of the concept of 'gratitude' in biblical texts is examined. It is established that in religious consciousness gratitude regulates the relationship between the Creator and the believer, while gratitude of a person to a person is of a secondary and indirect nature. The overwhelming majority of lexical indicators of gratitude are distributed in three semantic blocks: verbal, material-symbolic, and general gender. Tokens that convey praise and gratitude are regularly found in the same semantic line and are synonymous. Gratitude to God in the text of the Bible is given for the very fact of His existence, for His kindness and mercy, for His good deeds, for Jesus Christ, for the joy of the Christian faith, for specific favorable events and deeds.

Keywords: gratitude, beneficence, religious discourse, verbalization, semantic block

Кто воздает за благодеяния, тот помышляет о будущем
 и во время падения найдет опору (Сир. 3: 31).

Религия как договор между Богом и людьми о смысле жизни представляет собой «область повышенного внимания к слову» [13, с. 4], и лингвистика как научная дисциплина началась с изучения богословских текстов. Разворот парадигмы гуманитарных знаний в сторону человека второй половины прошлого века привел к появлению в языкознании «биноминальных», гибридных научных направлений: социолингвистики, психолингвистики, эколингвистики, юридической лингвистики, лингвокультурологии, а также теолингвистики как синтеза богословия, религиозной антропологии и науки о языке, в задачи которой входит изучение взаимодействия языка и религии, главным образом, на материале религиозного дискурса. В рамках исследования базовых концептов религиозного дискурса изучались «вера», «Бог»,

«грех», «закон», «наказание», «душа», «храм», «любовь», «надежда» [5, с. 97–131; 2, с. 84–234], однако, насколько известно, такому значимому для религиозного сознания концепту как Благодарность» должного внимания не уделялось.

Благодарность как категория морального сознания и регулятор межличностных отношений – одно из воплощений принципа справедливости – представляет собой, пожалуй, наиболее этически значимую составляющую идеи воздаяния [9, с. 119]. Исторически базовые этические концепты первоначально эволюционировали в лоне религиозного сознания и в силу этого особую значимость для лингвокультурного изучения специфики моральных категорий представляют наблюдения над их вербализацией в сакральных текстах, где уже описывались справедливость [6], тщеславие [7] и мздоимство [8].

Благодарность в Библии – «одно из ключевых слов» [15] – лексические единицы с корнем «благодар-» встречаются в библейском тексте в целом более ста раз [15], в том числе в тексте Евангелия – более 50 [11, с. 98]. Здесь по существу благодарность выступает тем ответом, который верующий человек дает на деяния Бога: сотворение мира и людей и обеспечение их дарами для тела и души [15]. С благодарности Богу начинается вера, а общий настрой проявлять благодарность во всех случаях жизненных испытаний выступает отличительной чертой христианина [11, с. 98–99]

При всей тождественности «материального тела» её языковых показателей в религиозном и «светском» дискурсах благодарность теологическая и «просто благодарность» далеко не одно и то же, а в определенной степени «вещи несовместные».

Прежде всего, если в этическом и обыденном сознании благодарность функционально выступает как регулятор межличностных и социальных отношений – «узами признательности в значительной мере связывается человеческое общество» [10, с. 564], то в сознании религиозном универсальным благодетелем и адресатом полноценной и истинной благодарности может быть только Бог [1, с. 45]. По сути дела, благодарность здесь регулирует отношения между Творцом всего сущего и верующим человеком, в то время как благодарность человека человеку носит вторичный и опосредованный характер, она «приводит человека еще ближе к Господу и открывает ему дверь к тайнам небесного мира» [15].

Если благодарность в этическом и обыденном сознании в историческом плане представляет собой некоего рода «сублимацию» справедливости [12, с. 28] как воздаяния добром за добро и злом за зло, то благодарность теологическая соотносима, скорее, с милосердием [1, с. 45] – воздаянием добром за отсутствие добра или даже за зло: *За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе* (1 Фес. 5: 18). «За все» – имеются в виду, очевидно, в том числе несчастья, беды и страдания, с которыми приходится сталкиваться человеку в земной жизни: *Кто благодарит Бога только в благополучии и не благодарит Его в других ситуациях, тот не любит Бога* [4]; *Говоришь: «Да у меня все горести, бедность, болезни, напасти». Что же, и это способствует стяжанию вечного блаженства: потерпи* [16]); *Ты должен увидеть во всем, и в том, что идет дождь, что засуха, случилось ли несчастье, пала ли у тебя скотина – ты во всем должен увидеть благодетельную руку Божию* [3].

И, наконец, если благодарность в этическом и обыденном сознаниях представляет собой положительное моральное качество личности – добродетель, которой можно обладать, а можно и не обладать, то благодарность теологическая – это уже обязанность верующего [1, с. 45], не исполняя которую он превращается в безбожника [2]: *Ни одно деяние Господа не должно оставаться без слова, без благодарного ответа, без жертвы уст, без благодарственной молитвы!* [15].

В этическом и обыденном сознании для успешности акта благодарения необходима, по меньшей мере, ценностная эквивалентность благодеяния и ответного дара, а в идеальном случае ответный дар должен превосходить по цене благодеяние, поскольку *кто возвращает благодеяние без ростов, тот неблагодарный человек* [17, с. 269]. Однако, как же мы можем расквитаться со Всемогущим господом Богом за все его благодеяния?: *Ведь под «благо дарю» подразумевается, что мы можем что-то дать. А Богу разве можем мы что-то дать?* [4]. Действительно, воздать благодарность своему Создателю человек может только интенсивностью эмоционального переживания, вербализуемого в благодарственных молитвах и выражаемого в символических жертвах. В то же самое время благодарность Богу за достижения, основания для которых человек находит в самом себе и которые, по его мнению, совершаются без участия Бога, приписывается гордыне и признается ложной [15], *ибо не тот достоин, кто сам себя хвалит, но кого хвалит Господь* (2 Кор. 10: 18).

Тематическое поле лексических средств вербализации благодарности в Библии достаточно обширно и включает такие единицы, как *(воз/от)благодарить, благодарность, благодарение, благодарный, благодарственный, славить/(вос/про)славлять, слава, славословие, славен, благословлять, благословение, благословенный; хвалить/восхвалять, хвала; воздавать, воздаяние; жертвовать, жертва.*

В соответствии с основными «фацетами» благодарности подавляющее большинство этих единиц распределяется в три семантических блока: вербальный, материально-символический (поведенческий) и общеродовой, отправляющий к интегральной семантике благодарности.

Вербальный блок благодарности представлен лексемами *славить/(вос/про)славлять, слава, славословие, славен, благословлять, благословение, благословенный; хвалить/(про)восхвалять, хвала: Входите во врата Его со славословием, во двory Его – с хвалою. Славьте Его, благословляйте имя Его (Пс. 99: 4); Господь – крепость моя и щит мой; на Него уповало сердце мое, и Он помог мне, и возрадовалось сердце мое; и я прослаблю Его песнью моею (Пс. 27: 7); Благословлю Господа во всякое время; хвала Ему непрестанно в устах моих (Пс. 33: 2); Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно! (Иов. 1: 21); Благослови, душа моя, Господа и не забывай всех благодеяний Его (Пс. 102: 2); Хвалите Господа, ибо Господь благ; пойте имени Его, ибо это сладостно (Пс. 134: 3); И да познают, что Ты Господь Бог един и славен по всей вселенной (Дан. 3: 45).*

В первых книгах Ветхого Завета самостоятельная лексика для обозначения благодарности отсутствует, она вербализуется при помощи слов *yādā* и *tōdā*, которые обычно переводятся как «славить» и «славословие», в синодальном переводе Псалтири лексемы, производные от корня «благодар-», не встречаются вообще [11, с. 97–98]. В прочих книгах Ветхого Завета и Евангелия лексемы, передающие хвалу и благодарность, регулярно встречаются в одном смысловом ряду и синонимизируются: *После каждого дела своего он приносил благодарение Святому Всевышнему словом хвалы; от всего сердца он воспевал и любил Создателя своего (Сир. 47: 9–10); Но как они, познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели (Рим. 1: 21–22); И чтобы становились каждое утро благодарить и славословить Господа, также и вечером (1 Пар. 23: 30).* Можно заметить, что в современной русской речи междометие «Слава Богу!» выступает своего рода рефлексом библейской вербализации благодарности.

Материально-символический блок представлен лексемами *жертвовать* и *жертва*. *Жертва благодарности* или *жертва хвалы* это разновидность мирной жертвы в системе жертвоприношений Моисеева завета, которая воздавалась в знак благодарности Господу за все Его благодеяния [9, с. 97]: *Вот закон о жертве мирной, которую приносят Господу: если кто в благодарность приносит ее, то при жертве благодарности он должен принести пресные хлебы, смешанные с елеем, и пресные лепешки, помазанные елеем, и пшеничную муку, напитанную елеем, хлебы, смешанные с елеем* (Лев. 7: 12–13); *Тот кто приносит жертву хвалы и чтит меня, тот подготавливает путь для Божьего спасения* (Пс. 49: 23).

Количественно наиболее объемный блок родовой семантики благодарности представлен лексемами *(воз/от)благодарить*, *благодарность*, *благодарение*, *благодарный*, *благодарственный*: *Итак отняли камень от пещеры, где лежал умерший. Иисус же возвел очи к небу и сказал: Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня* (Ин. 11: 41); *Сказав это и взяв хлеб, он возблагодарил Бога перед всеми и, разломив, начал есть* (Деян. 27: 35); *Не открывай всякому человеку твоего сердца, чтобы он дурно не отблагодарил тебя* (Сир. 8: 22); *И если любите любящих вас, какая вам за то благодарность?* (Лк. 6: 32); *Благодарение Богу, что вы, быв прежде рабами греха, от сердца стали послушны тому образу учения, которому предали себя* (Рим. 6: 17); *Кроме лепешек пусть он приносит в приношение свое квасный хлеб, при мирной жертве благодарной* (Лев. 7: 12–13); *И понесло все собрание жертвы и благодарственные приношения, и всякий, кто расположен был сердцем, – всесожжения* (1 Пар. 29: 31).

Совершенно естественно, в Священном Писании благодарность воздается господу Богу и носит характер публичной молитвы [11, с. 97–99].

«Формула благодарности» или в терминах когнитивистики её «скрипт» включает место («слот») для первичного дара, за который необходимо «отдариваться», – благодеяния. В религиозной литературе приводятся целые списки того, за что и каким образом должны мы быть благодарными Богу [12].

Благодарность Богу в тексте Библии воздается, прежде всего, за сам факт его существования и сотворения им мира и человека: *Кто ест, для Господа ест, ибо благодарит Бога; и кто не ест, для Господа не ест, и благодарит Бога. Ибо никто из нас не живет для себя, и никто не умирает для себя; а живем ли – для Господа живем; умираем ли – для Господа умираем: и потому, живем ли или умираем, – всегда Господни* (Рим. 14: 6–8). За Его доброту и милость, за Его благодеяния: *Славьте Господа, ибо он благ, ибо вовек милость Его* (Пс. 105: 1); *Благослови, душа моя, Господа и не забывай всех благодеяний Его* (Пс. 102: 2); *Славьте Господа Саваофа, ибо благ Господь, ибо вовек милость Его* (Иер. 33: 11). За Его чудесные деяния: *Да славят Господа за милость Его и за чудные дела Его для сынов человеческих: ибо Он насытил душу жаждущую и душу алчущую исполнил благами* (Пс. 106: 8–9); *Благодарение Богу за неизреченный дар Его!* (2 Кор. 9: 15). За Иисуса Христа, которого Он послал в мир для спасения человечества: *Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом!* (1 Кор. 15: 57). За христианскую веру, которую Он дал: *Прежде всего благодарю Бога моего через Иисуса Христа за всех вас, что вера ваша возвещается во всем мире* (Рим. 1: 8); *Всегда по справедливости мы должны благодарить Бога за вас, братья, потому что возрастает вера ваша, и умножается любовь каждого друг ко другу между всеми вами* (2 Фес. 1: 3). За радость, которую дает вера: *Какую благодарность можем мы воздать Богу за вас, за всю радость, которою радуемся о вас пред Богом нашим* (1 Фес. 3: 9). За конкретные благоприятные события и деяния: *Тамошние братья, услышав о нас, вышли нам навстречу до Аппиевой*

площади и трех гостиниц. Увидев их, Павел возблагодарил Бога и ободрился (Деян. 28: 15); Непрестанно благодарю Бога моего за вас, ради благодати Божией, дарованной вам во Христе Иисусе (1 Кор. 1: 4).

Благодарность человека человеку в библейском тексте встречается значительно реже благодарности Богу. Это всегда благодарность за конкретные дела и вербализуется она только с помощью лексики, производной от корня «благодар-»: *А за то, что, быв прежде обижаемы ими, не мстили им, благодарили и просили прощения в том, что заставляли переносить их* (Прем. 18: 2); *И послал Фой Иорама, сына своего, к царю Давиду, приветствовать его и благодарить его за то, что он воевал с Адраазаром и поразил его; ибо Адраазар вел войны с Фоем* (2 Цар 8: 10).

И, наконец, в тексте Библии встречаются праксеологические замечания относительно благодарности. Так, рекомендуется не советовать о благодарности с завистливым (*Не советуйся с женою о сопернице ее и с боязливым – о войне, с продавцом – о мене, с покупщиком – о продаже, с завистливым – о благодарности, с немилосердным – о благотворительности, с ленивым – о всяком деле, с годовым наемником – об окончании работы, с ленивым рабом – о большой работе* – Сир. 37: 11–13), смотреть на то, кому делаешь добро (*Если ты делаешь добро, знай, кому делаешь, и будет благодарность за твои благодеяния* – Сир. 12: 1), не откровенничать с первым встречным (*Не открывай всякому человеку твоего сердца, чтобы он дурно не отблагодарил тебя* – Сир. 8: 22).

Итак.

Благодарность в Библии – основополагающее понятие, радикально отличающееся от одноименного понятия в обыденном сознании. В религиозном сознании универсальным благотворителем и адресатом истинной благодарности может быть только Бог и, по сути дела, благодарность здесь регулирует отношения между Творцом всего сущего и верующим человеком, в то время как благодарность человека человеку носит вторичный и опосредованный характер. Благодарность теологическая соотносима, скорее, с милосердием – воздаянием добром за отсутствие добра или даже за зло, она представляет собой обязанность верующего, не исполняя которую он превращается в безбожника.

Подавляющее большинство лексических показателей благодарности распределяются в три семантических блока: вербальный, материально-символический (поведенческий) и общеродовой. Лексемы, передающие хвалу и благодарность, регулярно встречаются в одном смысловом ряду и синонимизируются.

Благодарность Богу в тексте Библии воздается за сам факт Его существования, за Его доброту и милость, за Его благодеяния, за Иисуса Христа, за радость христианской веры, за конкретные благоприятные события и деяния. Благодарность человека человеку в библейском тексте встречается значительно реже благодарности Богу и вербализуется только с помощью лексики, производной от корня «благодар-».

Библиографический список

1. Апресян Р.Г. Благодарность // Этика: энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2001. – С. 44–45.
2. Арутюнян Н. Л. Лингвокультурологический анализ трансцендентных сверхконцептов «вера», «Бог», «душа», «любовь», «надежда». – Ереван: Зангак-97, 2008. – 256 с.
3. Благодарность – Режим доступа: <http://kistine1.narod.ru/zanyatiya1/blagodarnost.html>
4. Благодарность – Режим доступа: <http://tv-soyuz.ru/peredachi/blagodarnost>
5. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения). – Волгоград: Перемена, 2007. – 375 с.

6. Воркачев С.Г. Правда Божия: идея справедливости в религиозном дискурсе // Новое в славянской филологии. Вып. 4. – Севастополь: Рибэст, 2009. – С. 3–20.
7. Воркачев С.Г. Vanitas vanitatis: тщеславие в религиозном дискурсе // Вестник Воронежского ГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2018. – № 1. – С. 5–6.
8. Воркачев С.Г. Даров не принимай: мздоимство в тексте Библии // Русистика без границы: Международно научно списание. – София, 2018. – № 3. – С. 8–13.
9. Воркачев С.Г. Какою мерою мерите: идея воздаяния в лингвокультуре. – М.: Флинта, 2020. – 372 с.
10. Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1989. – 654 с.
11. Дориани Д. Благодарность, благодарение // Евангельский словарь библейского богословия. – СПб: Библия для всех, 2002. – 1232 с.
12. Кон И. С. Словарь по этике. – М.: Политиздат, 1983. – 445 с.
13. Мечковская Н. Б. Язык и религия. – М.: Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.
14. О благодарности и неблагодарности – Режим доступа: <http://www.cogmtl.net/Articles/051.htm>
15. Ринекер Ф., Майер Г. Благодарность // Библейская энциклопедия Брокгауза – Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/biblejskaja-entsiklopedija-brokgauza/600>
16. Святые отцы о неблагодарности Богу – Режим доступа: www.verappravoslavna.ru
17. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию. – М.: Эксмо, 2009. – 560 с.

References in Roman script

1. Apresyan R.G. Blagodarnost' // Etika: enciklopedicheskiy slovar' – М.: Gardariki, 2001. – S. 44–45.
2. Arutjunjan N. L. Lingvokul'turologicheskiy analiz transcendentnykh sverhkonceptov «vera», «Bog», «dusha», «ljubov'», «nadezhda». – Erevan: Zangak-97, 2008. – 256 s.
3. Blagodarnost' – Rezhim dostupa: <http://kistine1.narod.ru/zanyatiya1/blagodarnost.html>
4. Blagodarnost' – Rezhim dostupa: <http://tv-soyuz.ru/peredachi/blagodarnost>
5. Bobyreva E. V. Religioznyj diskurs: cennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya). – Volgograd: Peremena, 2007. – 375 s.
6. Vorkachev S.G. Pravda Bozhija: ideja spravедливости v religioznom diskurse // Novoe v slavjanskoj filologii. Vyp. 4. – Sevastopol': Ribest, 2009. – S. 3–20.
7. Vorkachev S.G. Vanitas vanitatis: tshcheslavie v religioznom diskurse // Vestnik Voronezhskogo GU. Serija «Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija». – 2018. – № 1. – S. 5–6.
8. Vorkachev S.G. Darov ne prinimaj: mzdoinstvo v tekste biblii // Rusistika bez granici: Mezhdunarodno nauchno spisanie. – Sofija, 2018. – № 3. – S. 8–13.
9. Vorkachev S.G. Kakoju meroju merite: ideja vzdajaniya v lingvokul'ture. – M: Flinta, 2020. – 372 s.
10. Dekart R. Sochinenija: v 2 t. T. 1. – М.: Mysl', 1989. – 654 s.
11. Doriani D. Blagodarnost', blagodarenie // Evangel'skiy slovar' biblejskogo bogoslovija. – SPb: Biblija dlja vseh, 2002. – 1232 s.
12. Kon I. S. Slovar' po etike. – М.: Politizdat, 1983. – 445 s.
13. Mechkovskaja N. B. Jazyk i religija. – М.: Agentstvo «FAIR», 1998. – 352 s.
14. Blagodarnosti i neblagodarnosti – Rezhim dostupa: <http://www.cogmtl.net/Articles/051.htm>
15. Rineker F., Majer G. Blagodarnost' // Biblejskaja enciklopedija Brokgauza – Rezhim dostupa: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/biblejskaja-entsiklopedija-brokgauza/600>
16. Svjatye otcy o neblagodarnosti Bogu – Rezhim dostupa: www.verappravoslavna.ru
17. Seneka L.A. Nравstvennye pis'ma k Luciliju. – М.: Eksmo, 2009. – 560 s.

References

1. Apresyan R.G. Gratitude. Ethics: Encyclopedic Dictionary. Moscow, Gardariki Publ., 2001, pp. 44–45. (In Russian).
2. Harutyunyan N. L. Linguoculturological analysis of transcendental superconcepts “faith“, “God“, “soul“, “love“, “hope“. Yerevan, Zangak-97 Publ., 2008. 256 p. (In Russian).
3. Gratitude. Available at: <http://kistine1.narod.ru/zanyatiya1/blagodarnost.html> (In Russian).

4. Gratitude. Available at: <http://tv-soyuz.ru/peredachi/blagodarnost> (In Russian).
5. Bobyreva E.V. Religious discourse: values, genres, strategies (based on the material of Orthodox dogma). Volgograd, Peremena Publ., 2007. 375 p. (In Russian).
6. Vorkachev S.G. The truth of God: the idea of justice in religious discourse. New in Slavic Philology, vol. 4. Sevastopol, Ribest Publ., 2009. pp. 3–20. (In Russian).
7. Vorkachev S.G. Vanitas vanitatis: vanity in religious discourse. Bulletin of the Voronezh State University. Series “Linguistics and Intercultural Communication“, 2018, no. 1, pp. 5–6. (In Russian).
8. Vorkachev S.G. Don't accept bribes: bribery in the text of the Bible. Russian Studies without Borders: International Scientific Journal. Sofia, 2018, no. 3, pp. 8–13. (In Russian)
9. Vorkachev S.G. With the Measure You Use: the Idea of Retribution in Linguistic Culture. Moscow, Flinta Publ., 2020. 372 p. (In Russian).
10. Descartes R. Works: in 2 vols. T. 1. Moscow, Mysl' Publ., 1989. 654 p. (In Russian).
11. Doriani D. Gratitude, thanksgiving. Gospel Dictionary of Biblical Theology. St. Petersburg, The Bible for All Publ., 2002. 1232 p. (In Russian).
12. Kon I. S. Dictionary of Ethics. Moscow, Politizdat Publ., 1983. 445 p. (In Russian).
13. Mechkovskaya N. B. Language and religion. Moscow, Agency "FAIR" Publ., 1998. 352 p. (In Russian).
14. About gratitude and ingratitude. Available at: <http://www.cogmtl.net/Articles/051.htm> (In Russian).
15. Rineker F., Mayer G. Gratitude. Brockhaus Bible Encyclopedia. Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/biblejskaja-entsiklopedija-brokgauza/600> (In Russian).
16. The Holy Fathers on the Ingratitude of God. Available at: www.verapравoslavnaya.ru (In Russian).
17. Seneca L.A. Moral Letters to Lucius. Moscow, Eksmo Publ., 2009. 560 p. (In Russian).

Сокращения

Лев.	Левит
2 Цар.	2 Царств
1 Пар.	1 Парлипоменон
Иов	Иов
Пс.	Псалтирь
Иер.	Иеремя
Дан.	Даниил
Сир.	Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова
Лк.	Луки
Ин.	Иоанна
Деян.	Деяния
Рим.	Римлянам
1 Кор.	1 Коринфянам
2 Кор.	2 Коринфянам
1 Фес.	1 Фессалоникийцам
2 Фес.	2 Фессалоникийцам

Abbreviations in Roman Script

Lev.	Levit
2 Car.	2 Carstv
1 Par.	1 Parlipomenon
Iov	Iov
Ps.	Psaltir'
Ier.	Ieremija
Dan.	Daniil

Sir.	Kniga premudrosti Iisusa, syna Sirahova
Lk.	Luki
In.	Ioanna
Dejan.	Dejanija
Rim.	Rimljanam
1 Kor.	1 Korinfjanam
2 Kor.	2 Korinfjanam
1 Fes.	1 Fessalonikijcam
2 Fes.	2 Fessalonikijcam

Abbreviations

Lev.	Leviticus
2 Car.	2 Kings
1 Par	1 Chronicles
Iov	Job
Ps.	Psalms
Ier.	Jeremiah
Dan.	Daniel
Sir.	Book of wisdom of Jesus son of Sirah
Lk.	Luke
In.	John
Dejan.	Acts
Rim.	Romans
1 Kor.	1 Corinthians
2 Kor.	2 Corinthians
1 Fes.	1 Thessalonians
2 Fes.	2 Thessalonians

УДК 81'42

Temnikova Lina Borisovna
Associate Professor, Ph.D. in Philology
Kuban State Technological University
Russia, Krasnodar
e-mail: temnikova-lina@mail.ru

Темникова Лина Борисовна
кандидат филологических наук, доцент
Кубанский государственный
технологический университет
Россия, г. Краснодар
e-mail: temnikova-lina@mail.ru

Vandisheva Anna Valentinovna
Associate Professor, Ph.D. in Philology
Kuban State Technological University
Russia, Krasnodar
e-mail: anna_valentino@mail.ru

Вандышева Анна Валентиновна
кандидат филологических наук, доцент
Кубанский государственный
технологический университет
Россия, г. Краснодар
e-mail: anna_valentino@mail.ru

L.B. Temnikova, A.V. Vandisheva
MEDIATEXT AND TEXT: ESSENCE AND FEATURES

Abstract. In this article the authors considered the concepts of media text and text, and also identified the essence and features of these universals. The authors of the article relied on the works of famous Russian and foreign linguists. The concept of text in the field of communication does not coincide with the traditional linguistic definition, since the text of the mass media goes beyond the sign verbal system. Medialinguistics considers the text not only as a linguistic phenomenon, but also as a cultural phenomenon. The most important characteristic of a modern mass media text, which distinguishes it from the text in general, is its multidimensionality (in the works of different authors it is denoted by the terms versatility, polyphonicity, heterogeneity or integrality), which should be understood as a combination of heterogeneous verbal, visual, audible, audiovisual or other components in a single semantic space of the text.

Keywords: text, media text, concept, polyphonicity, heterogeneity, multimodality, polycode, criterion, characteristic, phenomenon, idea

Л.Б. Темникова, А.В. Вагдышева
МЕДИАТЕКСТ И ТЕКСТ: СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. В данной работе авторы рассмотрели понятия медиатекст и текст, а также выявили сущность и особенности указанных универсалий. Составители статьи опирались на труды известных отечественных и зарубежных лингвистов. Понятие текста в сфере коммуникации не совпадает с традиционным лингвистическим определением, поскольку текст масс-медиа выходит за пределы знаковой вербальной системы. Медиалингвистика рассматривает текст не только как лингвистическое явление, но и как явление культурологическое. Самой важной характеристикой современного текста массовой информации, которая отличает его от текста вообще, является многомерность (в работах разных авторов обозначается терминами многоплановость, полифоничность, гетерогенность или интегральность), под которой следует понимать сочетание разнородных вербальных, визуальных, аудитивных, аудиовизуальных или других компонентов в едином смысловом пространстве текста.

Ключевые слова: текст, медиатекст, понятие, полифоничность, гетерогенность, мультимодальность, поликодовость, критерий, характеристика, явление, идея

Today, each person is inevitably faced with a large amount of incoming information. There is no doubt that such a flow of knowledge and facts that we receive are inseparably linked with the media, because it is they who participate in the construction of the individual by his special worldview and even are “an instrument of power and an instrument of implementing information dictate” [16, p. 54].

When studying the features and essence of the concepts of “media text” and “text”, we relied on the works of well-known Russian and foreign linguists, such as N. S. Valgina, G. Ya. Solganik, I.R. Halperin, A. Bell, T.A. van Dijk, T.G. Dobrosklonskaya, V.V. Krasnykh, E.S. Kubryakova, N.A. Kuzmina.

Each of the above researchers puts forward their own definitions of these phenomena. Before passing on to them, we should consider the definitions of “text”. So, in the linguistic encyclopedic dictionary, the text is defined as “a sequence of sign units united by a semantic connection, the main properties of which are connectivity and integrity” [14, p. 372].

N.S. Valgina defines a text as a unit of the highest level, “since it has the quality of semantic completeness as an integral literary work, that is, complete informational and structural whole,, [3, p. 5].

In turn, G. Ya. Solganik offers the following definition to this concept: “a text is a complex, hierarchically organized structure, which is a speech work characterized by integrity, coherence and completeness” [13, p. 15]. I.R. Halperin defines a text as “a work of a speech-making process that has completeness, objectified in the form of a written document, literary processed in accordance with the type of this document, a work consisting of a name (title) and a number of special units (supraphrasal unities), united different types of lexical, grammatical, logical, stylistic connection, which has a certain purposefulness and pragmatic attitude,, [2, p. 18]. Thus, in the definitions of a text as a collection of sign units, the key categories are coherence and semantic completeness.

The concept of text in the field of communication does not coincide with the traditional linguistic definition, since the text of the mass media goes beyond the sign verbal system. Medialinguistics considers the text not only as a linguistic phenomenon, but also as a cultural phenomenon.

Alan Bell writes: “The definition of media text goes beyond the traditional view of text as a sequence of words printed or written on paper. The concept of media text is much broader: it includes vocal qualities, music and sound effects, visual images..., [Quoted. by: 5, p. 40]. We cannot but agree that the text on television unfolds not only at the verbal level, but also at the level of video and musical accompaniment; radio text is verbal text and audio effects; press texts necessarily include, in addition to verbal means, a component of graphic design.

Researchers of media text (R.S. Gilyarevsky, T. G. Dobrosklonskaya, Ya.N. Zasursky, V. G. Kostomarov, I. P. Lysakova, E. I. Pronin, E. E. Pronina, I. V. Rogozina , V.V. Slavkin, G. Ya. Solganik, N.V. Chicherina and others) in the process of studying mass communication find their semantic nuances in the concept of media text.

So, T.G. Dobrosklonskaya considers media text to be a extensional multilevel phenomenon, the concept of which is based on an organic combination of units of the verbal and media series [5]. In turn, Ya. N. Zasursky defines media text as a “new communication product” [8, p. 6], which can be used in various media spheres: newspaper, radio, television, Internet, mobile communications. Researchers name the goal of creating media texts social regulation. According to I.V. Rogozina's definition, “a media text is a verbal speech work created for the purpose of mediated communication in the field of mass media and characterized by a clearly expressed pragmatic orientation, the main goal of which is social regulation” [17, p. 98]. G. Ya. Solganik emphasizes that the peculiarity of the media text is in

a special type of author, since in the sphere of mass information there is a coincidence of the producer of speech and its subject [13, p. 15].

The most important characteristic of a modern mass media text, which distinguishes it from the text in general, is its multidimensionality (in the books of different authors it is denoted by the terms versatility, polyphonicity, heterogeneity or integrality), which should be understood as a combination of heterogeneous verbal, visual, audible, audiovisual or other components in a single semantic space of the text. Also, a distinctive characteristic of media texts is their linguistic specificity, which is primarily due to the targeting of a mass audience.

Speaking about the concept of a text, it should be kept in mind that the text did not immediately begin to be considered as the main linguistic unit - at first the sentence was the subject of multifaceted grammatical analysis. Only in 1972 T. van Dijk in his work "Some aspects of grammar of the text" proposed to consider the text as the main unit of linguistic analysis. Currently, there are a large number of interpretations of this concept, depending, for example, on the approach within which this phenomenon is analyzed, and other factors.

According to E.S. Kubryakova, not all texts are completed, not all texts have titles, and along with written texts there are oral ones (texts of reports) [10, p. 25].

V.V. Krasnykh gives a number of characteristics of the text, summarizing which one can deduce and the definition of the concept. Thus, she, for example, emphasizes that the text is a product of speech-thinking activity, which has a structural, communicative, thematic unity [9, p. 123].

The term "media text" itself began to be actively used in the 90s. XX century in English literature. T. van Dijk, Alan Bell, T.G. Dobrosklonskaya, G Ya. Solganik and others are given special attention to the problems and concept of media text.

N. A. Kuzmina notes that the media text is "a dynamic complex unit of a higher level, through which speech communication in the field of mass communications is carried out" [11, p. 13]. A fairly detailed definition of a media text is given by Ya.N. Zasursky, who believes that media text is a "new communication product" that can be included in different media structures of verbal, visual, sounding, multimedia plans, as well as in different media circumstances: newspapers, magazines, radio, television, etc. ... [6, p. 6].

We consider it necessary to note the fact that the concept of a media text is the main part of the theoretical basis of media linguistics. Its main idea is that the text (in its traditional sense) significantly expands its boundaries within the mass media space, goes beyond the verbal level, while acquiring signs of multilayeredness, becoming not only a sequence of words, but also a chain of signs of any other semiotic systems - graphic, sound, etc., which once again speaks of the multimodality of the media text.

The main characteristics of a media text include the linguistic specificity of media texts (which is determined by the fact that they are designed for a mass audience), dynamic character, versatility, multidimensionality, polyphonicity, heterogeneity (a combination of visual, verbal, or other components within one text space), integrality, social -regulatory nature, as well as eventfulness (i.e. the desire to present events in their relevance).

N.A. Kuzmina distinguishes the following categories of media text: media content, mass character (which implies a change in the figures of the author and addressee: the media text is more often a collective product, and the addressee is a mass audience), integrativity (polycode), openness (media text is usually a structure that is free for further interpretation) [11, p. 13-16].

Bringing up the question of the typology of media texts, it should be noted that there is no single classification of media texts, since a single criterion has not yet been found, according to which media texts can be divided into certain groups and subgroups. This is related to the presence of numerous classifications of this phenomenon.

The most exact and structured, in our opinion, is the classification of T.G. Dobrosklonskaya, which includes several criteria: a) method of text production (author's - collegial); b) the form of reproduction (oral - written); c) the form of creation (oral - written); d) distribution channel (mass media - media: print, radio, television, etc.); e) functional-genre type of text (news, commentary, journalism (features), advertising texts) [5].

N. A. Kuzmina, agreeing with the above criteria, also believes that texts can be distinguished by their texture: media texts can be verbal, non-verbal (for example, photography) and creolized [10, p. 18].

Let us give one more definition of a media text given by a Russian linguist, Professor L.R. Duskayeva: "In our understanding, a media text is a form of speech activity, which expresses the rules of speech behavior accepted in the professional media environment and the stereotypes of text organization that have become established in the professional environment. In the modern linguistic understanding of the concept, speech and textual activity are synonymous. [6, p.11]

Media text, however, can be analyzed outside of these factors, keeping in mind only those features that can be extracted directly from the text. Moreover, the concept of a media text goes beyond the linguistic level: it can combine the signs of different semiotic systems, that is, its language can be partially determined by the transmission channel of this message. Therefore, not only the language itself is directly important for the media text, but also the transmission channel (radio is characterized by an audio component, for television - video + sound, etc.).

The perception and assimilation of information in modern media texts require the communicant to decode visual, verbal, symbolic sign bases, to understand their functions. Often, the mass audience is unable to critically assess the proposed information, not ready to distinguish the documentary side of the proposed statement from its commentary and evaluative component. The unpreparedness of the communicant can manifest itself in the inability to interpret thematic, semantic and other cultural codes of perceived media texts. The verbal and modal components of the text create a unity of form and content, but are combined in various versions, built either on opposition, then on addition, then on reinforcement, etc.

The communicant-addressee perceives the stable dichotomy "oral speech - written speech"; without thinking about the fact that the speech of the speaker or the observer can be read from the creeping line, that is, the text is written in the form of creation and oral in reproduction. He is more interested in the functional and genre affiliation of the text and the willingness to choose and perceive incoming information.

For example, the news genre performs an informative function, media analytics enhances the impact on the addressee, realizing a voluntary function, giving assessments, highlighting accents, selecting information.

The thematic dominant is characterized by the content of the information flow, which depends on the nationality of the media resource, the specifics of the channel, program, etc. Such constant topics as international and Russian politics, economics and business, sports, culture, entertainment and educational programs combine the informational worldview, which is superimposed on the linguocultural picture of the communicant's worldview.

That is why, to study media texts, it is not enough to use methods of analysis traditional for linguistics. Modern experts add to them the sociological and statistical method of content analysis (the method of content analysis), the method of discourse analysis, a set of methods of historical, cultural and cultural comparative nature. Currently, media texts reflect all the features of the worldview of a modern person: emotionality, clip-like thinking, intertextuality, personification.

If this is a printed publication, then the media text has special markers that facilitate the perception of information (sections, headings, color highlighting, breakdown into micromodules = portioned presentation of information). On television, this is the so-called "grid" of news programs that are built according to stable models, have a typical macro- and microstructure, and are subdivided into smaller blocks (for example, Russian news, then foreign news). Note that even this type of text acquires national specificity, associated with the picture of the world and the peculiarities of cultural perception. Consider the basic texts of mass media: news and information and analytical programs.

The media text, for all its specific and genre-stylistic heterogeneity, is being realized at the current moment of reality, that is, it has meaning for the addressee "here and now" - for a given social communication and in a given geopolitical space. News texts with their minimal information about the event, however, can appear in verbal and electronic versions (the speaker's speech and creeping line, placement on the site), which in the latter case makes it possible to interact.

An even more complex perception will require texts of an apolitical or journalistic nature.

It should be noted a high level of CLICHÉ in news texts: these are phrases-links to the source of information, phrases that introduce quotations, certain structural types of phrases and sentences, etc.

The modern media space is through ideological. The selection of news facts and events is largely determined by national policy, the current geopolitical moment, the importance of what is happening. It differs markedly in the Russian media from, for example, Euronew's and other English-language mass media. The policy of double standards applies even in this type of media text. As an example, we can give the outrageous case described by the Ukrainian linguist M.G. Zhitaryuk, when representatives of the American TV channels ABC, CBS, NBC "out of boredom and lack of spectacular shots" organized a shooting on which supposedly mujahideen are fighting the Taliban. Channel representatives paid for the cost of firing guns, grenade launchers, etc. All this was staged to justify the coming bombing in Afghanistan (October 2001). "Everything was presented as a live broadcast, reproduced by many TV companies around the world and had dire consequences: aggravation of antagonism, incitement to hatred, including on religious and ideological grounds." [7, p.27]

Basically, information and analytical texts have an ideological function. Various methods of interpretation are based not only on linguistic means proper, but also on the use of modern media technologies. The information chain of such a text is composed of the following stages:

- 1) selection of facts;
- 2) coverage of events;
- 3) image creation;
- 4) the formation of a stereotype;
- 5) cultural and ideological context.

All of them are closely related, and the role of each is significant.

Summing up the above, we believe that the media text is a dynamic complex unit of a higher order, the structure of which includes units not only of the verbal level (media text can include a graphic image, video sequence, audio material, etc.) and which, subsequently, affects the formation picture of a person's world, being presented in various media "manifestations" (print press, Internet, etc.) and different media genres: interviews, advertising text, etc. The text, in turn, is traditionally considered primarily as a complete and objectified product of oral or written speech, having a structural-semantic and

communicative-semantic organization, with integrity and completeness, as well as thematic unity. [15, p.512]

Bibliography

1. Валгина Н.С. Теория текста. – М.: Логос, 2003. – 234 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
3. Гиляревский Р. С. Текст как элемент информационной технологии // Вестник Моск. ун-та. Серия 10: «Журналистика». – 2005. – № 2 – С. 21–27.
4. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация [под ред. В. И. Герасимова]. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
5. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. – М.: Наука, 2008. – 264 с.
6. Дускаева Л.Р. Интенциональность медиаречи: онтология и структура. Медиатекст как полиинтенциональная система. – СПб, 2012. – 250с.
7. Жаркова Т.В. Медиатекст в современном коммуникационном пространстве // Культура и образование. – Декабрь 2014. – № 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/12/2768> (дата обращения: 05.08.2020).
8. Засурский Я. Н. Медиатекст в контексте конвергенции // Вестник Московского ун-та. – Серия 10: «Журналистика». – 2005. – № 2. – С. 3–6.
9. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
10. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность. Функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров. – М., 2000. – С. 7–25.
11. Кузьмина Н.А. Современный медиатекст: учеб. пособие. – Омск, 2011. С. 414.
12. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 683 с.
13. Солганик Г. Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» // Вестник Московского ун-та. Серия 10: «Журналистика». – 2005. – № 2. – С. 7–15.
14. Стеценко Н. М. О соотношении понятий текст – медиатекст – медиадискурс. Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24 (63). 2011 г. № 4. Часть 2. – С.372–378.
15. Темникова Л.Б., Черкашина Е.С. К вопросу о британских характеристиках медиатекстов в контексте глобализации. В сборнике: Этнос и культура в эпоху глобализации. Сборник материалов III Международной научной очно-заочной конференции. – 2019. – С. 505–512.
16. Уварова Е.А. Медиатекст и медиадискурс: к проблеме соотношения понятий. Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – 2015 – № 5. – С. 47– 54.
17. Чичерина Н.В. Типология медиатекстов как основа формирования медиаграмотности // Известия Российского гос. пед. ун-та им. Герцена. Серия: Общественные и гуманитарные науки. – 2007. – № 9 (47). – С. 159–166.

References in Roman script

1. Valgina N. S. Teoriya teksta. – М.: «Logos». – 2003. – 234 s.
2. Gal'perin I. R. Tekst kak ob"yekt lingvisticheskogo issledovaniya. – М.: KomKniga, 2007. – 144 s.
3. Gilyarevskiy R. S. Tekst kak element informatsionnoy tekhnologi // Vestnik Mosk. un-ta. – 2005. – № 2 – S. 21-27. – Seriya 10: «Zhurnalistika».
4. Deyk T. A. van. YAzyk. Poznaniye. Kommunikatsiya [pod red. V. I. Gerasimova]. – М.: Progress, 1989. – 312 s.
5. Dobrosklonskaya T. G. Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI: sovremennaya angliyskaya mediarech'. – М.: Nauka, 2008. – 264 s.

6. Duskeyeva L.R. Intentsional'nost' mediarechi: ontologiya i struktura. Mediatekst kak poliintentsional'naya sistema. – SPb, 2012. – 250s.
7. Zharkova T.V. Mediatekst v sovremennom kommunikatsionnom prostranstve // Kul'tura i obrazovaniye. – Dekabr' 2014. - № 12 [Elektronnyy resurs]. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/12/2768> (data obrashcheniya: 05.08.2020).
8. Zasurskiy YA. N. Mediatekst v kontekste konvergentsii // Vestnik Moskovskogo un-ta. – 2005. – № 2. – S. 3-6. – Seriya 10: «Zhurnalistika».
9. Krasnykh V.V. «Svoy» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? M.: ITDGK «Gnozis», 2003. 375 s.
10. Kubryakova Ye.S. O ponyatiyakh diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoy lingvistike (obzor) // Diskurs, rech', rechevaya deyatelnost'. Funktsional'nyye i strukturnyye aspekty: sbornik obzorov. M., 2000. S. 7–25.
11. Kuz'mina N.A. Sovremennyy mediatekst: ucheb. posobiye. Omsk, 2011. S. 414.
12. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' / gl. red. V. N. Yartseva. – M.: Sov. entsiklopediya, 1990. – 683 s.
13. Solganik G. YA. K opredeleniyu ponyatiy «tekst» i «mediatekst»/ G. YA. Solganik // Vestnik Moskovskogo un-ta. – 2005. – № 2. – S. 7-15. – Seriya 10: «Zhurnalistika».
14. Stetsenko N. M. O sootnoshenii ponyatiy tekst –mediatekst – mediadiskurs. Uchenyye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo Seriya «Filologiya. Sotsial'nyye kommunikatsii». Tom 24 (63). 2011 g. № 4. Chast' 2. S.372-378.
15. Temnikova L.B., Cherkashina Ye.S. K voprosu o britanskikh kharakteristikakh mediatekstov v kontekste globalizatsii. V sbornike: Etnos i kul'tura v epokhu globalizatsii. Sbornik materialov III Mezhdunarodnoy nauchnoy ochno-zaochnoy konferentsii. 2019. S. 505-512.
16. Uvarova Ye.A. Mediatekst i mediadiskurs: k probleme sootnosheniya ponyatiy. Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika. 2015 / № 5. – s. 47- 54.
17. Chicherina N.V. Tipologiya mediatekstov kak osnova formirovaniya mediagramotnosti // Izvestiya Rossiyskogo gos. ped. un-ta im. Gertsena. Seriya: Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki. 2007. № 9 (47). S. 159–166.

References

1. Valgina N.S. Theory of text. - M. : "Logos". - 2003. - 234 p. (In Russian).
2. Galperin I. R. Text as an object of linguistic research. - M.: KomKniga, 2007. - 144 p. (In Russian).
3. Gilyarevsky R.S. Text as an element of information technology // Vestnik Mosk. un-that. - 2005. - No. 2 - pp. 21-27. - Series 10: "Journalism". (In Russian).
4. Dyck T. A. van. Tongue. Cognition. Communication; [ed. VI Gerasimov]. - M. : Progress, 1989. - 312 p. (In Russian).
5. Dobrosklonskaya T.G. Medialinguistics: a systematic approach to the study of the language of the media: modern English media speech. - M. : Nauka, 2008. - 264 p. (In Russian).
6. Duskaeva L.R. Intentionality of media speech: ontology and structure. Media text as a multi-intentional system. - SPb, 2012. - 250 p. (In Russian).
7. Zharkova T.V. Media text in modern communication space // Culture and education. - December 2014. - No. 12 [Electronic resource]. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/12/2768> (date accessed: 05.08.2020). (In Russian).
8. Zasurskiy Ya. N. Media text in the context of convergence // Bulletin of Moscow University. - 2005. - No. 2. - pp. 3-6. - Series 10: "Journalism".(In Russian).
9. Krasnykh V.V. "Own" among "strangers": myth or reality? M. : ITDGK "Gnosis", 2003. - 375 p. (In Russian).
10. Kubryakova E.S. On the concepts of discourse and discourse analysis in modern linguistics (review) // Discourse, speech, speech activity. Functional and structural aspects: a collection of reviews. M., 2000. - pp. 7–25. (In Russian).
11. Kuzmina N.A. Modern media text: textbook. allowance. Omsk, 2011. – p. 414. (In Russian).
12. Linguistic Encyclopedic Dictionary / Ch. ed. V.N. Yartseva. - M. : Sov. encyclopedia, 1990. - 683 p. (In Russian).

13. Solganik G. Ya. To the definition of the concepts "text" and "media text" // Bulletin of Moscow University. - 2005. - No. 2. - pp. 7-15. - Series 10: "Journalism".(In Russian).
14. Stetsenko N.M. On the relationship between the concepts of text - media text - media discourse. Scientific notes of the Tavrichesky National University named after IN AND. Vernadsky Series "Philology. Social communications ". Volume 24 (63). 2011 No. 4. Part 2. pp. 372-378. (In Russian).
15. Temnikova L.B., Cherkashina E.S. On the issue of British characteristics of media texts in the context of globalization. In the collection: Ethnicity and culture in the era of globalization. Collection of materials of the III International scientific part-time conference. 2019. pp. 505-512. (In Russian).
16. Uvarova E.A. Media text and media discourse: on the problem of the relationship of concepts. MGOU Bulletin. Series: Linguistics. 2015 / No. 5. - pp. 47- 54. (In Russian).
17. Chicherina N.V. Typology of media texts as the basis for the formation of media literacy // Izvestiya Rossiyskogo gos. ped. un-ta them. Herzen. Series: Social and Humanities. 2007. No. 9 (47). pp. 159-166. (In Russian).

УДК 811.93

Милуд Мохамед Рашид
 доктор филологических наук, доцент,
 эксперт при министерстве высшего
 образования и научных исследований в
 Алжире
 Университет Алжир 2 имени Абу Эль касем
 Саад Аллах
 Алжир, г. Алжир
 e-mail: medrachid.miloud@univ-alger2.dz

Miloud Mohamed Rachid
 Associate Professor, Dr.Sc. (Philology)
 Expert at the Ministry of higher education and
 scientific research in Algeria
 Algiers University 2 named after Abu
 Elkassem Saad Allah
 Algiers, Algeria
 e-mail: medrachid.miloud@univ-alger2.dz

М.Р. Милуд

ЗАРОЖДЕНИЕ НАНОКОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НА СТЫКЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И НАНОТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. Статья посвящена анализу нанокompьютерной терминологии, появляющейся на стыке компьютерных технологий и нанотехнологий. В статье доказывается, что межпредметные связи между информатикой и нанотехнологией достаточно близкие. Предпосылками становления нанокompьютерного подъязыка являются современные компьютерные технологии, которые характеризуются бурным ростом интереса к нанотехнологиям и их внедрению в компьютерную сферу. Внедрение нанотехнологий в информационной сфере позволит увеличивать возможности работы средств накопления, обработки и передачи информации. Рассмотрение истории зарождения, образования и развития подъязиков данных сфер в настоящем исследовании станет ещё одним доказательством становления нанокompьютерного подъязыка в современном русском языке.

Ключевые слова: термин, терминосистема, подъязык, компьютерная технология, нанотехнология, нанокompьютерный подъязык

M.R. Miloud

EMERGENCE OF NANOCOMPUTER TERMINOLOGY AT THE INTERSECTION OF COMPUTER TECHNOLOGY AND NANOTECHNOLOGY

Abstract. The article is devoted to the analysis of nanocomputer terminology appearing at the junction of computer technologies and nanotechnologies. It is proved in the article that interdisciplinary connections between Informatics and nanotechnology are quite close. The prerequisites for the formation of nanocomputer sublanguage are considered modern computer technologies, which are characterized by a rapid growth of interest in nanotechnology and the inevitability of the introduction of nanotechnology in the computer sphere. The introduction of nanotechnologies in the information sphere will increase the ability of the means of storing, processing and transmitting information. Consideration of the history of the origin, formation and development of sublanguages of these spheres in the present study will be another proof of the formation of nanocomputer sublanguage in the modern Russian language.

Keywords: term, terminosystem, sublanguage, computer technology, nanotechnology, nanocomputer sublanguage

Формирование и становление русской терминологии имеет длительную историю, которая отражает особенности и основные этапы развития русского языка разных эпох под влиянием внутренних и внешних факторов. Язык русской науки, основы которого были заложены ещё в XVIII столетии, получил окончательное оформление в XIX веке, т. е. в то время, когда было завершено формирование норм русского литературного языка. В последующие столетия (в XX в. – первом десятилетии XXI в.) происходило

дальнейшее укрепление и развитие русской научной терминологии. Значительное увеличение пласта специальной научной лексики было особенно характерно для XX столетия. В настоящее время терминологические проблемы представляют собой наиболее сложные и актуальные дискуссионные темы в современных исследованиях.

«Компьютеризация всех сфер науки и техники является одним из направлений научно-технического прогресса. Расширение роли компьютерной техники и Интернета в ежедневной жизни обуславливает взаимовлияние общелитературного языка и ЯСЦ (язык для специальных целей). ЯСЦ в сфере компьютеров и Интернета получил значительную часть своего лексического состава из общелитературного языка. В то же время через компьютерный язык осуществляется переход специальной лексики в социальную сферу. В настоящее время очевидно, что мировая компьютерная сеть вносит свой вклад в общелитературный язык, пополняя его новыми понятиями и концептами, которые однозначно изменяют нашу речь» [10, с. 152].

В последние десятилетия научно-технический прогресс ведущих стран мира стал зависеть от потенциального применения разработанных объектов нанотехнологий, так как она считается уникальной сферой по возможностям для реализации передовых инновационных проектов. Несмотря на факт, что нанотехнология находится в стадии быстрого развития, обладание нанотехнологиями даёт качественное превосходство стране, владеющей ими. Вот почему этому направлению уделяется большое внимание в России и США.

Информационные технологии и нанотехнологии являются молодыми науками. Они формировались и развивались в течение последних десятилетий на фоне современных достижений науки и техники. Г.Г. Бабалова отмечает, что «информатика – сравнительно молодая наука. Она появилась несколько десятилетий назад, а развивалась и развивается в основном на фоне современных достижений науки и техники» [1, с. 10]. Наряду с этим, Ю.Д. Третьяков, Е.А. Гудилин считают, что «нанотехнологии – детище современной фундаментальной науки, междисциплинарная область деятельности, основанная на достижениях химии, физики, биологии, механики и других классических наук, а также на связанном с закономерной эволюцией этих и других областей исследований прорыве в разработке методов синтеза и анализа веществ и материалов» [12, с. 56].

В настоящее время компьютерная терминология вступила уже в свой пятый период – нанокomпьютерный этап, который, на наш взгляд, характеризуется бурным ростом интереса к нанотехнологиям. О.Б. Иванова подчёркивает, что «русская нанотехнологическая терминология находится на начальной стадии формирования, о чём говорит большое количество предтерминов» [6, с. 8].

Современные компьютеры работают медленно и могут не справиться с предстоящими задачами. Новые процессоры, основанные на нанотехнологиях, молекулярные, биологические и квантовые компьютеры находятся в процессе создания и развития. Стремительное развитие компьютерной техники, с одной стороны, будет стимулировать исследования в области нанотехнологий, с другой стороны, облегчит конструирование нанокomпьютеров, так как нанотехнология является междисциплинарным направлением, объединяющим экспертов разных научных направлений в области высокотехнологичной компьютерной техники.

Исследователи пытаются усовершенствовать компьютеры, сделать их высокоактивными и меньшими по размеру. Совмещение достижений нанотехнологий с новейшими разработками в сфере компьютерных технологий открывает многообещающие перспективы. Учёные считают, что в ближайшем будущем возможно создание компьютера, базирующегося на нанотехнологиях.

Е.М. Лаврищева указывает на то, что «технологии сборки компьютеров из минимодулей микроэлементов достигли высокого уровня развития. Путь к нанотехнологиям в производстве компьютеров и программ лежит через технологические линии изготовления мини- и микромодулей компьютерного типа и линий сборки этих элементов в новые функционально связанные структурные элементы. Нанотехнология производства компьютеров и программ развивается путём автоматизации линий изготовления малых микроэлементов, микромодулей, мелких частиц и линий их слияния, сборки в новые функциональные структуры малого размера. Технология создания компьютеров и программ прошли этапы от крупногабаритных ЭВМ до карманных компьютеров, мобильных телефонов со встроенными диодами, триодами, транзисторами, а также приборов для использования в медицине, космосе, авиации и пр. [8, с. 41].

Эффективность современных компьютеров увеличивается в связи со стремительным научно-техническим прогрессом, а их размеры наоборот уменьшаются. М. Каку подчёркивает, что «первый компьютер на основе ДНК-молекулы был изготовлен в 1994 г. в Университете Южной Калифорнии. Поскольку нить ДНК кодирует информацию при помощи аминокислот, обозначаемых буквами А, Т, С, G, вместо нулей и единиц, её можно рассматривать как обычную компьютерную запись, только более ёмкую. Если обычный компьютер производит операции с большими числами посредством сдвигов и перестановок, то аналоговые операции можно производить физически, смешивая в пробирках жидкости, содержащие молекулы ДНК, которые можно всячески резать и сшивать [7, с. 300–301].

Молекулярные, фотонные и ДНК-компьютеры являются разными гранями одного целого. Принято считать, что предпосылками создания полнофункционального квантового компьютера становятся вышеупомянутые прототипы компьютеров будущего, так как они все подчиняются единым законам квантовой механики. Чтобы справиться с поставленными задачами, квантовый компьютер использует кубиты – квантовые аналоги битов. Классические биты могут находиться только в одном из состояний. Однако, кубиты могут одновременно находится в некоторых состояниях, что позволяет квантовому компьютеру осуществлять больше вычислений.

Не вызывает сомнений тот факт, что «квантовые компьютеры настолько мощны, что ЦРУ уже думает о потенциальной возможности использовать их для взлома кодов. В сущности, взлом шифра любой страны мира сводится к поиску ключа, а ключи к современным шифрам устроены чрезвычайно сложно. К примеру, ключ может быть основан на разложении некоего большого числа на множители. Конечно, число 21 легко представить как произведение 3 и 7. А теперь представьте, что у вас есть целое число из ста цифр и вам нужно представить его как произведение двух других целых чисел. У цифрового компьютера на такую операцию может уйти лет сто. А вот квантовый компьютер будет настолько мощным, что сможет в принципе легко взломать любой подобный шифр. Вообще, на подобных задачах квантовый компьютер легко обгоняет обычный» [7, с. 298].

Понятие нанокompьютера можно отнести к передовым технологиям, к технологиям будущего. Нынешняя вычислительная техника базируется на классических микроэлектронных технологиях. Дальнейшее её развитие принципиально связывается с нанотехнологиями, в частности, с нанокompьютерами. Список терминов с приставкой *нано-* постоянно дополняется и регулярно актуализируется.

А.А. Попович утверждает, что «нанотехнология возникла вследствие революционных изменений в информатике. В 1947 был изобретён транзистор, после чего началась эпоха расцвета полупроводниковой техники, при которой размеры

создаваемых кремнёвых устройств постоянно уменьшались. Одновременно возрастали быстродействие и объём запоминающих устройств. Так, плотность записи на жёстких магнитных и оптических дисках в настоящее время уже достигает 1 гигабит/кв. дюйм. Следовательно, в полупроводниковых технологиях уже более полувека происходит непрерывная революция» [11, с. 6].

Компьютерное моделирование играет большую роль в нанотехнологии. Для эффективности научных исследований в области нанотехнологий следует улучшить методы компьютерного моделирования. В последние десятилетия учёные стали использовать компьютерное моделирование при решении многих научных и нанотехнологических задач, особенно это заметно при создании новых эффективных лекарств или при проектировании наноструктурированных веществ. Применение компьютерного моделирования является наиболее эффективным подходом, так как оно значительно уменьшает время поиска и снижает затраты на управление данными. В.Г. Горохов считает, что «именно поэтому как экспертные группы, так и лица принимающие решения, а также широкая (в том числе и научная) общественность вынуждены опираться на визуализацию, полученную с помощью компьютерной имитации нанотехнологических процессов и результатов» [4, с. 35].

Учёные вначале создают наноматериал или наноустройство в виде компьютерной модели. Компьютер даёт возможность получить объёмную модель и наблюдать изменения, которые возможны при разных обстоятельствах. С помощью компьютерных программ можно учитывать все законы наномира и создать новые наноматериалы и наноустройство. Человек, который управляет обыкновенным компьютером, придумывает нужную конструкцию и определяет её форму и размеры на наномасштабном уровне.

Высказывания известных специалистов, особенно в последние годы, подтверждает необходимость следующего логического шага электроники – перехода от микро- к нанoeлектронике, предполагающей как создание новых материалов и технологий, так и изучение новых конструктивных решений нанoeлектронных устройств. Именно в электронике, в том числе, в компьютерной технике, быстро реализуются новые достижения нанотехнологий. Благодаря нанотехнологиям широкое развитие приобрели системы хранения и обработки информации.

Е. М. Лаврищева отмечает, что «благодаря достижениям микроэлектроники в нашу жизнь прочно вошли ноутбуки, мобильные и многоядерные телефоны, цифровые фотоаппараты, видеокамеры и др. Данные элементы широко использовались в компьютерных и информационных технологиях. Дальнейшее развитие такого класса компьютерных систем — новые и перспективные технические приборы, которые можно отнести к наноприборам: электронная голосовая клавиатура, интеллектуальный речевой интерфейс, портативные цифровые диктофоны с голосовым управлением, приборы распознавания человеческих лиц, биометрическая система контроля доступа «Видеосекьюрити» и др.» [8, с. 43].

Для дальнейшего развития информационных технологий, необходимо внедрение нанотехнологий. Нанотехнология, несомненно, поможет дальнейшему развитию информационных технологий, так как её внедрение является логическим этапом в развитии информационных технологий. В ближайшем будущем нанотехнология позволит произвести эволюцию информационных технологий, что даст возможность выйти на новый уровень работы с информацией. Сегодня крупные компании уже открыли научно-экспериментальные работы по применению нанотехнологий, обещая создать ячейки памяти на одном атоме. В перспективе предполагается создание элемента питания, который не будет нуждаться в подзарядке. Большие фирмы работают

над созданием компьютера, обладающего человеческим интеллектом. Нынешние компьютерные технологии применяют достижения нанотехнологий для увеличения объёмов памяти и создания быстродействующих микропроцессоров.

Б.М. Балоян считает, что «развитие фундаментальных и прикладных представлений о наноматериалах и нанотехнологиях уже в ближайшие годы может привести к кардинальным изменениям во многих сферах человеческой деятельности: в материаловедении, энергетике, электронике, информатике, машиностроении, медицине, сельском хозяйстве, экологии. Наряду с компьютерно-информационными технологиями и биотехнологиями, нанотехнологии являются фундаментом научно-технической революции в XXI веке» [2, с. 5].

А.А. Попович указывает, что «нанотехнологию не стоит сводить только к локальному революционному прорыву в области информационных технологий. Уже сейчас в нанотехнологии получен ряд важных результатов, позволяющих надеяться на существенный прогресс в развитии многих других направлений науки и техники (медицина и биология, химия, экология, энергетика, механика и т.п.)» [11, с. 6].

Таким образом Г.М. Вишневецкая, С.Л. Фокина высказывают мнение о развитии нанотехнологий, которое «в настоящее время идёт по нескольким магистральным направлениям: нанобиотехнология, наноэлектроника, наноэлектромеханика, наноэнергетика, нанооптика, наномедицина, наноматериаловедение и др. По печатным материалам последних лет можно выделить основные области применения наноматериалов. Нанотехнологии обычно делят на три направления:

- изготовление электронных схем, элементы которых состоят из нескольких атомов;
- создание наномашин, то есть механизмов и роботов размером с молекулу;
- непосредственная манипуляция атомами и молекулами и сборка из них необходимых материалов» [3, с. 27].

Наноэлектроника является новой сферой науки, базирующейся на основе последних достижений квантовой электроники и технологии полупроводниковой электроники. Её содержание определяется потребностью установления новых закономерностей для создания наноразмерных электронных структур. Исследования в данной сфере значимы для создания нового поколения супербыстродействующих систем обработки информации.

Кремниевые технологии транзисторов, использованные в современных процессорах, уже фактически неспособны справиться с поставленными задачами. Оказывается, невозможно создавать на их основе инновационное поколение. Нынешние процессоры имеют миллиарды транзисторов, нанотранзисторы смогут увеличить данное количество примерно в тысячу раз. Создать процессор, содержащий более триллиона нанотранзисторов, является задачей будущего десятилетия. Нанотехнологии дадут возможность увеличить вычислительную мощность процессоров.

М. Каку утверждает, что от нанотехнологий «зависит состояние мировой экономики и судьба целых стран. Около 2020 г. или вскоре после него закон Мура начнёт давать сбои, а возможно, и совсем перестанет действовать. Развитие компьютерной отрасли остановится. Мировой экономике будет грозить хаос, если физики не найдут подходящей замены для кремниевых транзисторов в чипах наших компьютеров. Решение этой проблемы, вероятно, будет найдено в области нанотехнологий» [7, с. 269].

Одним из важнейших и перспективных направлений современных исследований в области нанотехнологий является поиск способов изготовления нанотранзисторов и сборки из них компьютеров. Несмотря на то, что до действительного использования

электронных нанотранзисторов в компьютерной технике ещё далеко, их применение является важным шагом на пути создания многообещающего полнофункционального нанокomпьютера, так как на основе нанотранзисторов можно будет создавать, нанопроцессоры, супербыстродействующие микропроцессоры и наночипы памяти. Кроме того, использование нанотехнологий в сфере вычислительной техники не ограничивается созданием микропроцессоров. Нанотехнологии также применяют в различных модулях оперативной памяти и в приборах долговременной памяти. Такие технологии уже позволили значительно увеличить объёмы ОЗУ и достичь супербыстродействия микропроцессоров.

Изготовление наноэлектронных схем является одним из главных достоинств нанотехнологий. Исследователи уделяют большое внимание развитию новых технологий создания энергонезависимой оперативной памяти, которая базируется на углеродных нанотрубках и не требует постоянного питания. В ближайшем будущем наноустройства хранения данных заменят жёсткие диски, так как они будут более быстрыми и долговечными и практически не будут употреблять энергии. Кажется, что дальнейший научно-технологический процесс невозможен при использовании традиционных технических средств.

Учёные считают, что наноконденсаторы заменят традиционные литий-ионные аккумуляторы. Наноконденсаторы представляют собой батареи на основе нанотрубок. В отличие от современных аккумуляторов, наноконденсаторы будут заряжаться за несколько минут, и количество циклов зарядки/разрядки будет фактически не ограничено, так как их электроды покрыты слоем нанотрубок для увеличения эффективности, что однозначно даст возможность использования наноконденсаторов в мобильных компьютерах.

По утверждению М. Каку «самое важное, возможно, применение углеродные нанотрубки найдут в компьютерном деле. Углерод – один из нескольких кандидатов на замену кремния в качестве основы компьютерных технологий. Не исключено, что когда-нибудь будущее мировой экономики будет зависеть от ответа на вопрос: что заменит кремний?» [7, с. 292].

Говоря о термине «нанотрубка», Т. В. Яшина пишет: «до открытия нанотрубок существовали мини-трубки, а позже и микротрубки. В настоящее время мини-трубки используются в светотехнике (например, светодиодные мини-трубки) и телекоммуникациях. Английский термин Minitube в связи с развитием высоких технологий перешёл в лексикон интернет-пользователей в значении «a YouTube desktop application» («десктопное приложение для просмотра видеороликов с сервиса YouTube»). Микротрубки находят своё применение в электронике и микротехнологии (например, при прокладке оптического кабеля). Однако наибольшее внимание учёных на данный момент привлекают именно сравнительно недавно открытые нанотрубки» [13, с. 109].

Внедрение нанотехнологий в информационной сфере позволит увеличивать возможности работы средств накопления, обработки и передачи информации. Новые материалы, которые базируются на углеродных нанотрубках, могут быть использованы для создания информационных сетей. Можно даже создавать компактные и дешёвые накопители информации.

Для Е.М. Лаврищевой «в перспективе технические и программные элементы повторного использования будут развиваться в направлении наноэлементов компьютерных нанотехнологий. Размеры элементов будут уменьшаться до наночастиц с заданной функциональностью и технологичностью с целью применения в процессах сборки или синтеза для получения новых веществ, механизмов и различных

компьютерных приборов. Приведена технология перехода к нанотехнологиям и приборам на примере интеллектуальной технологии распознавания образов в МНУЦИТиС и программных технологий на примере сборочных конвейеров в ИПСНАУ. Показано, что пути развития интеллектуальных и сборочных программных технологий в перспективе станут основой производства новых приоритетных нанопродуктов в области e-science (биология, медицина, генетика, физика и др.)» [8, с. 47].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что внедрение нанотехнологий в жизнь современного общества произведёт революцию информационных технологий, что позволит повысить уровень передачи данных, хранения и обработки информации. Уже очевидно, что нанокomпьютеры на основе квантовой или классической логики будут развиваться по разным направлениям, представляющим информации, что способствует появлению новых терминов для обозначения нанокomпьютерных объектов и процессов.

Наличие таких терминов, как: *биокомпьютер Эдлмана, биологический нанокomпьютер, биомолекулярные устройства, гибридные наноантенны, ДНК-компьютер, запрограммированная наночастица, интеллектуальные молекулы, искусственный интеллект (ИИ), квантовый компьютер, лаборатория на чипе, молекулярная наномашинка, молекулярный компьютер, наниты, НЗУПД (запоминающее устройство с произвольным доступом на основе нанотрубок), транзистор одноэлектронный, умные материалы* и т. п. свидетельствует об этом.

Являясь междисциплинарной дисциплиной, область нанокomпьютерной технологий развивается быстрыми темпами и обеспечивает совместную работу специалистов различных областей знания. Специфика представленной сферы состоит в стремительности её развития и возникновении множества новых терминов. Термины нанокomпьютерного подъязыка абсолютно не изучены, отсутствуют лексикографические справочники и переводные и толковые словари данной отрасли знания.

Не вызывает сомнения тот факт, что любое терминологическое поле должно содержать в себе три основные зоны: ядро, центральная часть и периферия. В ходе лингвистического анализа терминов нанокomпьютерного подъязыка было обнаружено, что нанокomпьютерное терминологическое поле «состоит из ядра, составляющие термины собственно компьютерной технологии, отражающие специфику нанотехнологий и связанных с ней технологий, например, *молекулярный ассемблер, наниты, интеллектуальные молекулы*. Периферия данного терминологического поля включает термины, заимствованные из смежных отраслей знания, например, *нанодиагностика, ДНК-компьютер, нанотранзистор*. Центральную часть нанокomпьютерного поля оформляют остальные термины, принадлежащие или нанотехнологическому подъязыку или компьютерному например, *интегральная схема, наноструктура, транзистор одноэлектронный*» [9, с. 169].

С.В. Гринёв-Гриневиц утверждает, что «одним из самых активных и перспективных способов образования терминов в наши дни является использование греко-латинских корней; этот способ широко применял М.В. Ломоносов при создании естественнонаучной терминологии в русском языке, стремясь содействовать сближению русской науки с западно-европейской; тенденция опираться при создании новых терминов на древнегреческие и латинские корни остаётся одной из ведущих и в наше время» [5, с. 162].

Сам термин «нанотехнология» образован путём присоединения приставки *нано-* к термину «технология». Приставка *нано* – это десятичная приставка обозначает одну

миллиардную часть какой-либо величины, т.е. множитель 10^{-9} . В нанотехнологиях имеется в виду одна миллиардная часть основной единицы длины в метрической системе – метра. В греческом языке, слово *nanos* переводится как *карлик*, т.е. также подразумевается маленький размер. Для термина *технология* (от греч. *techne* — искусство, мастерство, умение и греч. *logia* – изучение) имеется ряд определений. Технологией называется совокупность методов обработки, изготовления, изменения состояния, свойств, формы сырья, материала, осуществляемых в процессе производства продукции.

Накопленный нами опыт в области изучения нанокomпьютерной терминологии позволяет считать, что «наиболее распространённым видом образования нанокomпьютерных терминов является морфологический способ словообразования. Название понятий в нанокomпьютерной терминологии часто образуется префиксальным способом путём присоединения приставки *нано-* к уже существующей лексической единице. Приставка *нано-* означает одну миллиардную долю какой-либо величины. Это понимает большая часть из тех, кто употребляет слова с этой приставкой. Данные термины часто расширяют в новой системе своё первоначальное значение, не сохраняя при этом свою звуковую и графическую форму. Здесь значения терминов практически одинаковы» [9, с. 172].

Приведем несколько примеров таких терминов, *нанoeлектронная система, нанoeлектроника, нанoeлектромеханические системы, нанoeлектрогенератор, наночип, нанофабрика, наноустройство, нанотранзистор, нанотехника, наноструктурированный, наноструктура, наносистемная техника, наносенсор, наноробот, нанопроцессор, нанопроизводство, нанобъект, нанонейрокомпьютер, нанометр, наномашина, наномасштабный робот, наноманипуляция, нанокomпьютер на основе бистабильных молекул, нанокomпьютер, нанокор, нанодиапазон, нанодиагностика, нановесы, нанобот, нано-биоробот, нано-биоавтомат, наноавтомобиль.*

Изучение научной литературы и анализ современных терминов нанокomпьютерной технологий показывает, что термины англоязычного происхождения составляют большинство словарного состава подъязыка нанокomпьютерной терминологии. Английский язык является для данного подъязыка языком-донором. Это объясняется тем, что данная терминосистема формировалась, прежде всего, в английском языке; основные разработки в отраслях информатики и нанотехнологий принадлежат США; английский язык является международным языком научных публикаций и технической документации. Например, *наночип, суперкомпьютер, наносенсор, нанопроцессор, нанонейрокомпьютер, нанокomпьютер, нанокор, нанобот, наниты, кубит, клэйтроника, дизассемблер, биосенсор, ассемблер.*

Из вышеизложенного можно заключить, что внедрение нанотехнологий в информационной сфере позволяет увеличивать возможности сбора, передачи, обработки и накопления информации. Для эффективного продвижения нанотехнологий необходимо развивать методы компьютерного моделирования. Достижения информационных технологий и внедрение нанотехнологий в информационную сферу образует новую нанокomпьютерную терминосистему. Основным источником данной терминосистемы является английский язык, где используются греко-латинские корни. Проблеме полного отсутствия лексикографических справочников и специальных словарей в области нанокomпьютерной технологий будет уделяться большое внимание, что создаёт широкое поле деятельности для лингвистов.

Библиографический список

1. Бабалова Г. Г. Системно-аспектуальное функционирование компьютерной терминологии. Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 2009. – 35 с.
2. Балоян Б. М., Колмаков А. Г., Алымов М. И. и др. Наноматериалы. Классификация, особенности свойств, применение и технологии получения. Учебное пособие. – М. 2007. — 125 с.
3. Вишневецкая Г. М., Фокина С. Л. Стандартизация терминологии в области нанотехнологий (на материале английского языка) // Вестник Челябинского государственного университета. — 2012. — № 21 (275). Филология. Искусствоведение. Вып. 68.– С. 27 – 31.
4. Горохов В. Г. Нанотехнологические риски и их возможные социальные последствия (Инновации и риск - дилемма современных нанотехнологий) // Человек в мире нанотехнологий: опыт гуманитарного анализа [Коллективная монография] / Отв. ред. Б. Г. Юдин. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011.– С. 26 – 50.
5. Гринёв-Гриневиц С. В. Терминоведение: учеб. пособие/ С. В. Гринёв-Гриневиц. — М.: Академия, 2008. — 303 с.
6. Иванова О. Б. Динамика становления терминологии новой предметной области (на материале терминосферы нанотехнологии в английском и русском языках): автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 2010.– 24 с.
7. Каку М. Физика будущего / Митио Каку; Пер. с англ. — М.: Альпина нонфикшн, 2012. — 584 с.
8. Лаврищева Е. М. От компьютерных технологий к нанотехнологиям // Управляющие системы и машины. – 2014.– № 3. – С. 39 – 48.
9. Милуд М. Р. Наноконピューтерная терминология и особенности её перевода / М. Р Милуд // Научный вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2016. вып. 4 (32). – С. 164 – 174.
10. Милуд М. Р. Релевантность vs. нерелевантность отдельных семантических процессов для компьютерной разноязычной терминологии / М. Р Милуд // Научный вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. — 2017. вып. 3 (35). – С. 152 – 166.
11. Попович А. А., Мутьлина И. Н., Попович Т. А. и др. Современные проблемы нанотехнологии. Учебно-методический комплекс. — М.: Проспект, 2015. — 408 с.
12. Третьяков Ю. Д., Гудилин Е. А. Там, внизу, все ещё много нанобума // В мире науки. – 2009. – № 5. – С. 56 – 61.
13. Яшина Т. В. Дисциплинарные и междисциплинарные пути развития терминологического аппарата в инновационно-техническом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2012.– № 2 (16). – С. 106 – 112.

References in Roman script

1. Babalova G. G. Sistemno-aspektual'noe funkcionirovanie komp'yuternoj terminologii. Avtoref. dis. kand. filol. nauk. — M., 2009. — 35 s.
2. Balojan B. M., Kolmakov A. G., Alymov M. I. i dr. Nanomaterialy. Klassifikacija, osobennosti svojstv, primenenie i tehnologii poluchenija. Uchebnoe posobie. — M. 2007. — 125 s.
3. Vishnevskaja G. M., Fokina S. L. Standartizacija terminologii v oblasti nanotehnologij (na materiale anglijskogo jazyka) // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2012. — № 21 (275). Filologija. Iskusstvovedenie. Vyp. 68. — S. 27 – 31.
4. Gorohov V. G. Nanotehnologicheskie riski i ih vozmozhnye social'nye posledstvija (Innovacii i risk - dilemma sovremennyh nanotehnologij) // Chelovek v mire nanotehnologij: opyt gumanitarnogo analiza [Kollektivnaja monografija] / Otv. red. B. G. Judin. — M.: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 2011. — S 26 – 50.
5. Grin'ov-Grinevich S. V. Terminovedenie: ucheb. posobie/ S. V. Grin'ov-Grinevich. — M.: Akademija, 2008. — 303 s.
6. Ivanova O. B. Dinamika stanovlenija terminologii novej predmetnoj oblasti (na materiale terminosfery nanotehnologii v anglijskom i russkom jazykah): avtoref. dis. kand. filol. nauk. — M., 2010. — 24 s.

7. Kaku M. Fizika budushhego / Mitio Kaku; Per. s angl. — M.: Al'pina nonfikshn, 2012. — 584 s.
8. Lavrishheva E. M. Ot komp'yuternyh tehnologij k nanotehnologijam // Upravljajushhie sistemy i mashiny. — 2014. — № 3. — S. 39 – 48.
9. Miloud M. R. Nanokomp'yuternaja terminologija i osobennosti ejo perevoda / M. R Miloud // Nauchnyj vestnik Voronezh. gos. arh.-stroit. un-ta. Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovanija. — 2016. vyp. 4 (32). — S. 164 – 174.
10. Miloud M. R. Relevantnost' vs. nerelevantnost' otdel'nyh semanticheskikh processov dlja komp'yuternoj raznojazychnoj terminologii / M. R Miloud // Nauchnyj vestnik Voronezh. gos. arh.-stroit. un-ta. Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovanija. — 2017. vyp. 3 (35). — S. 152 – 166.
11. Popovich A. A., Mutylyna I. N., Popovich T. A. i dr. Sovremennye problemy nanotehnologii. Uchebno-metodicheskij kompleks. — M.: Prospekt, 2015. — 408 s.
12. Tret'jakov Ju. D., Gudilin E. A. Tam, vnizu, vse eshho mnogo nanobuma // V mire nauki. — 2009. — № 5. — S. 56 – 61.
13. Jashina T. V. Disciplinarnye i mezhdisciplinarnye puti razvitija terminologicheskogo apparata v innovacionno-tehnicheskom diskurse // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2, Jazykoznanie. — 2012. — № 2 (16). — S. 106 – 112.

References

1. Babalova G. G. System-aspectual functioning of computer terminology: Synopsis of a Ph.D. Thesis in Philology. Moscow, 2009, 35 p. (In Russian).
2. Balojan B. M., Kolmakov A. G., Alymov M. I. and others. Nanomaterials. Classification, features of properties, application and production technologies. Training manuel. Moscow, 2007, 125 p. (In Russian).
3. Vishnevskaja G. M., Fokina S. L. Standardization of terminology in the field of nanotechnology (by the material of English language) // Bulletin of the Chelyabinsk state University Philology. Art criticism., Issue. 68. Chelyabinsk, 2012, pp. 27-31. (In Russian).
4. Gorokhov V. G. Nanotechnological risks and their possible social consequences (Innovations and risk - dilemma of modern nanotechnologies) // Human in the world of nanotechnologies: experience of humanitarian analysis [Collective monograph] / Resp. ed. by B. G. Yudin. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ., 2011, pp. 26-50. (In Russian).
5. Grinev-Grinevich S. V. Terminology: training manual. Moscow, Academy Publ., 2008, 303 p. (In Russian).
6. Ivanova O. B. Dynamics of formation of the terminology of a new subject area (on the material of termsphere of nanotechnology in English and Russian languages).: Synopsis of a Ph.D. Thesis in Philology. Moscow, 2010, 24 p. (In Russian).
7. Kaku M. Physics of the future; Trans. from English. Moscow, al'pina nonfiction, 201, 584 p. (In Russian).
8. Lavrishheva E. M. From computer technologies to nanotechnologies // Control systems and machines. № 3. Kiev, 2014. pp. 39-48. (In Russian).
9. Miloud M. R. Nanocomputer terminology and the peculiarities of its translation // Scientific Newsletter of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering, Series «Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches», issue. 4 (32). Voronezh, 2016, pp. 164-174. (In Russian).
10. Miloud M. R. Relevance vs. non-relevance of separate semantic processes for computer multilingual terminology // Scientific Newsletter of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering, Series «Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches», issue. 3 (35). Voronezh, 2017, pp. 152-166. (In Russian).
11. Popovich A. A., Mutilin I. N., Popovich, T. A. & others. Modern problems of nanotechnologies. Educational and methodical complex. Moscow, Prospect Publ., 201, 408 p. (In Russian).
12. Tretyakov Y. D., Gudilin E. A. down There still a lot of nanobum // In the world of science, № 5, 2009, pp. 56-61. (In Russian).

13. Yashina T. V. Disciplinary and interdisciplinary ways of terminological apparatus development in innovative and technical discourse // Bulletin of Volgograd state University. Series 2, Linguistics., issue. 2 (16). Volgograd, 2012, pp. 106-112. (In Russian).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 811.161.1

Димитриева Ольга Альбертовна
кандидат филологических наук, доцент
старший научный сотрудник
Научно-исследовательского института
этнопедагогики
Чувашский государственный
педагогический университет имени
Ивана Яковлевича Яковлева
Россия, г. Чебоксары
email: olgaal_79@mail.ru

Dimitrieva Olga Albertovna
Associate Professor, Ph.D. in Philology
Senior Researcher
Scientific Research Institute of Etnopedagogy
I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical
University
Russia, Cheboksary
email: olgaal_79@mail.ru

О.А. Димитриева

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СИТУАЦИИ ВИНОПИТИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ФЕДОРА АБРАМОВА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности осмысления ситуации винопития, отмечается авторское своеобразие ее репрезентации. Актуальность исследования связана с ее лингвокогнитивной направленностью и рассмотрением текста как источника культуры. Основными портретными характеристиками вакхического человека являются его глаза (физические свойства – цвет, блеск; личностные качества) и лицо (цвет, как правило, красный и его синонимический ряд). В описание глаз включаются свойства огня, в частности, его действия, обозначаемые глаголами «пылать», «заревом гореть» и др. Одной из причин употребления спиртного является попытка обрести такое качество характера, как смелость (храбрость). Ольфакторная составляющая образа пьяного человека имеет негативно окрашенную семантику («разить сивухой», «обдавать перегаром» и т.п.).

Ключевые слова: вакхическая лексика, ритуал, культура питья, языковая картина мира, менталитет, лингвокультурология

O.A. Dimitrieva

REPRESENTATION OF BACCHIC SITUATION IN THE WORLD OF FYODOR ABRAMOV

Abstract. The article discusses the peculiarities of understanding the situation of wine drinking, notes the author's originality of its representation. The main portrait characteristics of a bacchanalian man are his eyes (physical properties – color, luster; personal ones) and face (colour, usually red and its synonymous series). The description of eyes includes the properties of fire, in particular, its actions, indicated by the verbs «to burn», «glow to burn», etc. One of the reasons for drinking alcohol is an attempt to acquire such a quality of character as courage (bravery). The olfactory component of the image of a drunk person has a negatively colored semantics.

Keywords: Bacchic lexis, ritual, drinking culture, language worldview, mentality, cultural linguistics

Вводные замечания. Е.Г. Беляевская определяет значимость дискурсивной интерпретации знаний о мире, т.е. интерпретации сквозь призму индивидуально-авторского мировидения [4]. О.И. Лыткина отмечает, что лингвокогнитивный подход к изучению художественного произведения позволяет осветить три значимых момента: во-первых, понять замысел автора произведения, во-вторых, определить, в какой

степени отражается национальная картина мира в произведении автора и в-третьих, влияет ли художественный мир произведения на национальную картину мира в целом [9, с.783].

29 февраля Федору Александровичу Абрамову (1920 – 1983) исполнилось 100 лет со дня рождения. Он принадлежит к плеяде писателей деревенской прозы. Мир, представленный в его произведениях, отражает деревенский быт Русского Севера, описывает людей, принадлежащих этой среде. Сам Абрамов, описывая Север, называет его «краем родникового слова» (подробнее см. [11], [12]). Ситуация *винопития* является неотъемлемой частью быта, в том числе и северного. «Быт, – пишет Ю.М. Лотман, – это обычное протекание жизни в ее реально-практических формах; быт – это вещи, которые окружают нас, наши привычки и каждодневное поведение» [8, с.10]. «Вещи навязывают нам манеру поведения, поскольку создают вокруг себя определенный культурный контекст» [8, с.12].

Рассматривание концепта, или ситуации *винопития*, и способа его репрезентации в «возможных» художественных мирах авторов разного периода позволяет проследить некоторые универсальные особенности, находящие свое отражение еще в фольклорных текстах, и индивидуальные, свойственные определенному автору. Как нами уже отмечалось ранее, авторский ракурс представления ситуации может быть представлен «извне» (создается экстравертированный образ с внешне выраженными поступками) и «изнутри» (интровертированный, акцентирующий внимание на внутренних качествах) (подробнее см. [5]). Индивидуальный облик выражается посредством излюбленных форм представления ситуации винопития. Так, например, для Ф.М. Достоевского это ряд прилагательных, Н.С. Лесков особое внимание уделяет языковой игре и в нее часто вовлекается имя существительное (см. [6]).

Вакхический образ развивается и дополняется новыми историческими реалиями. Так, в прозе Абрамова мы читаем о наркомовских 100 граммах водки, выделяемых солдатам во время войны. Или у В. Пелевина возникает «виртуальный» образ винопития, в котором важными становятся перцептивные свойства алкогольного напитка. Можно проследить постепенное изменение метафорической репрезентации образа, введение, например, артефактного представления о состоянии пьяного человека (человек как механизм).

В данной работе исследуются основные составляющие образа человека, употребляющего спиртное, в художественном мире Федора Абрамова. Интересной представляется «народная» его интерпретация. Материалом для исследования послужили повести «Пелагея», «Алька», «Мамониха», «Деревянные кони» и рассказы, представленные в сборнике [3], а также роман «Братья и сестры» [1; 2].

Описание особенностей внешности. Одной из основных характеристик человека, на которые обращает внимание автор, является описание глаз пьяного человека. М.Н. Михайлов, Н.В. Михайлова пишут о частотных определениях, характеризующих глаза, которые представлены следующими семантическими группами, такими как «яркость», «болезненность», «материал», «цвет», «состояние», «форма», «характер» [10, с.19]. Глаза в художественном произведении, как отмечает Е.Е. Котцова, могут описываться как ‘орган зрения’ (в таких случаях подчеркиваются внешние признаки) и как ‘взгляд’ (значимой становится портретно-психологическая характеристика персонажа) [7, с.157]. В произведениях Ф. Абрамова существенным признаком является физическая характеристика глаз – это, как правило, яркость и цвет, а также эмоционально-психическое состояние. Приведем примеры:

(1) – *Цыц!* – заорал Егорша на пьяного старика и опять начал звереть, на глазах обрастать шерстью. И Лиза, как слепой котенок, тыкалась своими глазами ему в

мутные, пьяные глаза, в обвисшие – мешочками – щеки, в опавший полусгнивший рот, чтобы найти лазейку к его сердцу – ведь есть же у него сердце, не сгнило же напрочь! – и Егорша, как всегда, как раньше, как в те далекие годы, когда она солодкой стлалась перед ним, когда при одном погляде его тонула в его синих нахальных глазах, разгадал ее [2, с.352];

(2) *Петр Житов выслушал его не перебивая и, наверно, минуты две сидел молча, тупо уставившись на них своими мутными и красными с перепоя глазами [1, с.415];*

(3) *Водка шальным огнем заиграла в ее [Дуняркиных] черных и плутоватых, как у Варвары, глазах [2, с.135];*

(4) *А у Мани-большой так и запылал левый глаз зеленым угарным огнем – верная примета, что где-то уже подзаправилась [3, рассказ «Пелагея», с.41];*

(5) *Уледев говорил в сторону. Дегтярные шальные глаза его навывкате подозрительно блестели. – Ты что, с утра прикладывался? [3, рассказ «Вокруг да около», с.149];*

(6) *Ну а Петр Житов не смутился. Лихо, в упор глянул на председателя своим рыжим, уже хмельным глазом и для полной ясности смачно хлопнул по протезу – с меня-де взятки гладки [2, с.12];*

В первом примере создается психологическая зарисовка Егорши, «нового», двадцать лет спустя появившегося в своей деревни, и «прежнего», молодого мужа Лизы: *мутные, пьяные глаза* сравниваются с прежними *синими нахальными*. Помимо определений, здесь значимыми также являются действия, обозначаемые глаголами *тыкалась, как котенок и тонула*, через которые героиня пытается найти путь к сердцу – *лазейку*, а глаза являются своего рода порталом, открывающим доступ к сердцу.

Егорша несколько схожим представился и Петру Житову, в первый раз после долгого отсутствия через характеристику глаз: – *Не узнаешь? – Мужичешко подмигнул голубеньким, полинялым, в щелку глазом, и Петру Житову почудилось что-то знакомое в том глазе. Но все остальное... – Нет, вроде не признаю вашей личности...* [2, с. 336].

В примерах 3-5 наряду с цветом глаз (*черный (3), зеленый (4), дегтярный (5)*) добавляется такая характеристика, как яркость, ее проявление через характеристики огня *шальным огнем заиграла; запылал; блестели*. В некоторых высказываниях отмечается свойство глаз пьяного человека – становиться *светлыми, пронзительно-светлыми*. Второй и шестой примеры по-разному характеризуют Петра Житова: глаголы (*тупо*) *уставиться* и *глядеть*, существительное *глаза* в первом случае во множественном числе, а во втором – в единственном, *мутные* (без указания цвета) и *рыжие* – всё это указывает на длительность и в некотором роде предугадывает степень сложности предстоящего разговора.

Общепринятое указание на степень опьянения через описание глаз закрепляется во фразеологических оборотах *налить глазища, шары и залить глаза: Бесстыдник! Налил глазища – и море по колено [1, с.71]; – Сиди! – прикрикнула на него [Прохора] Евгения. – Они шары нальют, не знай, чего начнут молоть [3, рассказ «Деревянные кони», с.23]; И разве виновата та же самая Клавдия, что молодость ее пала на войну? Вот и почала она по вечерам свои походы в деревню делать – авось и ей перепадет какая-нибудь кроха бабьего счастья, а чтобы не так стыдно было, залей глаза вином...* [3, рассказ «Вокруг да около», с.186].

Другим важным, часто встречающимся при описаниях пьяного человека свойством является лицо, его цвет – это спектр красного цвета (*красный; кумачово-красный; розовый, прямо-таки малиновый от натуги; заревом рожга; заревом занялось; раскалилось докрасна* и т.п.), реже встречается противоположная

характеристика *белый, бледный*: *Клавдия была под хмельком. Лицо у нее было красное, как у мужика, светлые глаза лихорадочно блестели* [3, рассказ «Вокруг да около», с.184]; *Все стояли под порогом. Егорша, бледный от вина и пляски, хмуρο покусывал губы* [1, с.503].

Отношение к винопитию через указание на лицо фиксируется посредством просторечного образного выражения *родиться с мокрым рылом*, которое означает склонность человека к употреблению алкогольных напитков: *Есть ли у нас, татя, сколько табаку-то? – обратилась Лиза к свекру. Она почитала старика за отца. Может, безо всего, с голыми руками придет. Да и вина бы бутылки две не мешало раздобыть. Ведь уж нашего папу не переделаешь, да, Васенька? С мокрым рылом родился* [2, с.24].

Итак, основными репрезентантами вакхического состояния являются характеристика глаз и лица, некоторые из которых закрепляются во фразеологических оборотах.

Черта характера как цель употребления спиртного. В художественном мире Абрамова герои объясняют причину винопития и / или «вакхических» поступков своим желанием приобрести такое качество, как смелость, храбрость:

(1) *Как-то она [Анфиса] стала Петра Житова совестить (Олена попросила): зачем, мол, ты, Петя, все пьешь? «А затем, чтобы человеком себя чувствовать, – ответил ей Петр Житов. – Я, когда выпью, ужасно смелый делаюсь. Никого не боюсь». И вот, наверно, вино и в самом деле смелости прибавляет. Сейчас она тоже никого не боялась – ни мужа, ни Подрезова* [2, с.74];

(2) *Сутки, всего сутки пробыл Михаил в деревне, а душу и нервы вымотал за год. Сперва причитания жены – то не сделано, это не сделано, хоть работницу для нее заводи, – потом эта новая схватка с Таборским и его шайкой, потом Егорша... Сукин сын, мало того что из-за него всю ночь не спали, решил еще заявиться самолично. Под парами, конечно: всегда и раньше в бутылке храбрости искал* [2, с.355];

(3) *От такого купеческого вида не по себе стало парню [Степану Андреевичу] – пришлось понабраться храбрости в кабаке* [1, с.21];

(4) – *Как что? Разве не слыхал? Ведь те разбойники-то дом хотят рушить. Сидят у Петра Житова, храбрости набираются...* [2, с.423].

Вино, как показывают примеры, обладает способностью вносить качественные изменения в характер человека или создавать их иллюзию: примеры 1-2 показывают постоянное свойство человека, его регулярные поступки, в примерах 3-4 описывается текущая ситуация, причем храбрость приравнивается спиртному, в таких случаях указывается место осуществления действия (у Петра Житова; в кабаке).

Вакхическая лексика в ряду поведенческих характеристик.

1. Описание походки и положения в пространстве приводится как один из основных маркеров, указывающих на степень опьянения. Первое дается через глаголы и глагольные выражения *пошатываться; еле держаться на ногах; на ровном месте не стоять; выписывать восьмерки, кулем шмякнуться* и др., второе – *пить наповал до схватки с землей; в лежку; без задних ног* и т. п.: *Филя-петух в белой рубахе выписывал восьмерки на горке возле клуба. А где накачался, ломать голову не приходилось* [2, с.342]; – *Бутылка-то вишь до чего довела. Страда, а у нас вся деревня в лежку* [2, с.290].

2. Ольфакторная составляющая винопития вербализуется глаголами с семантикой ‘пахнуть’, ‘издавать запах’ *разить (сивухой, дешевым одеколоном), обдавать (винным перегаром), пахнуть (вином), опахнуть (водочным перегаром)* и др. В некоторых случаях ольфакторная оценка может стать визитной карточкой героя (по

отсутствию винного запаха определяется личность человека): – *Вот и дождался я тебя, Миша, – вдруг заговорил Евсей и, к великому изумлению Егорши, даже открыл глаза. – Все люди бензином да вином пропахли, а от тебя дух травяной, вольный. С поля, видно?* [2, с.435].

3. Описание положительных и отрицательных качеств. Вакхическая лексика входит в лексический ряд, характеризующий персонажа с точки зрения его отношения к спиртному. Дается, как правило, узуальное описание, в котором «вакхическое» действие нелокализовано на линии времени и изображает повторяющуюся ситуацию. Приведем примеры негативных качеств персонажа:

(1) – *А Сергей Постников? – На порядке парень. Бутылку стороной не обходит, но нет этого, чтобы по неделям зашибать* [2, с.361];

(2) *Но и порядки тоже новые. Бывало, в старенькой колхозной кузне самый-пресамый азарт в это время. Кузнец за ночь силенок поднакопил – просто пляшет вокруг наковальни. А нынче вокруг чего пляшет Зотька? Вокруг бутылки. Очередную совхозную годовщину справляет* [2, с.404];

(3) *И вот девка-то [Лидя] у меня взвыла. Все бегут, уезжают из Мамоники, а она как привязанная. У ей колхозны телята на руках – целый двор, дома – одна колода лежащая, другая... И вот, смотрю, у меня Лидия Павловна уж в бутылку заглядывать стала да курить почала, худым словом кидаться...* [3, рассказ «Мамоники», с.256].

При положительной характеристике героя отношение к спиртному передается через отрицание вакхического действия: *Ко мне подвернулся человек, свой дом полная чаша, холостой, не пьет... Эх, думаю, брошу все, еще сорок лет, хоть немного, хоть год да как люди поживу* [2, с.460]; *И вдруг вот эта Валя выходит замуж за Сашку В. Сашка – парень непьющий и зарабатывает хорошо – тракторист, но все же против Вали мешок мешком* [3, рассказ «Обедами взял», с.337]; *Вот так и меня выдали. Ну, ничего жили-то. Непьющий был и не бил меня. На войне на этой пропал...* [3, рассказ «Доживая век», с.349].

4. Объективный взгляд со стороны можно проследить на примерах, в которых пьяный человек воспринимается с точки зрения ребенка или животного. Рассмотрим такие примеры:

Белая ночь была на исходе. Уже утренняя заря разливалась по заречью. А праздник был еще в полном разгаре. Наяривала гармошка в верхнем конце деревни (неужели все еще у председателя лесхимартели гуляют?), голосили пьяные бабы (эти теперь ни в чем не уступят мужикам), а на дороге, у Аграфениного дома, и совсем непотребное творилось: ребятишечки сопленосые в пьяных играли. Друг за дружку руками держатся, головенками мотают, что-то верещат – не то матюкаются, не то песни поют. Совсем как папы и мамы... [3, рассказ «Пелагея», с.53–54];

Пуха не любила праздников. Она не понимала, почему люди вдруг ни с того ни с сего начинали орать на всю деревню, падать, кататься по земле, а то и дубасить друг друга. Кроме того, в такие дни ей часто попадало и от людей, и от злых собак, да и Володька почему-то не в меру сердился, когда она показывалась ему на глаза [3, рассказ «Безотцовщина», с.233].

Детская «игра в пьяных» и взгляд с точки зрения собаки Пухи содержат визуальный образ пьяного человека, его жесты, движения, походка, речь и т. д.

Итак, в мире деревни свойство человека ‘пить спиртное’ характеризуется негативным отношением, а противоположное ему носит положительный оттенок и отмечается, что это редкое исключение, нежели правило: *Виктор Нетесов был парень не из последних. Не пил (может, один-единственный в его возрасте во всем Пекашине). Ударник – все годы, как сел за руль, с красной доски не сходит* [2, с.383].

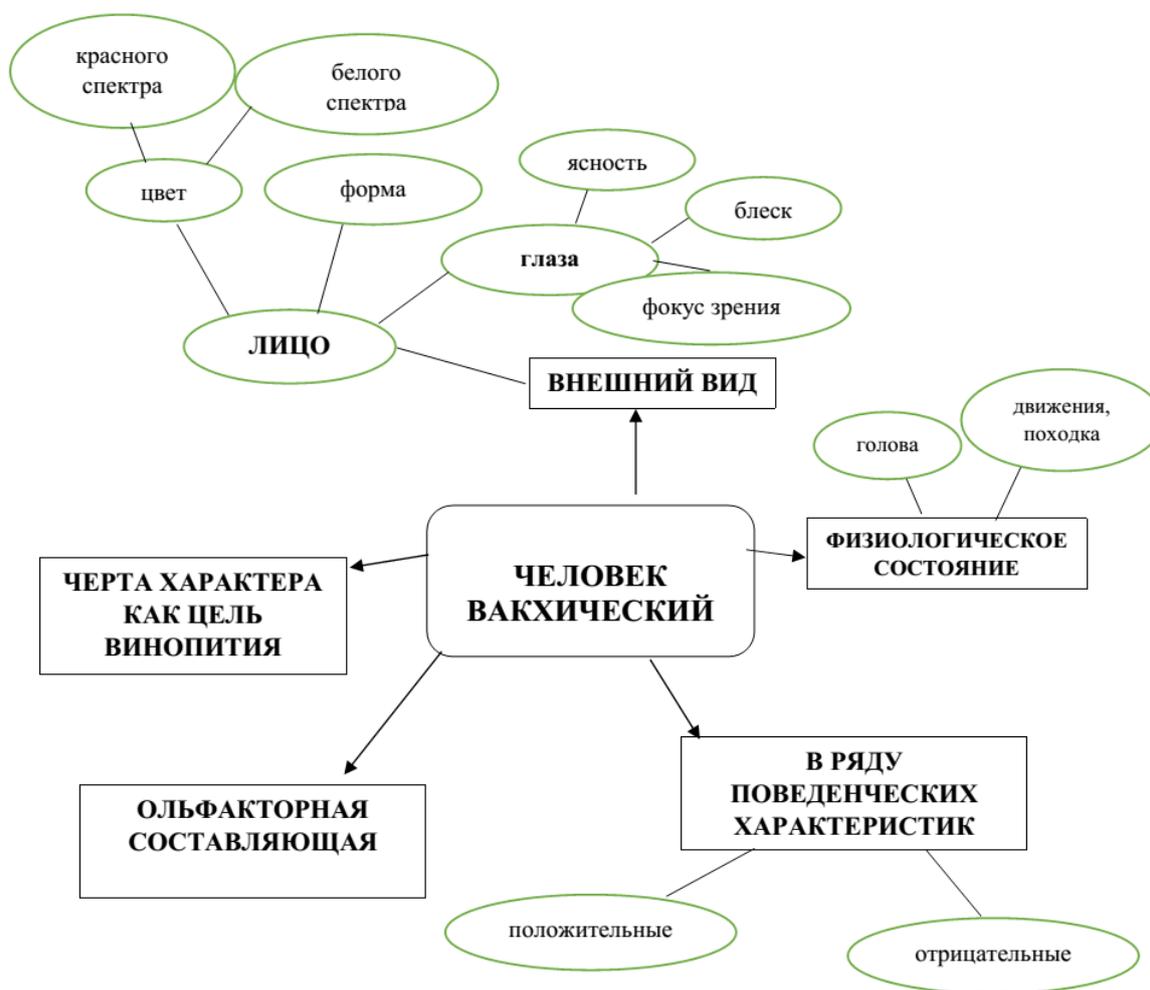
Выводы. Итак, основными портретными характеристиками вакхического человека являются его глаза и лицо. В описание глаз включаются свойства огня, в частности, его действия, обозначаемые глаголами *пылать*, *загореться* и др. Основным признаком, отражающемся на лице является его цвет (чаще всего это спектр красного цвета).

Одной из причин употребления спиртного является попытка обрести такое качество характера, как смелость (храбрость).

Поведение представляется двумя составляющими: 1) текущее и 2) узуальное.

Ольфакторная составляющая образа пьяного человека имеет негативно окрашенную семантику.

Данные положения удобно представить в виде схемы, в которой репрезентируются основные составляющие образа вакхического человека (см. схему).

Библиографический список

1. Абрамов Ф.А. Братья и сестры: Роман в 4 кн. Кн. 1, 2. – М.: Вече, 2018. – 512 с.
2. Абрамов Ф.А. Братья и сестры: Роман в 4 кн. Кн. 3, 4. – М.: Сов. Россия, 1987. – 496 с.
3. Абрамов Ф.А. Повести и рассказы. – Л.: Лениздат, 1985. – 383 с.
4. Беляевская Е.Г. Дискурсивная интерпретация знаний о мире в языке // Вестник МГЛУ. – 2016. – №19 (758). – С. 18–27.

5. Димитриева О.А. «В России пьяные люди у нас самые добрые...» (Об образе пьяного человека в произведениях Ф. М. Достоевского) // Мир русского слова. – 2019. – №3. – С. 56–61. – DOI: 10.24411/1811-1629-2019-13056.
6. Димитриева О.А. Особенности концептуализации ситуации винопития в произведениях Н.С. Лескова // Научный диалог. 2020. – №2. – С. 70–84. – DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-70-84.
7. Котцова Е.Е. Глаза в портретных характеристиках героев романа Е.И. Замятина «Мы» // Язык как отражение духовной культуры народа: Материалы междунаро. конф. – Архангельск: ООО «Консультационное информационно-рекламное агентство», 2018. – С. 154–158.
8. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Искусство–СПБ, 1994. – 399 с.
9. Лыткина О.И. Концепты «родина» – «государство» в художественной картине мира С. Довлатова и М. Задорнова // Динамика языковых и культурных процессов в современной России [Электронный ресурс]. – Вып. 6. Материалы VI Конгресса РОПРЯЛ (г. Уфа, 11–14 октября 2018 года). – СПб.: РОПРЯЛ, 2018. – С. 783–787.
10. Михайлов М.Н., Михайлова Н.В. Глаза в литературе XX века // Русская речь. – 2002. – №1. – С.17–26.
11. Петров А.В. Родниковое слово Федора Абрамова: К 100-летию со дня рождения Фёдора Александровича Абрамова. – Архангельск: КИРА, 2020. – 172 с.
12. Петров А.В. Лингвокреативный потенциал сравнения в народной речи (на материале повести Федора Абрамова «Пелагея») // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. – 2020. – №2. – С. 291–299.

References in Roman script

1. Abramov F.A. Brat'ya i sestry: Roman v 4 kn. Kn. 1, 2. – M.: Veche, 2018. – 512 s.
2. Abramov F.A. Brat'ya i sestry: Roman v 4 kn. Kn. 3, 4. – M.: Sov. Rossiya, 1987. – 496 s.
3. Abramov F.A. Povesti i rasskazy. – L.: Lenizdat, 1985. – 383 s.
4. Belyaevskaya E.G. Diskursivnaya interpretaciya znaniy o mire v yazyke // Vestnik MGLU. – 2016. – №19 (758). – S. 18–27.
5. Dimitrieva O.A. «V Rossii p'yanye lyudi u nas samye dobre...» (Ob obraze p'yanogo cheloveka v proizvedeniyax F. M. Dostoevskogo) // Mir russkogo slova. – 2019. – №3. – S. 56–61. – DOI: 10.24411/1811-1629-2019-13056.
6. Dimitrieva O.A. Osobennosti konceptualizacii situacii vinopitiya v proizvedeniyax N.S. Leskova // Nauchnyj dialog. 2020. – №2. – S. 70–84. – DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-70-84.
7. Kotcova E.E. Glaza v portretnyx karakteristikax geroev romana E.I. Zamyatina «My» // Yazyk kak otrazhenie duxovnoj kul'tury naroda: Materialy mezhdunarodn. konf. – Arxangel'sk: ООО «Konsul'tacionnoe informacionno-reklamnoe agentstvo», 2018. – S. 154–158.
8. Lotman Yu.M. Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka). – SPb.: Iskusstvo–SPB, 1994. – 399 s.
9. Lytkina O.I. Koncepty «rodina» – «gosudarstvo» v xudozhestvennoj kartine mira S. Dovlatova i M. Zadornova // Dinamika yazykovyx i kul'turnyx processov v sovremennoj Rossii [E'lektronnyj resurs]. – Vyp. 6. Materialy VI Kongressa ROPRYaL (g. Ufa, 11–14 oktyabrya 2018 goda). – SPb.: ROPRYaL, 2018. – S. 783–787.
10. Mixajlov M.N., Mixajlova N.V. Glaza v literature XX veka // Russkaya rech'. – 2002. – №1. – S.17–26.
11. Petrov A.V. Rodnikovoe slovo Fedora Abramova: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya Fyodora Aleksandrovicha Abramova. – Arxangel'sk: KIRA, 2020. – 172 s.
12. Petrov A.V. Lingvokreativnyj potencial sravneniya v narodnoj rechi (na materiale povesti Fedora Abramova «Pelageya») // Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa. – 2020. – №2. – S. 291–299.

References

1. Abramov F.A. Brothers and sisters. Books 1, 2. Moscow, Veche publ., 2018, 512 p. (in Russian).

2. Abramov F.A. Brothers and sisters. Books 3, 4. Moscow, Soviet Russia publ., 1987, 496 p. (in Russian).
3. Abramov F.A. Stories and short stories. Leningrad, Lenizdat publ, 1985, 383 p. (in Russian).
4. Belyaevskaya E.G. Discursive interpretation of knowledge about the world in the language. Vestnik MSLU, 2016, no19 (758), pp. 18-27.
5. Dimitrieva O.A. "in Russia, drunk people are the kindest..." (About the image of a drunk person in the works of F.M. Dostoevsky). World of Russian word, 2019, no. 3, pp. 56-61. DOI: 10.24411 / 1811-1629-2019-13056. (in Russian).
6. Dimitrieva O.A. Features of the conceptualization of the situation of wine drinking in the works of N.S. Leskov. Scientific dialogue, 2020, no. 2, pp. 70-84. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-70-84. (in Russian).
7. Kottsova E.E. Eyes in the portrait characteristics of the heroes of the novel by E. I. Zamyatin "We". Language as a reflection of the spiritual culture of the people: Materials of International Conf. Arkhangelsk, Consulting information and advertising Agency publ., 2018, pp. 154-158. (in Russian).
8. Lotman Yu.M. Conversations about Russian culture: Life and traditions of the Russian nobility (XVIII-early XIX century). Saint Petersburg, Iskusstvo-SPb publ., 1994, 399 p. (in Russian).
9. Lytkina O. I. Concepts "homeland" – "state" in the artistic picture of the world of S. Dovlatov and M. Zadornov. Dynamics of language and cultural processes in modern Russia [Electronic resource]. Vol. 6. Materials of the VI Congress of ROPRYAL. Saint Petersburg, ROPRYAL publ., 2018, pp. 783-787. (in Russian).
10. Mikhailov M. N., Mikhailova N. V. Eyes in the literature of the XX century. Russian speech, 2002, no1, pp. 17-26.
11. Petrov A.V. Rodnikovoe Slovo Fedora Abramova: To the 100th anniversary of the birth of Fyodor Abramov. Arkhangelsk, KIRA publ., 2020, 172 p. (in Russian).
12. Petrov A.V. Linguocreative potential of comparison in folk speech (based on the story of Fedor Abramov "Pelageya"). Ural philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of Creativity, 2020, no. 2, pp. 291-299. (in Russian).

УДК 821

Поташова Ксения Алексеевна
кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный областной
университет
Россия, г. Москва
e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

Potashova Ksenia Alekseevna
Associate Professor, Ph.D. in Philology
Moscow Region State University
Russia, Moscow
e-mail: kseniaslovo@yandex.ru

К.А. Поташова
**О ПРИРОДЕ ГЕНИЯ: ВЛИЯНИЕ «ФАНТАЗИЙ ОБ ИСКУССТВЕ»
В.Г. ВАКЕНРОДЕРА НА ТВОРЧЕСКУЮ КОНЦЕПЦИЮ ТРАГЕДИИ
А.С. ПУШКИНА «МОЦАРТ И САЛЬЕРИ»¹**

Аннотация. Новизна исследования связана с выявлением источников художественной образности трагедии А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери», позволяющих раскрыть уникальность синтеза вербального и визуального начал в художественном мышлении поэта. С опорой на анализ пушкинской трагедии в сопоставлении с очерками Вакенродера «Фантазии об искусстве», рассмотрено влияние эстетической системы Рафаэля Санти на романтическую концепцию природы творческого вдохновения, сущность которой видится в присутствии Божественного начала. В статье делается вывод о том, что, опираясь на идеи немецкой философско-эстетической мысли, в частности на очерки Вакенродера, А.С. Пушкин определял гений Рафаэля как силу, способную открыть человеку путь к высшей истине, стать источником нравственных ориентиров, преобразить окружающий мир.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, Рафаэль Санти, В.Г. Вакенродер, романтизм, эстетическая система, природа творчеств

К.А. Potashova
**ON THE NATURE OF GENIUS: THE INFLUENCE OF «FANTASIES ABOUT ART»
W.H. WACKENRODER ON THE ARTISTIC CONCEPT OF THE TRAGEDY OF
ALEXANDER PUSHKIN «MOZART AND SALIERI»**

Abstract. The research's novelty is associated with the identification of sources of artistic imagery of A.S. Pushkin's tragedy «Mozart and Salieri», which allow us to reveal the uniqueness of the synthesis of verbal and visual principles in the artistic poet's thinking. Based on the analysis of Pushkin's tragedy in comparison with Wackenroder's essays «Fantasies about art», the influence of Raphael Santi's aesthetic system on the romantic concept of the nature of creative inspiration, the essence of which is seen in the presence of the Divine principle, is considered. The tools for analyzing the tragedy served as a comparative historical method, which allowed us to conclude that, based on the ideas of German philosophical and aesthetic thought, A. S. Pushkin defined the genius of Raphael as a force that can become a source of moral guidance, transform the world around him.

Keywords: A.S. Pushkin, Raphael Santi, W.H. Wackenroder, romanticism, aesthetic system, nature of creativity

Романтическая идея осмысления искусства как величайшего творчества, проявления в художнике Божественного, созидającego начала неразрывно связана с очерками немецкого философа и теоретика романтизма В.Г. Вакенродера «Фантазии об искусстве» (1799). Как отмечает С.П. Шевырев «Фантазии об искусстве» связаны с

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект № 19-78-00118 «Визуализация художественного образа в русской поэзии конца XVIII – первой трети XIX века»

«переворотом», который произошел в европейских эстетических теориях конца XVIII – начала XIX в., и выразился в том, что «на искусство стали смотреть с высшей точки зрения» [18, с.129]. Центральное место в сборнике Вакенродера занимает тема живописи, а именно картины Рафаэля Санти, на произведениях которого философ основывался в своих размышлениях об особенностях мировосприятия художников. Основные эстетические проблемы, поднятые Вакенродером, – понимание искусства как высшей, абсолютной ценности, противопоставление искусства и поэтического мирозерцания художника рассудочным системам, невозможности рационального истолкования природы искусства – занимали значительное место в русской романтической эстетике и привнесли в поэзию искусствovedческие мотивы и образы, особенности передачи различных жизненных явлений, развили особую форму пластического видения, а «Фантазии об искусстве» способствовали их широкому распространению.

Программным очерком, включенным в книгу «Фантазии об искусстве» и так или иначе отразившимся в творчестве многих русских поэтов XIX в., стал очерк «Видение Рафаэля», излагающий общеромантические представления о божественной природе искусства. В основу очерка положена легенда о монахе-отшельнике, который обнаружил в монастырской библиотеке рукопись итальянского архитектора Д. Браманте, передающую устный рассказ Рафаэля о природе своего творчества. Из легенды известно, что художнику во время сна явился образ Богородицы: «В ночной тьме его взгляд был привлечен сиянием на стене, как раз насупротив его ложа, и когда он взгляделся, то увидел, что это светится нежнейшим светом его незавершенное изображение Мадонны, висящее на стене, и что оно стало совершенно законченной и исполненной жизни картиной» [2, с.31].

Понимание творческого вдохновения как высшей ценности, а живописи Рафаэля как «идеала единения Истины, Добра и Красоты» [6, с.99] способствовало романтическому возвеличиванию личности художника. Поднимая в литературе 1820–1830-х годов вопросы гениальности личности, поэты не раз создавали образ художника, в котором заметны рафаэлевские черты. Включение в произведение аллюзий, прямых или косвенных отсылок к личности Рафаэля и его картинам как «вневременному воплощению прекрасного» [13, с. 55] позволяет поэту размышлять о подлинности и эстетической чистоте искусства в его зависимости от нравственного начала, а художника представить выразителем морально-этических качеств, носителем творческого гения, возвышающего его над действительностью. Яркое воплощение тема нравственной чистоты художника и «человечности гения» в связи с образом Рафаэля нашла свое отражение в трагедии А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери» (1830).

Влияние очерка Вакенродера на русскую романтическую традицию в осмыслении природы искусства не раз отмечалось в литературоведении. Так, О.Б. Лебедева и А.С. Янушкевич видят значение Вакенродера в открытии «таинственной силы языка искусства», «расширении сферы эстетической рефлексии» [10, с.124]. В этом же аспекте значение очерка Вакенродера о романтическом творце как «посреднике между видимым и невидимым, выразимым и невыразимым» [17, с.137–138] для романтической традиции отмечено и С.В. Савинковым. М.П. Алексеев в комментариях к «Моцарту и Сальери» определил книгу Вакенродера как один из источников «Маленьких трагедий»: «В первых ее главах поставлены, хотя и в несколько другом сочетании, две основные темы, интересующие Пушкина в «Моцарте и Сальери»: проблема гениальной одаренности в противопоставлении напряженному прилежанию талантливого художника и прославленного мастера к побеждающей его гордыню Божественной гениальности художника-соперника» [1, с.540]. Близость текста

пушкинской трагедии к очеркам Вакенродера отметила и И.В. Карташова, проведя параллели между сюжетом «Моцарта и Сальери» с очерком «Достопримечательная музыкальная жизнь композитора Иозефа Берлингера»: «Творческая личность, характер и законы поэтического труда, соотношение искусства и жизни, гения и таланта, конфликт художника и действительности – все эти вопросы, поставленные Вакенродером и нашедшие особенно глубокое и драматическое решение в новелле о Берлингере, волновали Пушкина, вставали перед ним, диктовались условиями русской действительности и собственной биографией» [3, с.26].

Однако, связывая работу Пушкина над «Моцартом и Сальери» с интересом поэта к очеркам Вакенродера, исследователи не обращались к анализу влияния самого литературного образа Рафаэля, носивший в эстетике романтизма «знаковый характер» [9, с.145], на созданный в трагедии образ гения Моцарта. Между тем, воспринимая Рафаэля идеалом творческой личности, а его живопись воплощением гениальности, Пушкин наделил своего Моцарта рафаэлевскими чертами.

Само сближение Моцарта с Рафаэлем было характерным для романтической эстетики – называя Моцарта Рафаэлем в музыке, романтики не раз ставили в один ряд имена художника и композитора. Так, В.Ф. Одоевский в эпилоге к роману «Русские ночи» (1844) отмечает, что «можно человека навести на идею красоты, совершенства, гармонии; но дать ощупать эту идею невозможно, ибо полного выражения этой идеи не найдешь в природе, – она лишь в голове Рафаэля, Моцарта и других людей в этом роде» [12, с.193]. Созвучны самой идее трагедии Пушкина и размышления И.-В. Гете о гениальности художника: «Демоны <...> время от времени позволяют возникнуть отдельным личностям, столь обольстительным и великим, что каждый хочет им уподобиться. Они позволили возникнуть Рафаэлю, мысль и деяния которого одинаково совершенны. <...> Они дали возникнуть Моцарту, недостижимо совершенному в музыке, а в поэзии – Шекспиру» [19, с.351]. Хотя размышления Гете, записанные годом ранее написанной Пушкиным трагедии, не могли быть знакомы поэту – первое издание книги относится к середине XIX века – все же очевидна близость этих слов к замыслу «Моцарта и Сальери»: проблема гениальной одаренности художника и тщетная попытка уподобления ему художника-соперника, продиктованная его завистью и гордыней.

В отличие от Сальери, чья жизнь представлена в трагедии довольно подробно – читатель узнает и о его детском интересе к музыке, и о его увлечении музыкой Глюка, и о его пути к достижению славы – образ Моцарта проведен Пушкиным через всю трагедию. Поэт представляет Моцарта идеалом творческой личности, выразителем гармонии в искусстве, его «мирочувствие и своеобразие этики» [7, с.71] отмечено избранничеством: *«Нас мало избранных, счастливых праздных, // Пренебрегающих презренной пользой, // Единого прекрасного жрецов»* [15, с. 133] Моцарт знает о себе, что он «сын гармонии», как отмечает русский философ И.А. Ильин, «Моцарт знает в себе жреца искусства, служителя, счастливец, но о божественности своей не думает» [4, с.94]. Избранность творца заключается в «возможности осуществления результата: донести «глас Божий» людям» [5, с.116]. При всей «избранности» Моцарта его гений объясняется и человеческими качествами – он весел, прост, открыт навстречу жизни, общению с человеком: *«Представь себе... кого бы? // Ну, хоть меня – немного помоложе; // Влюбленного – не слишком, а слегка – // С красоткой, или с другом – хоть с тобой // Я весел»* [15, с. 127–128]. В этой простоте и открытости, простодушии гения пушкинский Моцарт близок Рафаэлю, которого отличают те же качества. Вот как характеризует Вакенродер Рафаэля, подчеркивая его нравственную чистоту: «Как человек он был столь же благороден и достоин любви, сколь и как художник. В нем не

было ничего от того мрачного и гордого характера, что часто усваивают себе влияние странности, вся его жизнь на земле была простой, кроткой и светлой как ручеек» [2, с.138]. Искреннее отношение художника к миру, его чистоту и невинность поэт не раз подчеркивает сравнением Моцарта с «райским херувимом», это сравнение выступает «знаком отношения человека к реальности небесной, мерой его духовной состоятельности» [8, с.119]. Божественный Рафаэль – так романтики определяли художника, Божественное начало подчеркивается и в Моцарте, который воспринимает такое сравнение по-детски открыто и непосредственно: «Сальери: Ты, Моцарт, Бог, и сам того не знаешь; // Я знаю, я. Моцарт: Ба! Право? Может быть...» [16, с. 110]. Простодушие Моцарта – черта, отличающая подлинность гения художника и сближающая изображенного поэтом Моцарта с «человеколюбивым Санцио» [2, с.138] Вакенродера. Именно простодушие гения привлекает Пушкина и в Моцарте, и в Рафаэле, близость художника ко всем проявлениям жизни и открытость миру поэт подчеркивает в самой природе гениальности.

И здесь интересно сравнить восприятие музыки Рафаэлем и пушкинским Моцартом. Для Сальери музыка – это ремесло или искусство, притом фразы и монологи, в которых он произносит эти слова, отличаются порывистостью и страстностью: «родился я с любовью к искусству», «ремесло поставил я подножием искусству», «в искусстве безграничном достигнул степени высокой» [16, с.123, 124]. Моцарт же определяет музыку гармонией – основой красоты, духовного начала, воплощением Божественной природы: «Когда бы все так чувствовали силу // Гармонии! но нет; тогда б не мог // И мир существовать; никто б не стал // Заботиться о нуждах низкой жизни» [16, с. 133]. И хотя Рафаэль, в отличие от Леонардо да Винчи или Тициана, не владел игрой на музыкальных инструментах, его живопись обладала музыкальностью.

Композитор Ф. Лист в статье «Святая Цецилия Рафаэля» (1838) определил близость его живописи к музыке «в прекрасном выражение всего благороднейшего и идеальнейшего, как чуда грации, чистоты и гармонии одновременно» [11, с. 148]. Идею необычайной гармоничности, композиционной и красочной стройности, единства простоты и духовной чистоты, т.е. то, что обнаруживает в картине Рафаэля музыкальную природу, подчеркивает и Пушкин в сонете «Мадонна». Тема музыки в живописи Рафаэля главным образом связана с изображением ангельского оркестра – ангелы на картинах художника играют на флейтах, тамбуринах, трубах или кимвалах, но чаще – изображены без инструментов, поющими. Изображение небесного хора поющих ангелов на картине художника – передача гармонии божественных звуков, выражение души воплощенного идеала человека. Не случайно и Пушкин в монологах Сальери сравнивает Моцарта с херувимом, поющим «райские песни», создающим музыку сфер: «Как некий херувим, // Он несколько занес нам песен райских» [16, с. 128]. Важно, что у Пушкина ангелы предстают поющими, а не играющими на инструментах. И здесь, в восприятии музыки, поэт оказывается близким к Рафаэлю, утверждающему в своих картинах преимущество вокала над инструментальной музыкой. На картине «Святая Цецилия» (1514) художник изображает поющих ангелов, они не используют инструментов, пение их с одной стороны представляется прямым выражением души, с другой – близко к религиозным, божественным песнопениям.

В очерке Вакенродера «Ученик и Рафаэль» (1799) художник отвечает письмом на обращение своего ученика с вопросом о природе его живописи: «У меня сложилась именно такая, а не другая манера писать, как ведь у всякого своя манера, это, видимо, изначально было заложено в моей природе. Я не добивался этого в поте лица, и такому нельзя преднамеренно научиться» [2, с.41]. Подобно Рафаэлю, Моцарт, улыбаясь,

недоумевают, как ему удалось создать подобный шедевр, прекрасное творение, названное им самим «безделицей»: *«Вдруг: виденье гробовое, // Незапный мрак иль что-нибудь такое»* [16, с. 127] (в сочинениях Вакенродера Рафаэль и сам с улыбкой описывает процесс создания своих полотен: «Сам я с улыбкой созерцаю собственное творенье, радуясь, что оно так удалось мне. Но пишу я его как бы в приятном сне и во время работы более думаю о самом предмете, нежели о том, как его изображу» [2, с.40–41]. В ироничных высказываниях Моцарта о своем творчестве, Пушкин подчеркивает мысль о том, что искусство – это не ремесло, которому можно научиться, усвоить можно только внешнюю технику, не переняв при этом самого творческого духа. Неслучайно в монологе Сальери в сцене трагедии, когда Моцарт приводит площадного скрипача, поэт вспоминает имя Рафаэля: *«Мне не смешно, когда маляр негодный // Мне пачкает Мадонну Рафаэля»* [16, с. 126]. В этих словах Сальери Пушкин показывает невозможность усвоения внешней формы искусства, «невозможность создания гениального произведения только в результате усердной работы» [15, с.111], не обладая при этом божественным даром. Хотя этот эпизод и является художественным вымыслом, все же он вполне соответствует тому небывалому интересу к живописи Рафаэля, который возник в 1820–1830-е гг.

При определении обращения искусства слова к визуальным элементам, отображения в литературе живописи как характерную особенность творческого процесса начала XIX века, важным представляется изучение эстетических взглядов поэта. Особенный интерес отличает эстетику русского романтизма к гениям прежних времен – романтиков привлекала как сама идея исключительной личности, так и великое наследие гения, воспринимаемое неотрывно от него. Внимание Пушкина к Рафаэлю в значительной степени определяется чувством внутренней близости художника. Образ Рафаэля, эпизоды из его жизни вошли в творчество Пушкина в связи с волновавшей поэта темой о сущности художественного творчества, внутреннем мире художника. Обращение к итальянскому художнику обусловлено не столько эстетической атмосферой начала XIX в., но видением в картинах Рафаэля «одухотворённой материи, воплотившейся в неразрывности телесной красоты и нравственного содержания человеческой души» [14], а также высокой духовной планкой итальянского художника, отвечающей идеалам гения Пушкина.

Библиографический список

1. Алексеев М.П. Комментарии к «Моцарту и Сальери» // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 9 томах. – М.: Academia, 1935. – Т. VII. – С.540.
2. Вакенродер В.Г. Фантазии об искусстве. – М.: Искусство, 1977. – 265 с.
3. В.Г. Вакенродер и русская литература первой трети XIX век / изд. И. В. Карташова. – Тверь: ТГУ, 1995. – 95с.
4. Ильин И.А. «Моцарт и Сальери» Пушкина. Гений и злодейство // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 томах – М.: Русская книга, 1996. – Т.VI. Книга 2. – С.91–107.
5. Киселева И.А. «Пророк» (1826 г.) А.С. Пушкина и «Пророк» (1841) М.Ю. Лермонтова: Сравнительная семантика мотивного комплекса // Проблемы исторической поэтики. – 2020. – Т. 18. № 1. – С. 111–129.
6. Киселева И.А. Изучение творчества М.Ю. Лермонтова как религиозно-философской системы: проблемы методологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2010. – № 4. – С. 95–100.
7. Киселева И.А. Этика М.Ю. Лермонтова и ее религиозные основания // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – № 3. – С. 66–72.
8. Киселева И.А., Поташова К.А. Одежда у Н.М. Карамзина как примета исторического времени и национального характера // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2017. – № 5. – С. 113–121.

9. Киселева И.А., Поташова К.А. Шляпа как деталь костюма и средство характеристики персонажа в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации. Сборник научных трудов по итогам международной научной конференции, посвященной памяти д.ф.н., профессора Войловой К.А. Ответственный редактор О.В. Шаталова. – 2017. – С. 137–146.
10. Лебедева О.Б., Янушкевич А.С. В.А. Жуковский и А.В. Никитенко о Сикстинской Мадонне Рафаэля: типология экфрасиса как репрезентант эстетического сознания // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2017. – № 46. – с. 124–151.
11. Лист Ф. Избранные статьи. – М.: МУЗГИЗ, 1959. – 466 с.
12. Одоевский В.Ф. Собрание сочинений: В 2 томах – М.: Художественная литература, 1981.
13. Поташова К.А. «Ангел Рафаэля» в жизни и творчестве Лермонтова (к вопросу о возможном источнике рисунка «Младенец, тянущийся к Матери») // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2014. – № 5. – С. 54–62.
14. Поташова К.А. Феномен Рафаэля в творчестве А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова: к проблеме родного и вселенского // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22285811>
15. Поташова К.А. Влияние живописи на эстетический идеал на русскую литературу первой трети 19 века (А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов) дис. ... кандидата филологических наук / Московский государственный областной университет. – Москва, 2016.
16. Пушкин А.С. Моцарт и Сальери // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 томах – М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937–1959. – Т. 7. Драматические произведения. – 1948. – С. 121–134.
17. Савинков С.В. Между видимым и видением: к пушкинской идеологии гармонии // Новый филологический вестник. – 2019. – № 4 (51). – с. 136–145.
18. Шеврев С.П. Примечательная музыкальная жизнь художника Иосифа Берлингера. // Московски телеграф. – 1826. – № 6. – с. 127–129.
19. Экерман И.П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. – М.: Художественная литература, 1986. – 688 с.

References in Roman script

1. Alekseyev M.P. Kommentarii k «Motsartu i Sal'yeri» // Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: V 9-ti t. – М.: Academia, 1935. – Т. VII. S.540.
2. Vakenroder V.-G. Fantazii ob iskusstve. – М.: Iskusstvo, 1977. – 265 s.
3. V.-G. Vakenroder i russkaya literatura pervoy treti XIX veka / pod red. I. V. Kartashovoy. – Tver': TGU, 1995. – 95s
4. Il'in I.A. «Motsart i Sal'yeri» Pushkina. Geniy i zlodeystvo // Il'in I.A. Sobr. soch.: V 10-ti t. T.VI. Kn.2. – М.: Russkaya kniga, 1996. – S.91–107.
5. Kiseleva I.A. "Prorok" (1826) A.S. Pushkina i "Prorok" (1841) M.YU. Lermontova: sravnitel'naya semantika motivnogo kompleksa // Problemy istoricheskoy poetiki. – 2020. – Т. 18. № 1. – S. 111–129.
6. Kiseleva I.A. Izucheniye tvorchestva M.YU. Lermontova kak religiozno-filosofskoy sistemy: problemy metodologii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. – 2010. – № 4. – S. 95–100.
7. Kiseleva I.A. Etika M.YU. Lermontova i eye religioznyye osnovaniya // Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki. – 2010. – № 3. – S. 66–72.
8. Kiseleva I.A., Potashova K.A. Odezhda u N.M. Karamzina kak primeta istoricheskogo vremeni i natsional'nogo kharaktera // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. – 2017. – № 5. – S. 113–121.
9. Kiseleva I.A., Potashova K.A. SHlyapa kak detal' kostyuma i sredstvo harakteristiki personazha v «Pis'mah russkogo puteshestvennika» N.M. Karamzina // Russkij yazyk v slavyanskoj mezhkul'turnoj kommunikacii. Sbornik nauchnyh trudov po itogam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj pamyati d.f.n., professora Vojlovoj K.A. Otvetstvennyj redaktor O.V. SHatalova. – 2017. – S. 137–146.

10. Lebedeva O.B., Yanushkevich A.S. V.A. Zhukovskiy i A.V. Nikitenko o Sikstinskoj Madonne Rafaelya: tipologiya ekfrasisa kak reprezentant esteticheskogo soznaniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – 2017. – №46. – S.124–151.
11. List F. Izbrannyye stat'i. – M.: MUZGIZ, 1959. – 466 s.
12. Odoyevskiy V.F. Sobr. soch.: V 2-kh t. – M.: KHudozhestvennaya literatura, 1981.
13. Potashova K.A. «Angel Rafaelya» v zhizni i tvorchestve Lermontova (k voprosu o vozmozhnom istochnike risunka "Mladenets, tyanushchiysya k materi") // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya. – 2014. – № 5. – S. 54–62.
14. Potashova K.A. Fenomen Rafaelya v tvorchestve A. S. Pushkina i M.YU. Lermontova: k probleme rodnogo i vselenskogo // Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya. – 2014. – № 4. Rezhim dostupa: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22285811>
15. Potashova K. A. Vliyaniye zhivopisi na esteticheskiy ideal russkoy literatury pervoy treti XIX veka (A. S. Pushkin i M. YU. Lermontov) dis. ... kandidata filologicheskikh nauk / Mosk. gos. obl. un-t. Moskva, 2016.
16. Pushkin A.S. Motsart i Sal'yeri // Pushkin A. S. Polnoye sobraniye sochineniy: V 16 t. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1959. – T. 7. Dramaticheskiye proizvedeniya. – 1948. – S. 121–134.
17. Savinkov S.V. Mezhdum vidimym i videniyem: k pushkinskoy ideologii garmonii // Novyy filologicheskyy vestnik. – 2019. – №4(51). – S.136–145.
18. Shevryev S.P. Primechatel'naya muzykal'naya zhizn' khudozhnika Iosifa Berlingera. // Moskovskiy telegraf. – 1826. – №6. – S.127–129.
19. Ekkerman I.P. Razgovory s Gete v posledniye gody ego zhizni. – M.: KHudozhestvennaya literatura, 1986. – 688 s.

References

1. Alekseev M.P. Comments on Mozart and Salieri // Pushkin A.S. Full gathering cit.: In 9 volumes. M., 1935. Vol. VII. P.540. (In Russian).
2. Wackenroder W.H. Fantasies about art. – M.: Art, 1977. – 265 p. (In Russian).
3. W.H. Wackenroder and Russian literature of the first third of the 19th century / ed. I. V. Kartashova. – Tver: TSU, 1995. – 95 p. (In Russian).
4. Ilyin I.A. "Mozart and Salieri" by Pushkin. Genius and villainy. // Ilyin I.A. cit.: In 10 volumes. T.VI. Book 2. – M.: Russian book, 1996. – pp.91–107. (In Russian).
5. Kiseleva I.A. "The Prophet" (1826) by A.S. Pushkin and "The Prophet" (1841) M.Yu. Lermontov: comparative semantics of the motivic complex // Problems of historical poetics. - 2020. - T. 18.No. 1. – pp. 111–129. (In Russian).
6. Kiseleva I.A. Study of M.Yu. Lermontov as a religious–philosophical system: problems of methodology // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology. – 2010. – No. 4. – pp. 95–100. (In Russian).
7. Kiseleva I.A. Ethics M.Yu. Lermontov and her religious foundations // Bulletin of the Pomor University. Series: Humanities and Social Sciences. – 2010. – No. 3. – pp. 66–72. (In Russian).
8. Kiseleva I.A., Potashova K.A. Clothes at N.M. Karamzin as a sign of historical time and national character // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology. – 2017. – No. 5. – pp. 113–121. (In Russian).
9. Kiseleva I.A., Potashova K.A. The hat part as the costume and means of character's characteristics in "Letters of a Russian traveler" by N. M. Karamzin // Russian language in Slavic intercultural communication. Collection of scientific papers on the results of the international scientific conference dedicated to the memory of Ph. D., Professor Voylova K.A. Responsible editor O. V. Shatalov. – 2017. – pp. 137–146. (In Russian).
10. Lebedeva O.B., Yanushkevich A.S. V.A. Zhukovsky and A.V. Nikitenko about Raphael's Sistine Madonna: typology of ecphrasis as a representative of aesthetic consciousness // Bulletin of the Tomsk State University. Philology. – 2017. – No. 46. – pp. 124–151. (In Russian).
11. List F. Selected Articles. – M.: MUZGIZ, 1959. – 466 p. (In Russian).
12. Odoyevskiy V.F. Coll. cit.: In 2 volumes – M.: Fiction, 1981. (In Russian).

13. Potashova K.A. "Raphael's Angel" in the life and work of Lermontov (on the question of the possible source of the drawing "A baby reaching out to the mother") // Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology. – 2014. – No. 5. – pp. 54–62. (In Russian).
14. Potashova K.A. The Raphael phenomenon in the works of A.S. Pushkin and M.Yu. Lermontov: to the problem of the native and the universal // Modern problems of science and education. – 2014. – No. 4. Access mode: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22285811> (In Russian).
15. Potashova KA Influence of painting on the aesthetic ideal of Russian literature in the first third of the 19th century (AS Pushkin and M. Yu. Lermontov) dis. ... candidate of philological sciences / Mosk. state region un-t. Moscow, 2016. (In Russian).
16. Pushkin A.S. Mozart and Salieri // Pushkin A.S. Complete works: In 16 volumes – M.; L.: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1937–1959. – Т. 7. Dramatic works. – 1948. – pp. 121–134. (In Russian).
17. Savinkov S.V. Between the visible and the vision: towards Pushkin's ideology of harmony // New philological bulletin. – 2019. – No. 4 (51). – pp. 136–145. (In Russian).
18. Shevyrev S.P. The remarkable musical life of the artist Joseph Berlinger. // Moscow Telegraph. – 1826. – No. 6. – pp. 127–129. (In Russian).
19. Eckerman I.P. Conversations with Goethe in the last years of his life. – M.: Fiction, 1986. – 688 p. (In Russian).

УДК 821.161.1

Богданова Ольга Алимовна
 доктор филологических наук, старший
 научный сотрудник
 Институт мировой литературы имени
 Алексея Максимовича Горького
 Российской академии наук,
 Россия, г. Москва
 e-mail: olgabogda@yandex.ru

Bogdanova Olga Alimovna
 Senior Researcher, Dr.Sc. (Philology)
 A.M. Gorky Institute of World Literature of
 the Russian Academy of Sciences
 Russia, Moscow
 e-mail: olgabogda@yandex.ru

О.А. Богданова

**УСАДЬБА И ДАЧА В ДРАМАТУРГИИ А.М. ГОРЬКОГО 1900-х гг.
 («ДАЧНИКИ», «ДЕТИ СОЛНЦА», «ВРАГИ»)¹**

Аннотация: В статье исследуется диалектика усадебного и дачного топосов в русской литературе рубежа XIX–XX вв. на примере творчества А.М. Горького в контексте произведений А.П. Чехова, И.А. Бунина, А.Н. Толстого. Показано различие семиотики окна: в парадигме усадебного топоса это знак однородности законного и внутриоконного пространства, в парадигме дачного топоса возникает спектр значений «пороговости», которые сводятся к прагматике освоения внешнего мира и к переживанию опасности, из него исходящей, а также к манифестации заурядности человеческого существования. Дача осаждена враждебным миром; усадебный дом открыт близлежащему пространству. Хронотопы «слепого», закрытого и прозрачного, распахнутого окна указывают на отмеченное различие обоих топосов.

Ключевые слова: А.М. Горький, драматургия 1900-х гг., окно, хронотоп, топос, усадьба, дача

О.А. Bogdanova

**ESTATE AND DACHA IN THE DRAMATURGY OF A. M. GORKY IN 1900s
 («DACHA DWELLERS», «CHILDREN OF THE SUN», «ENEMIES»)**

Abstract: The article examines the dialectic of estate and dacha topos in Russian literature at the turn of the XIX-XX centuries on the example of the works of A.M. Gorky in the context of the works of A.P. Chekhov, I.A. Bunin, and A.N. Tolstoy. It is shown the difference between the semiotics of the open window in the context of the estate and dacha topos: in the first case, it is a sign of homogeneity of the window and the inner window ideal space, in the second – there is a range of values of "threshold", which are reduced to the pragmatics of the development of the external world and to the experience of danger, coming from it, and also to the manifestation of the mediocrity of human existence. Dacha is besieged by the hostile world; estate house is opened to the nearby space. Chronotopes of "blind", closed and transparent, open windows just point to the marked difference between both toposes.

Keywords: A.M. Gorky, drama of 1900s, window, chronotope, topos, estate, dacha

В современной науке о литературе топосы – это *«регулярно повторяющиеся в творчестве писателя и в системе культуры формулы, мифы, мотивы и другие*

¹ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00129).

разновидности художественного образа, имеющие особые пространственные характеристики <...> и несущие устойчивые смысловые значения <...> [3, с. 14, 55]. Если обратиться к русской культуре, то увидим двойственную роль топоса: с одной стороны, это важнейший элемент «национальной аксиоматики» [12, с. 248], носитель «семиотической памяти культуры» [3, с. 14], обеспечивающий ее единство на протяжении столетий, с другой – манифестация пространства, которое «само становится центральной аналитической категорией, принципом конструирования социального поведения, сферой материальности и близости опыту, стратегией репрезентации <...>» [1, с. 361]. Пространственный аспект топоса позволяет осуществить целостный анализ того, что в других случаях рассматривается по отдельности – «несоразмерное сосуществование повседневной жизни, взаимовлияние структур и индивидуальных решений <...>» [1, с. 369].

Для последующего анализа необходимо также разграничить категории топоса и локуса. Думается, что в исследованиях об усадебной культуре целесообразно принять такое значение локуса, где он является не просто составной частью топоса как более крупной пространственной единицы (например, «топос русской усадьбы» и «локус Дарового»²), но сугубым выразителем именно пространственного признака на фоне топоса как одной из общекультурных универсалий.

Важной проблемой является и соотношение категорий топоса и хронотопа. Еще М.М. Бахтин указал на иерархию хронотопов по параметру их масштабности [2]. Интересующий нас хронотоп окна, в том числе распахнутого, входит в большие хронотопы города, помещицкой усадьбы, дачи, деревни, поезда, парохода и др. – и сам факт его принадлежности к тому или иному «материнскому» хронотопу во многом определяет характеристику «дочернего».

В свою очередь, некоторые большие хронотопы, например усадьбы и дачи, охватывающие длительные временные периоды, по сути дела, синонимичны топосам. Понимание топики как кровеносной системы культуры предполагает следующее соотношение топоса и хронотопа: если хронотоп – это в первую очередь категория, релевантная отдельному художественному произведению, то посредством топосов оно вовлекается в общее многовековое культурное поле народа или человечества. Можно говорить о конкретных реализациях, или манифестациях, «усадебного топоса» в тех или иных хронотопах. Другими словами, хронотопы могут выступать как формы репрезентации топосов.

Окно – важный пространственный образ-символ в литературе большинства народов. Анализируя его роль в поэтическом мире Б.Л. Пастернака, А.К. Жолковский отметил его функциональную двойственность: это или «контакт между домом (человеком, обстановкой комнаты <...>) и внешним миром <...>», или «тема высшей фазы в таких ее разновидностях, как дрожь ставней, стекол и занавесок, пот и слезы на стеклах» [10, с. 50]. Двойственность окна – но по другим параметрам – отмечена и В.Г. Шукиным: к этому локусу может быть привязана «пара оптически мотивированных жанров – экстраспекция (<...> выглядывание наружу) и интроспекция (<...> заглядывание вовнутрь» [15, с. 84].

Обратившись к топосам дворянско-помещицкой усадьбы и дачи как наделенным особой семиотикой пространственным средам, увидим, что в русской литературе XIX – начала XX в. они в целом противостояли друг другу. Это родственные в ряде черт, но все же разные топосы. Укажем на их основное различие: если идеал поместно-

² Даровое – в 1830-1920-х гг. усадьба Достоевских-Ивановых к югу от Москвы (ныне в Зарайском районе Московской области).

усадебной жизни – дом как большая патриархальная семья, объединяющая кровных родственников и домочадцев (дворовых, слуг, приживальщиков) и даже включающая в свою орбиту окрестных крестьян, преемственность поколений, укорененность в историческом прошлом и нацеленность на возделывание наследственной земли, то дачник XIX – начала XX в., как правило, временный обитатель съемного загородного жилья, поселяющийся в нем или индивидуально, или нуклеарной семьей на весенне-летний период с целью отдыха и развлечений, а затем уезжающий в город. Кроме того, в отличие от усадебного принципа замкнутости, автономности пространства, дачный участок разомкнут к окружающей территории – отдельные дачи являются элементами более широкого топоса дачного места или поселка, включающего в себя, помимо личных участков, общественную территорию. Важно также, что вместо социокультурного межсословного единства (дворян, крестьян, духовенства) усадебной культуры в дачной действительности образовалась «взаимная подозрительность и непонимание между дачником и мужиком» [11, с. 135], т.е. наблюдалось обострение социальных конфликтов.

Итак, усадьба – это не только дом, но и двор, сад, парк, постройки, другими словами – ансамбль. Дом и сад, все огороженное пространство в усадьбе – одно целое, и распахнутое окно – один из индикаторов их единства. И даже из закрытого окна сквозь прозрачное стекло видны деревня, поля, луга, лес; все они входят в состав поместья, имения, и для усадьбы являются пространством не внешним, но освоенным, близким, родным. Вспомним о главном свойстве усадьбы как «вертограда заключенного» – ее замкнутости, самодостаточности, отделенности принадлежащего ей пространства от несовершенного мира [9, с. 150–161]. Именно об этом рассказ И.А. Бунина «Пост» (1916):

Деревенская усадьба, начало марта <...>. Дни темные, однообразные. <...> Я живу затворником, за работой с утра до вечера. <...> Но вот темнеет, синееет за окнами. Усталый, умиротворенный, я кладу перо <...> и выхожу на крыльцо. Сумерки, тишина, сладкий мартовский воздух... Я иду по деревне <...> – всему открыто мое сердце, мои глаза. <...> Все есть у меня, все в мире – мое.

[4, с. 128-129].

В дневнике 1917 г. в записи от 27 июля читаем:

Деревенскому дому, в котором я опять провожу лето, полтора века.<...> Еще утро, легкий ветерок проходит иногда по комнате, – открыты все окна. <...> В то окно, что влево от меня, косо падает на подоконник радостный и яркий солнечный свет и глядит зеленая густота сада, блестящая под солнцем своей несметной листвой <...>. В другие окна я вижу прежде всего ветви и сучья старых деревьев – серебристого тополя, сосен и пихт, – и бледно-голубое небо среди них, а ниже, между стволами, деревенскую даль <...>.

[5, с. 190-191].

Таким образом, прозрачное, а тем более распахнутое окно в усадьбе указывает на взаимоприятие и взаимопроникновение заоконного и внутриоконного миров, их определенную однородность и открытость друг другу, даже единство, в той или иной степени гармоничное. Так и в повести А.Н. Толстого «Детство Никиты» (1919-1920), действие которой происходит в одной из самарских усадеб в 1900-е гг., мир помещичьего дома и близлежащей деревни, окружающей природы – одно целое: Никита играет с деревенскими мальчиками на реке, в поле, в самой деревне, крестьянские дети приходят в усадьбу на Рождественскую елку, где получают подарки и т.п. Закрытое усадебное окно пропускает сквозь себя свет и облик пространства,

распахнутое – еще и ветер, звуки и запахи. В последнем случае чувственное восприятие заоконного мира полнее и объемнее:

Никиту разбудили воробьи. <...> Окно было раскрыто, в комнате пахло травой и свежестью, свет солнца затенен мокрой листвой. Налетел ветерок, и на подоконник упали капли росы.

[13, с. 220].

Совсем другая семантика у окна на даче. За ним, как правило, не поэтический сад или собственные угодья: леса, поля, луга, – не деревня, населенная дружественными крестьянами, – а прозаический огород с грядками, на дальнем плане – забор и соседские дома с их отдельной, собственной жизнью, часто несущей неудобства окружающим, сверху – чужой балкон, с которого доносятся мешающие спать громкие звуки. Такую картину находим в юмористических рассказах Н.А. Лейкина «Дачные страдальцы» (1897).

Особенно выразительны окна в драматургии А.М. Горького 1900-х гг.: как правило, они или практически отсутствуют, или являются «слепыми», без вида. Так, например, в пьесе «Дачники» (1904) окна на даче Басовых или всегда закрыты, или выходят не на улицу, а на террасу, – поэтому ни свежий воздух, ни вид зелени, неба и солнца не проникают внутрь дома. Из звуков снаружи в комнатах слышны только «трещотка ночного сторожа и тихий свист» [6, с. 193], а когда действие переносится на площадку возле дачи, изнутри дома доносится все возрастающий «глухой шум спора» [6, с. 222]. Так уже в первом действии пьесы создается образ больного, несчастного пространства, пронизанного страхом перед жизнью, взаимной враждебностью и разрозненностью дачного общества. Здесь девальвированы все традиционные ценности: семья и любовь к детям (жалобы Ольги Алексеевны), творческий труд на благо общества (откровения Шалимова и др.), высокое чувство к женщине (пошлость Двоеточия и др.). Не случайно, что единственный в пьесе взгляд одного из героев в окно ничуть не расширяет поля его зрения, но отскакивает рикошетом, как от глухой стены: Суслов отпускает все те же пошлые, пустые, недоброжелательно-насмешливые реплики по отношению к собеседнику и знакомым.

Между внешним миром и внутренностью дома в «Дачниках» располагается буферное пространство крытой террасы (специфической архитектурной детали рубежа XIX-XX вв.), благодаря чему граница между ними стирается и они составляют одно коммунальное коловращение враждебных друг другу элементов. И эта отрицательная однородность принципиально отлична от усадебной, где распахнутое окно означало взаимопроникновение и взаимообогащение благотворных и живительных сил природы и культуры. Здесь же, напротив, отсутствие окна маркирует «духоту» общего пространства как вне, так и внутри дачи Басовых: «*Душно как!*» [6, с. 272], – проходит рефреном по всей пьесе.

Аналогично устроен хронотоп дачного окна и в другой пьесе Горького, «Дети солнца» (1905): здесь дом также соединен с внешним пространством через крытую террасу и роль окна сведена к минимуму. Причем в комнатах и на террасе – едкий неприятный запах курева и химикатов из-за опытов арендатора дачи ученого-химика Павла Протасова. Когда один из его гостей – ветеринар Чепурной – подходит к окну, то смотрит не в него, а на папиросу, которую закуривает [7, с. 360]. Как и в «Дачниках», посетители протасовской «квартиры» заражены взаимным недоброжелательством, недоброй насмешливостью по отношению друг к другу, завистью и страхом перед жизнью. Причины последнего четко сформулированы сестрой ученого Лизой. Обращаясь к своим интеллигентным родным и знакомым, она говорит:

Вас мало, вы незаметны на земле... <...> На земле заметны миллионы, а не сотни... и среди миллионов растет ненависть. <...> Однажды их злоба обрушится на вас...

[7, с. 337].

Однако и сами обитатели дачи представляют определенную опасность для окружающей жизни: так, горничная регулярно выливает из окна на садовую растительность ядовитые химикаты – отходы научных исследований Протасова; альтруистка Лиза, сама не замечая того, доводит до самоубийства любящего ее человека из народа – Чепурного, тело которого обнаруживают недалеко от дачи, на раките у реки, в петле.

Поэтому дом и сад, дом и улица в пьесе – это два противостоящих друг другу локуса, граница между которыми – на замке. Такова семиотика отсутствующих или закрытых дачных окон у Горького. Одна из сцен «Детей солнца» – угрожающее вторжение на террасу протасовской дачи пьяных мастеровых Егора и Трошина. Под впечатлением этого события Лиза обращается к Протасову, Вагину и Елене как носителям идеи творческой избранности:

Вы оставили людей далеко сзади себя... вы одинокие, несчастные, маленькие... Неужели вам не понятен ужас этой жизни?.. Ведь вы окружены врагами... повсюду звери!.. [7, с. 343].

Когда же дикая толпа врывается в сад и дом в поисках доктора, якобы устроившего эпидемию холеры, происходит потасовка: Протасова избивают, его жена Елена стреляет в погромщиков. Наконец все вроде бы утихает, однако «звери» Егор и Трошин усаживаются пить водку не где-нибудь, а в ограде протасовского сада и смотрят на дачников «с угрюмой ненавистью» [7, с. 389-390].

В следующей пьесе Горького – «Враги» (1906), действие которой в основном происходит в дачно-усадебном саду, противостояние обостряется еще больше, что видно уже из названия произведения. Симптоматично, что и здесь пространство дома связывается с садом и улицей через крытую террасу. Вот авторская ремарка к третьему действию:

Большая комната в доме Бардиных. В задней стене четыре окна и дверь, выходящие на террасу; за стеклами видны солдаты, жандармы, группа рабочих <...>.

[8, с. 535].

Едва ли не впервые в «дачной» драматургии писателя 1900-х гг. возникает вид из окон, но что это за вид! В отличие от предыдущих пьес Горького, «образованному сословию» во «Врагах» противостоит не дикая протонародная толпа, а сознательно протестующие рабочие с фабрики Бардина и Скроботова, которые в целом изображаются в положительных тонах. Однако сама ситуация отделенности барского дома от внешнего мира не только не устраняется, но усугубляется.

Показательно в этом ключе сравнение рабочих с крестьянами. В прежней усадебной жизни, вспоминает помещик-промышленник Захар Бардин, устроивший под влиянием социально-экономических перемен в стране фабрику на своей земле, «[у] крестьянина [было] врожденное веками чувство уважения к дворянину...» [8, с. 495]. Усадьба оставалась местом определенной социальной гармонии: «Крестьяне мягче, добродушнее рабочих... с ними я живу прекрасно!.. [8, с. 494], они «[б]ерут землю, платят аренду» [8, с. 505]. Но «эти», т. е. рабочие, ломают архетипы усадебного межсословного согласия, трансформируя, таким образом, дворянско-крестьянский «усадебный топос» – в интеллигентский дачный.

Итак, русская дача рубежа XIX-XX вв. не просто осаждена враждебным миром, но живет под постоянной угрозой нападения и разрушения, тогда как усадебный дом

окружающему пространству в идеале открыт и дружелюбен. Хронотопы «слепого», закрытого и распахнутого окна как раз и указывают на отмеченное различие обоих топосов.

В других случаях совсем не дружелюбным местом становится для дачников-интеллигентов близлежащая деревня. Например, в рассказе А.П. Чехова «Новая дача» (1899) обрисован глубинный конфликт семьи приезжего инженера с местными крестьянами, которые, невзирая на щедрую благотворительность дачников по отношению к ним, регулярно устраивали потравы в саду, огороде, на пасеке Кучеровых, обирали все грибы во дворе их дома. В итоге инженер, *«в каждом пустяке уже видел кражу или покушение. Ворота у него были на запоре даже днем, а ночью в саду ходили два сторожа и стучали в доску <...>»* [14, с. 125]. И хотя милой Елене Ивановне нравилось в Обручанове все: и река, и лес, и деревня, – она была вынуждена жить на своей даче как в осажденной крепости и в конце концов продать ее и уехать. Не случайно в рассказе нет ни одного упоминания о раскрытом в их доме окне.

Однако в 1900-1910-е гг. уже и в усадебный «вертоград заключенный» все чаще вторгается враждебная внешняя жизнь, что сказывается на семиотике окна. Мы видели это в пьесе Горького «Враги», где источником конфликта стали новые социально-экономические отношения, обусловленные переходом помещика в статус фабриканта-промышленника. В повести же А.Н. Толстого «Детство Никиты» враждебной стороной к обитателям дома оборачивается заоконная природа, предвещающая серьезные социальные беды. Продолжительная засуха грозит неурожаем и голодом, болезнями. Ее томительное ощущение передается с помощью образа окна, отделяющего внутренность усадебного дома от внешней среды: *«Томление и зной усиливались. Замолкли птицы, мухи осоловели на окнах»* [13, с. 235, 237].

Симптоматично, что окна в усадебном доме закрыты, актуализируя семиотику границы. Однако вскоре налетает спасительная буря, вновь объединяющая части усадьбы в одно целое:

Где-то бухнуло окно, зазвенели разбитые стекла. Весь сад теперь шумел, скрипели стволы, качались невидимые вершины. <...> Хлынул дождь – сильный, обильный, потоком. <...> Запах влаги, прели, дождя и травы наполнил зал.

[13, с. 237].

Несмотря на восстановление дружелюбного единства внутреннего и заоконного мира усадьбы, подобные эпизоды свидетельствуют о видоизменении традиционного усадебного топоса в литературе начала XX в. Творчество Горького в этом смысле отчетливо передает тенденцию эпохи.

Итак, в русской литературе начала XX в. наблюдается, с одной стороны, поляризация усадебного и дачного топосов по признаку включенности в окружающее природное пространство и социум или отрезанности от него. Интеллигентская дача не просто осаждена враждебным миром, но живет под постоянной угрозой нападения и разрушения, тогда как дворянский усадебный дом в идеале открыт близлежащему пространству. Хронотопы «слепого», закрытого и прозрачного, распахнутого окна как раз и указывают на отмеченное различие обоих топосов. Симптоматично, что изображение дачи в драматургии Горького 1900-х гг. практически лишено такой детали, как распахнутое окно, что с очевидностью указывает на ее отделенность от окружающего пространства. Между внешним миром и внутренностью дома располагается буферное пространство крытой террасы, специфической архитектурной детали рубежа XIX–XX вв., благодаря чему они составляют одно коммунальное колдовращение враждебных друг другу элементов. Эта отрицательная однородность принципиально отлична от усадебной, где распахнутое окно означало

взаимопроникновение и взаимообогащение благотворных и живительных сил природы и культуры. В пьесе «Враги», путем сравнения крестьян с рабочими в их отношении к хозяевам усадьбы, явственно показана динамика усадебно-дачного топоса, маркируемая вариативностью хронотопа окна.

Библиографический список

1. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 502 с.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234–407.
3. Булгакова А.А. Топика в литературном процессе: Пособие. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2008. – 107 с.
4. Бунин И.А. Пост: Рассказ // Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 4. – М.: Воскресение, 2006. – С. 128–129.
5. Бунин И.А. Дневник 1917-1918 гг. // Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 9. – М.: Воскресение, 2006. – С. 187–232.
6. Горький А.М. Дачники. Сцены // Полн. собр. соч. Художественные произведения: В 25 т. Т. 7. – М.: Наука, 1970. – С. 183–294.
7. Горький А.М. Дети солнца // Полн. собр. соч. Художественные произведения: В 25 т. Т. 7. – М.: Наука, 1970. – С. 295–390.
8. Горький А.М. Враги. Сцены // Полн. собр. соч. Художественные произведения: В 25 т. Т. 7. – М.: Наука, 1970. – С. 485–562.
9. Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай. 2-е изд. – М.: ОГИ, 2008. – 528 с.
10. Жолковский А.К. Место окна в мире Пастернака // Поэтика Пастернака. Инварианты, структуры, интертексты. – М.: НЛЮ, 2011. – С. 27–64.
11. Ловелл Ст. Дачники. История летнего житья в России. 1710–2000 / Пер. с англ. Л.Г. Семеновой. – СПб.: Академический проект: Изд-во ДНК, 2008. – 347 с.
12. Панченко А.М. Топика и культурная дистанция // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. – М.: Наука, 1986. – С. 220–260.
13. Толстой А.Н. Детство Никиты: Повесть // Собр. соч.: В 10 т. Т. 3. – М.: ГИХЛ, 1958. – С. 151–251.
14. Чехов А.П. Новая дача: Рассказ // Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 10. – М.: Наука, 1986. – С. 114–127.
15. Щукин В.Г. Окно как «жанровый» локус и поэтический образ // Поэтика русской литературы: Сб. статей. К 80-летию профессора Ю.В. Манна. – М.: РГГУ, 2009. – С. 80–101.

References in Roman script

1. Bahmann-Medik D. Kulturnyye povoroty. Novyye oriyyentiry v naukach o kulture. – M.: Novoye literaturnoye obozreniye. 2017. – 502 s.
2. Bahtin M.M. Formy` vremeni i xronotopa v romane. Oчерki po istoricheskoy poe`tike // Voprosy` literatury` i e`stetiki: Issledovaniya razny`x let. – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1975. – S. 234-407.
3. Bulgakova A.A. Topika v literaturnom processe: Posobie. – Grodno: GrGU im. Ya. Kupaly`, 2008. – 107 s.
4. Bunin I.A. Post: Rasskaz // Poln. sobr. soch.: V 13 t. T. 4. – M.: Voskresenie, 2006. – S. 128-129.
5. Bunin I.A. Dnevnik 1917-1918 gg. // Poln. sobr. soch.: V 13 t. T. 9. – M.: Voskresenie, 2006. – S. 187-232.
6. Gor`kij A.M. Dachniki. Sceny` // Poln. sobr. soch. Xudozhestvenny`e proizvedeniya: V 25 t. T. 7. – M.: Nauka, 1970. – S. 183-294.
7. Gor`kij A.M. Deti solncza // Poln. sobr. soch. Xudozhestvenny`e proizvedeniya: V 25 t. T. 7. – M.: Nauka, 1970. – S. 295-390.

8. Gor'kij A.M. Vragi. Sceny` // Poln. sobr. soch. Xudozhestvenny`e proizvedeniya: V 25 t. T. 7. – M.: Nauka, 1970. – S. 485-562.
9. Dmitrieva E.E., Kupczova O.N. Zhizn` usadebnogo mifa: Utrachenny`j i obretenny`j raj. 2-e izd. – M.: OGI, 2008. – 528 s.
10. Zholkovskij A.K. Mesto okna v mire Pasternaka // Poe`tika Pasternaka. Invarianty`, struktury`, interteksty`. – M.: NLO, 2011. – S. 27-64.
11. Lovell St. Dachniki. Istoriya letnego zhitia v Rossii. 1710–2000 / Per. s angl. L.G. Semenovoy. – SPb.: Akademicheskij proyekt: Izd-vo DNK. 2008. – 347 s.
12. Panchenko A.M. Topika i kul`turnaya distanciya // Istoricheskaya poe`tika. Itogi i perspektivy` izucheniya. – M.: Nauka, 1986. – S. 220-260.
13. Tolstoj A.N. Detstvo Nikity`: Povest` // Sobr. soch.: V 10 t. T. 3. – M.: GIXL, 1958. – S. 151-251.
14. Chehov A.P. Novaya dacha: Rasskaz // Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. T. 10. – M.: Nauka, 1986. – S. 114-127.
15. Shhukin V.G. Okno kak «zhanrov`j» lokus i poe`ticheskij obraz // Poe`tika russkoj literatury`: Sb. statej. K 80-letiyu professora Yu.V. Manna. – M.: RGGU, 2009. – S. 80-101.

References

1. Bahmann-Medik D. Cultural turns. New guidelines in the Sciences of culture. – Moscow, New literary review Publ., 2017, 502 p. (In Russian).
2. Bahtin M.M. Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics. Questions of literature and aesthetics: Research of different years. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1975, pp. 234–407. (In Russian).
3. Bulgakova A.A. Topic in the literary process: Manual. Grodno, Y.A. Kupala State University of Grodno Publ., 2008, 107 p. (In Russian).
4. Bunin I.A. Fasting: A story. Complete works. In 13 vols, vol. 4. Moscow, Voskresenie Publ., 2006, pp. 128–129. (In Russian).
5. Bunin I.A. Diary of 1917 – 1918. Complete works. In 13 vols, vol. 9. Moscow, Voskresenie Publ., 2006, pp. 187–232. (In Russian).
6. Gor'kij A.M. Dacha dwellers. Scenes. Complete works. Fiction. In 25 vols, vol. 7. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 183–294. (In Russian).
7. Gor'kij A.M. Children of the sun. Complete works. Fiction. In 25 vols, vol. 7. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 29–390. (In Russian).
8. Gor'kij A.M. Enemies. Scenes. Complete works. Fiction. In 25 vols, vol. 7. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 485–562. (In Russian).
9. Dmitrieva E.E., Kupcova O.N. The life of estate myth: lost and found paradise. Ed. 2, Moscow, OGI Publ., 2008, 528 p. (In Russian).
10. Zholkovskij A.K. Place of window in the world of Pasternak. Pasternak's poetics. Invariants, structures, intertexts. Moscow, NLO Publ., 2011, pp. 27–64. (In Russian).
11. Lovell St. Cottagers. History of summer life in Russia. 1710 – 2000. Trans. from English by L.G. Semyonova. St. Petersburg: Academic project Publ.: DNK Publ., 2008, 347 p.
12. Panchenko A.M. Topic and cultural distance. Historical poetics. Results and prospects of study. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 220–260. (In Russian).
13. Tolstoj A.N. Nikita's Childhood: A novel. Works. In 10 vols, vol. 3. Moscow, GIHL Publ., 1958, pp. 151–251. (In Russian).
14. Chekhov A.P. New dacha: A story. Complete works and letters. In 30 vols, vol. 10. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 114–127. (In Russian).
15. Shhukin V.G. Window as a "genre" locus and poetic image. Poetics of Russian literature: Collection of articles. To the 80th anniversary of professor Yu.V. Mann. Moscow, RGGU Publ., 2009, pp. 80–101. (In Russian).

ВЗГЛЯД В ИСТОРИЮ

УДК 254

Косик Виктор Иванович
 доктор исторических наук, ведущий
 научный сотрудник
 Институт славяноведения Российской
 академии наук
 Россия, г. Москва
 e-mail: kosikvictor@mail.ru

Kosik Viktor Ivanovich
 Leading Researcher, Dr.Sc. (History)
 Institute for Slavic Studies of the Russian
 Academy of Sciences
 Russia, Moskow
 e-mail: kosikvictor@mail.ru

В.В. Косик

К ПОРТРЕТУ ЭКЗАРХА СТЕФАНА I, МИТРОПОЛИТА СОФИЙСКОГО

Аннотация. Текст посвящен одной из самых ярких личностей в Болгарской Православной Церкви в 1940-х гг. – Экзарху Стефану I. В статью, основанную, в своем большинстве, на ранее неизвестных документах из Государственного архива России, включен ряд взаимосвязанных сюжетов, например, о русофильстве митрополита Софийского Стефана, о церковной жизни в Болгарии, прежде всего об экуменизме, угрозе протестантизма, обстановке в Синоде и отношении его членов к своему председателю вплоть до противостояния. Обрисованы сюжеты о его помощи русским беженцам, о гонениях на Церковь в Советской России и осуждении ее властей, уничтожающих миллионы русских, о разности понятий русофобии и советофобии во времена большевизма. Равным образом подчеркнута вера в Россию, в русский народ. Достаточно емко дана картина, связанная с получением митрополита Стефана титула Патриарха.

Ключевые слова: Экзарх Стефан, Болгария, СССР, экуменизм, священник Шпиллер, русофильство, протестантизм, патриаршество, Синод, отставка Стефана

V.V. Kosik

TO THE PORTRAIT OF EXARCH STEPHEN I, METROPOLITAN OF SOFIA

Abstract. The text is dedicated to one of the most prominent personalities in the Bulgarian Orthodox Church in the 1940s – Exarch Stefan I. The article, based mostly on previously unknown documents from the State archive of Russia, includes a number of interrelated subjects, such as the Russophilism of Metropolitan Stephen of Sofia, Church life in Bulgaria, especially ecumenism, the threat of Protestantism, the situation in the Synod and the attitude of its members to their Chairman up to the point of confrontation. Exarch Stephan's help of Russian refugees, the persecution of the Church in Soviet Russia and the condemnation of its authorities, which are destroying millions of Russians, and the difference between the concepts of Russophobia and Sovietophobia during Bolshevism are described. Faith in Russia and the Russian people is also emphasized. The picture related to Metropolitan Stefan's receiving the title of Patriarch is given quite succinctly.

Keywords: Exarch Stefan, Bulgaria, USSR, ecumenism, priest Spiller, Russophilism, Protestantism, Patriarchy, Synod, Stephan's resignation

Пожалуй, ни один из высших церковных иерархов на Балканах не вызывал столько внимания и в самой Народной республике Болгария и в СССР как Экзарх Стефан (Стоян Попгеоргиев Шоков) (1878–1957), предстоятель Болгарской православной церкви в 1945–1948 гг. (Рис.1). Само это время сопряжено, прежде всего, со строительством в сложной сфере церковно-государственных отношений между Софией и Москвой. Здесь определяющую роль, подчеркну, имели государственные интересы Советского Союза, проводимые через Совет по делам Русской Православной

Церкви при Совете министров СССР, возглавляемый в указанное время Г. Г. Карповым, видным деятелем из охранительного ведомства. Проводимая Москвой борьба с экуменизмом, требовала ликвидации возможных связей с этим движением, воспринимавшимся как враждебное и несовместимое с православием, и уводящее Церковь из-под контроля властей. И здесь фигура болгарского иерарха Стефана была в центре внимания ведомства Карпова, куда поступала богатая информация о событиях в Болгарской православной церкви, в том числе и справочного характера на митрополита Софийского Стефана.

Рис. 1. Фотография Митрополита Стефана, 1922 г. ДА-Смолян, ф. 473К, оп. 1, а.е. 89, л. 4.

Но вначале немного из его богатой и яркой биографии, каждая строчка которой может служить основой для политического романа. Закончил Духовную семинарию в Царьграде. Секретарь Болгарской епархии. Экзарх Иосиф стал его духовным наставником. Уже в сане архимандрита слушал лекции в Женевском университете. В 1922 г. был специальным делегатом, уже в сане епископа, на Лозанской мирной конференции. Оттуда посещал Париж и Лондон, где встречался с авторитетными государственными и церковными деятелями и беседовал о судьбах своей страны. Лично знал и встречался с различными общественными и политическими деятелями

Болгарии, например, из ВМРО (болг. Вътрешна македонска революционна организация). Поддерживал переписку с влиятельными европейскими лицами. Участвовал в работе ряда международных конференций, связанных с экуменизмом. В конце второй мировой войны избран Экзархом Болгарской Православной Церкви¹.

И здесь нельзя не обойтись без привлечения аналитически-информационных писем Всеволода Шпиллера (1902–1984), одного из умнейших представителей духовенства, участника Гражданской войны, бежавшего в 1920 г. из красной России, получившего богословское образование в Софии, рукоположенного в 1934 г. архиепископом Серафимом (Соболевым) во иерея и устроенного владыкой временно в Болгарскую Православную Церковь священником.

Протоиерей Всеволод, долгие годы поддерживавший переписку с иерархами Московского Патриархата (попадавшей вначале в ведомство Карпова), подчеркивал 31 мая 1946 г. в письме митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Григорию (Чукову), что после поражения в первой мировой войне болгарские власти стремились «войти» в Европу, для чего нужны были разнообразные связи, в том числе и в сфере развернувшегося мирового экуменического движения. Именно участие в нем Стефана позволяло надеяться извлечь определенную пользу для Болгарии. Для этой же цели, возведенному в ... в сан митрополита Стефану «понадобились “западники” воспитанники западно-европейских учебных заведений, тогда еще архимандриты иеромонахи, иеродиаконы, сотрудничая с которыми он мог бы включиться в разные начинавшиеся на западе междуцерковные движения организации и пр. и таким образом расширить связи с Европой всей болгарской церкви... Так он оказался во главе этой группы вскоре занявшей митрополичьи кафедры, вскоре пошедшей своим путем в деле «приспособления» церкви к новым требованиям жизни и теперь составляющей группу самых отъявленных врагов Экзарха и, прежде всего, “по русскому вопросу”». В то же время, как дальше в категорическом стиле писал Шпиллер, «западничество Экзарха его никогда не отрывало от ориентации на Россию». При этом, пояснял автор письма, «деятельность этой группы началась с приспособления церкви к “социальной деятельности”, к организации “внутренней миссии”, благотворительности, культурно-просветительной работы и т.д. Приспособляя же Церковь к этому несколько новому для нее пути, решили они, пользуясь казавшимися им великолепными и так хорошо известными образцами немецких протестантских общин...»².

Вопрос об отношении Экзарха Стефана к экуменизму весьма сложен. В одних документах его связывают сторонником этого всемирного движения, в других трактовка иная, обусловленная как политическими причинами, так и чисто этическими. Так, в 1947 г. тексте «К двадцатипятилетию служения в сане Софийского митрополита Его Блаженства Экзарха болгарской церкви блаженнейшего Стефана I», Шпиллер, резко критикуя экуменизм, в то же время саму деятельность митрополита Стефана рисовал следующими словами: «Его сотрудничество с экуменическим движением, в сущности, превращалось во вдохновенное свидетельство перед лицом западного христианства православной истины православного исповедания ее... Он не просто возражал против интерконфессионализма, как скажем, метода деятельности движения. Он беспощадно его осуждал, ставя перед религиозным сознанием всего христианского мира проблему экуменического единения не в том плоскостном измерении, не в том плане в каком в ней по сей час еще многие и многие готовы подходить, но, совсем, в другом плане, “в измерении глубины”. Нет, утверждал он, не нивелировка интерконфессиональной и религиозно-бессильной и бесплодной настроенности, но пребывание каждого участника экуменического движения в своем конфессиональном типе, вот где кроется решение проблемы экуменического единения... только

углубление конфессионального типа... расширение качественно-особенного оригинального духовного опыта каждой конфессии, и только этот путь может привести к объединению христиан. Поскольку и возможно лишь во Христе»³. Какие-либо комментарии здесь не нужны. Сказано отчетливо.

Немного об известном, т. н. о русофильстве митрополита.

Один из русских, поселившихся в Болгарии, писал в 1923 г.: «Безотказно помогает русским, насколько может, Болгарский Св. Синод, и, в особенности, очень многие эмигранты с чувством самой искренней признательности будут вспоминать о бывшем представителе верховного комиссара Лиги Наций по делам о русских беженцах — еп. Стефана. Не из средств Лиги Наций, а исключительно благодаря своей энергии, отзывчивости, чуткому сердцу, он поддержал, накормил, обул, одел многие и многие сотни русских беженцев, многим выхлопотал визы в желательные для них страны и отправил их туда, наконец, помог своим участием и советом. И сказать по секрету, мне известны случаи, когда для оказания помощи епископ Стефан... закладывал свои «дрехи» (одежду)»⁴.

Безусловно, здесь следует остановиться на его письмах из 1939 г. к некоему Николаю Антоновичу, с которым был лично знаком. Откровенность этих писем свидетельствует, что митрополит Стефан был истово верующим русофилом, о чем свидетельствуют следующие строки: «Я ежедневно молю Господа укрепить и возвысить мощь русского народа. Прямо скажу я не просто русофил. Я не меньший русский патриот от любого русского человека. Вы знаете, что я не принадлежу ни к правым, ни к левым, ни к белым, ни к красным. Белое и красное – это дела временные и переходящие в жизни и истории русского народа. В будущем русский государственный ум возьмет от красного как и от белого идеологии только истину... и отбросит любые крайности, все грешные увлечения и заблуждения на каких бы авторитетах они бы не обосновывались. Он конечно не допустит реставрации дореволюционного прошлого, о котором, может быть, и мечтают некоторые, но далеко не все белые, но, несомненно, он осудит и отбросит и много неудачного и разорительного для страны и мучительного для русских людей опытов красных, как например, попытаться уничтожить Церковь»⁵.

Развивая дальше русскую тему, он подчеркивал: «не могу не скорбеть по поводу продолжающегося пренебрежительно-враждебного отношения Советской власти к Русской православной церкви. Только неспособный или не желающий видеть слышать и понимать не признал бы, что эта Церковь была самой благодетельной силой в прошедшей русской истории и имеет все средства и возможности остаться самым благодетельным для русского народа учреждением и в будущем. Подрывать такую Церковь означает для русского государства подрывать саму себя... можно ли признать полезным для русского народа и даже для Советской власти еще продолжающийся 22 года после начала революции – террор над русской землей со всеми его жестокостями? ... Русской народ, продолжая слышать со всех сторон, с нетерпением ждет от своей власти, когда она, в конце-концов, отбросит крайности своих идеологов, оказавшихся непригодными для действительной жизни, вредными для народа, вернет последнему право свободно веровать, свободно трудиться, свободно распоряжаться плодами своих рук положит конец насилию и террору... Этого момента с нетерпением ждут и все истинные друзья русского народа», к которым он с полным правом причислял и себя»⁶.

Так, глядя в будущее, он пророчески заявлял, что такая государственный курс, его ошибочность «неприменно доведет до фатальных последствий», если не пойдет на изменение своей внешней и внутренней политики»⁷.

В то же время большевистская политика для русофила Стефана во времена Мюнхенского сговора, признавалась им, если не гибельной, то наносящий огромный

вред «великому русскому народу», престижу СССР в славянской среде. Здесь, у митрополита Стефана больше риторики уже потому, что русского народа для властей как бы не было, только советский, и сам Советский Союз в правящих кругах славянских стран воспринимался весьма неоднозначно, скорее подозрительно. Вспоминая бывшее величие России, митрополит Стефан с горечью писал: что в «униженно-беспомощном состоянии русского народа виновны его управители, занятые переустройством его судьбы. Их главная вина состоит в том, что они возлюбили не свой народ, а утопичную, пагубную для человечества, реально неосуществимую идею мировой революции и всемирного коммунизма. Ради этой идеи, они решили пожертвовать благом и счастьем своего народа. Ради этой идеи они превратили всю страну в некое подобие каторги уничтожены миллионы русских!»⁸

В своих пронзительно-горьких строках он шел дальше, предрекая, что «Народ доведен до такого состояния, что он обрадуется вражескому нашествию, надеясь тогда свести счеты со своими угнетателями и найти выход из своего сегодняшнего положения.... Между поработанным угнетенным русским народом и его управителями образовалась огромная пропасть все более углубляющаяся и нарастающая ненависть первых к последним, недоверие и подозрительность последних к первым. Русская власть и русский народ сейчас два враждебных лагеря, среди которых в любой следующий день может начаться решительный бой»⁹.

Здесь только можно заметить, что митрополит Стефан несколько односторонне оценивал настроения в советском народе. Добавлю, что не было ни русской власти, ни русского народа.

И, наконец, замечательная приписка: «Написал это письмо на русском языке, чтобы не затруднять Г.П.У. и руководители судеб русского народа могли понять, что, вопреки большевистской власти, мы все еще не перестали и не перестанем любить Россию и в нее верить!» Размышления митрополита Стефана поставленные в конверт с надписью «небольшая частица от одного великого и большого целого» с добавкой: «все: книга к болгарскому народу: исповедь и завещание». Рильский монастырь 30 октября 1939 г.¹⁰

Весьма любопытны строки русофила Стефана о той опасности, которая может грозить Болгарии от «большевистской безбожной власти». Он полагал, что близость СССР к границам Болгарии «фатальны для болгарской судьбы и свободы», возможности превращения страны в «Задунайскую губернию». «Истинные русофилы, – писал митрополит, – под красным знаком кровавого и бесправного большевизма становятся русофобами т. е. советофобами, и отчаянные, когда то беспринципные русофобы, сегодня открыто выставляют свое с русофильство, т. е. советофильство. Эта игра опасна. Пожелаем России стать правовой державой, в которой свобода охватывает всех и все... до того так много желанного момента... держимся подальше в стороне и без увлечения. Я который беспредельно люблю Россию и из-за этого явного и твердо и непоколебимого русофильства был не раз хулен оклеветан назван даже предателем сейчас кричу подальше от Москвы!»¹¹.

В годы войны, в которую была вовлечена и Болгария, митрополит Стефан не изменил своему русофильству. Протоиерей Шпиллер писал, что тогда «под сводами св. Александро-Невского собора в Софии расхаживали немецкие офицеры... А с высоко поднимавшегося и над их головами проповеднического амвона... неслись безумно смелые слова бескомпромиссной и бесстрашной веры в непобедимую мощь братского народа... В правое дело его... то было исповедническое дерзание любви... неутолимо жаждавшей не единения, а единства... В этой любви казывалась вера и верность не одной России и Русской Церкви, но и идее всеправославного единства с русской

церковью как с сердцем православия... И такое отношение к русской церкви... имело в то время совершенно исключительное значение... врата сердца православия, объятия большой славянской сестры всегда были раскрыты для болгарской церкви так широко и любвеобильно. Искать и требовать единства с Ней, не внешнего единения, глубокого внутреннего в духе органического единства, значило поэтому возвыситься до выражения велений самого высшего церковного долга, голоса совести всей своей Церкви»¹².

Добавлю, что уже в сане экзарха митрополит Стефан писал 25 марта 1946 г. Патриарху Алексию, что в 41 г. «наш синод немедленно собрал 1800000 левов... и решил послать на оккупированную территорию десять православных русских священников... для обслуживания духовных нужд оставшихся там русских людей и для материальной помощи бедствующим. Немецкое командование не разрешило синоду привести в исполнение это решение... в то же время разрешило свободный въезд в оккупированные русские области католикам униатам протестантам и сектантским проповедникам и священнослужителям работавшим в угодном для немцев духе»¹³. Здесь трудно комментировать немецкое решение. Видимо, здесь вводилась в практику старая практика: «Разделяй и властвуй».

Победа советского оружия изменила политическую карту Европы. В Болгарии на обломках монархии началось строительство нового государства, к власти пришли антифашистские силы, объединенные в организацию Отечественный фронт, где все большее влияние приобретали болгарские коммунисты.

Было бы трудно ожидать, что митрополит Стефан изменит себе, и будет восхвалять СССР. Нет, в его послании к русскому народу, произнесенному в ноябре 1944 г. превозносилась мощь русской, именно, русской армии, славился русский человек, его подвиг в освобождении страны. В послании были и такие строки: «Наш народ надеется, что прославленный и возвеличенный русский народ с этого времени станет в семействе славянских народов, действительно, большим братом, под его мудрым и сильным воздействием небольшие славянские народы, не утрачивая своей самобытности и своих национальных идеалов, сплотятся в дружное семейство, сильное сознанием своего славянского единства и общих своих врагов... Мы верим, что Русскому народу с Промыслом дано... мессианское назначение». Возможно, что именно победа СССР, продиктовала ему дальше ранее не встречавшиеся строки: «Сейчас весь Русский народ выведен к творческой работе... для всех талантов открыт полный простор... Да живут растут и процветают народы Советского Союза! Да живет славная, воистину победоносная Русская армия и ее мужественный вождь!»¹⁴.

В «новой Болгарии» Экзарх Стефан стал прилагать усилия для повышения своего статуса: стать Патриархом, превратить экзархат в патриархат, что несоизмеримо поднимало значение Болгарской Православной Церкви как внутри страны, так и за ее пределами. Однако этому мешали сильные подозрения в его экуменизме, как в Софии, так и в Москве.

В письме протоиерея Вс. Шпиллера от 30 января 1947 г. к митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Григорию были и тревожные строки об ожидании в Церкви нашествия протестантизма, «под знаком которого складывается вся сегодняшняя обстановка болгарской церковной жизни»¹⁵.

Опасность, подчеркивал он, угрожает православию «не со стороны Советского Союза, а со стороны протестантских Англии и Америки, поддерживающих здесь протестантский прозелитизм». Причем такие настроения характерны для части священства и епископата. В этой ситуации экзарх, член правления многих экуменических организаций, не выказывал какой-либо «непосредственной

активности». Хотя в декабре 1946 г. им была сделана попытка установить «нелегальную связь» с экуменическим движением, но она провалилась¹⁶.

Тем не менее, пишет Шпиллер, она была налажена другим церковным деятелем, а именно, болгарским богословом Стефаном Цанковым. Хотя конкретно, контакты заключались в переписке по обсуждению участия в разных съездах, оказанию финансовой помощи, восстановлению некоторых церковных зданий¹⁷.

И главное – строились планы по установление легальной связи с экуменическими организациями и постоянным в них болгарским присутствием, организация при Синоде специального представительства под главенством Экзарха. Причем «западники» распространяли в обществе и весьма «искусно» свои пути спасения или нейтрализации, от ими же распространяемых слухах, о нашествии протестантизма¹⁸.

В доказательство этого Шпиллер приводил следующие позиции «западников», распространяемые отчасти через церковную прессу: «Конечно, с усилением англо-американского политического влияния в стране (что, разумеется, неизбежно!) протестантизм зальет страну и церкви нашей особенно в теперешних обстоятельствах (отделение от государства, лишено материальных средств и пр.) не устоять, так лучше же заранее сговориться с теми сильнейшими церковно-общественными англо-американскими организациями, которые сами же уже предлагают сговор и обещают при этом лояльнейшее сотрудничество с Болгарской Церковью на основе полного уважения и ко всем особенностям нашей веры (сохранение догматически-конфессионального лица) и быта (канонического порядка), более того: нам обещано даже и ограждение нас от обычного здесь протестантского и католического прозелитизма, способы какового ограждения уже сейчас могут быть совместно обсуждены и, в сущности – перед нами, православными, иного пути, кроме пути такового сговора, и нет в создавшейся обстановке, тем более что отказ от предлагаемого сотрудничества с христианским церковно-общественным Западом теперь, раздражив его, уже непременно вовлечет православную нашу церковь в катастрофу, так как уж теперь, непременно, последует нашествие, даже если прежде до сделанных нам предложений, она и не проектировалась – нашествие, в результате которого мы, несомненно, будем сметены и, в конце концов, уничтожены»¹⁹. Весьма умно и понятно для народа, вернее, для его образованного слоя.

Позиция Экзарха характеризуется Шпиллером как «пассивное попустительство» «западникам». На активное участие он не шел, несмотря на все уговоры того же Стефана Цанкова – видного деятеля экуменического движения.

Возможно, подчеркивалось в письме к митрополиту Григорию, он чувствовал себя «в высшей степени связанным с так или иначе взятым политическим курсом... Но действовать активно против “западников”... вложиться в деятельную прорусскую работу – которая все же в прошлом велась им – этому сильно мешают, пожалуй, разладившиеся отношения с правительством и та холодность, которая, по его выражению, характеризует взаимные отношения его с нашим дипломатическим представительством и военным командованием»²⁰.

Такие отношения вполне могут быть объяснены самой характеристикой Стефана как «англофила» и экумениста. Замечу, что пресловутое «англофильство» Экзарха (по Шпиллеру) не мешало по его же словам быть горячим русофилом. Надо думать, что «англофильство» было связано с экуменизмом, с протестантизмом.

Сам Экзарх Стефан в разговоре с одним московским митрополитом в период Московского совещания подчеркивал: «Меня иногда упрекают в двойственности, будто я оглядываюсь на Запад. Нет! Но поскольку моя страна хочет хороших отношений и с англо-американцами, я не могу закрыть двери для тех представителей этого мира,

которые хотят меня навестить или пишут мне дружеские письма. Я не могу им сказать: “Уходите вон от двери моего дома” - этим я оказал бы плохую услугу своей стране, которая не хочет ссоры с Западом... ошибка не только нашего государства, но и других славянских государств: славянское движение находится только в руках коммунистов. Подумайте, ведь это движение должно быть всенародным, а народы наши – верующие. Поэтому церковь православная должна была бы быть привлечена к этому делу. Народ иначе не идет за славянскими комитетами»²¹. Сказано откровенно и каких-либо дополнительных объяснений здесь не требуется.

2 июля 1948 г. в письме Г. Г. Карпова министру иностранных дел А. Я. Вышинскому «О церковной обстановке за границей в связи с созывом в Москве совещания православных церквей» можно прочесть следующее: «Положение в болгарской церкви, глава которой митрополит Стефан в течении 20 лет является деятельным участником экуменического движения, вызвало опасения и Советом через министерство иностранных дел Болгарии г-м Коларовым при визите его в СССР 22 марта с. г. были приняты соответствующие меры в отношении митрополита Стефана. В результате получено согласие Стефана на отход его от экуменического движения»²².

И далее, трафаретное: «после беседы с ним премьер-министра Димитрова Г. и министра иностранных дел Коларова В. ему стало понятно, что экуменизм обслуживает интересы англо-американских империалистов и направлен против коммунизма, против СССР, стран новой демократии, и потому болгарской церкви с ним не по пути»²³. Соответственно, восстановление в Болгарской церкви Патриаршества и возведении его в сан Патриарха ставились в зависимость от линии поведения Стефана на Московском совещании и отношения Болгарской церкви к правительству Отечественного фронта. И как итог: Синод Болгарской Церкви от 1 июля единогласно принял решение разорвать с экуменическим движением»²⁴.

Но получение желанного патриаршества неожиданно усложнилось. Это было обусловлено вначале единоличными от Синода шагами Экзарха в этом направлении, что открылось спустя уже после Московского совещания, где планировалось просить Патриарха Алексия провозгласить от имени Синода Экзарха Стефана Болгарским Патриархом.

13 августа прошло заседание Синода, созванное Стефаном по возвращении из Москвы, где и вскрылась эта интрига возмущенными архиереями. В упоминавшейся ранее справке от 23 октября 1948 г. подчеркивалось, что дело не только в нежелании иметь Стефана Патриархом. И далее: «Борьба началась из-за общего направления деятельностью экзарха. По мнению, всех без исключения епархиальных архиереев, эта деятельность слишком сближала Болгарскую церковь с Русской и в то же время слишком подчиняла Болгарскую церковь нынешнему болгарскому правительству»²⁵. Одновременно в справке подчеркивалось, что «Архиереи, конечно, отдают себе ясный ответ в том, что экзарх связывал болгарскую церковь с русской внешне, поверхностно, декларативно и даже декоративно»²⁶.

Более того, по мнению болгарских владык, «экзарх всегда старался оставить за собою лично какой-то мост сзади и дверь на Запад и в Америку, которыми мог бы воспользоваться, чтобы остаться во главе Церкви даже в случае перемены политической обстановки и прихода в Болгарии к власти другого правительства»²⁷.

Но в вопросе, поставленного Экзархом о восстановлении патриаршества, было немало сложностей. Прежде всего, тут надо отметить, что власть в лице В. Коларова связывала этот вопрос, в частности, с «отменой синодального распоряжения, запрещающего священникам участвовать в политических и общественных организациях Отечественного фронта»²⁸.

В этой сложной ситуации Экзарх и Синод стремились переложить тяжелый груз ответственности за принятие требуемых правительством мер друг на друга. Неизбежное столкновение вскоре и произошло в ходе сентябрьского заседания Синода.

Триггером послужил незначительный инцидент вокруг замечания, сделанного экзархом митрополиту Врачанскому Паисию, заявившего, что после случившегося он уйдет с заседания. В справке от 18 сентября 1948 г., подписанной помощником Председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР, Араповым о положении Православной Церкви в Болгарии и отставке Экзарха были такие строки: в ходе перепалки Экзарх обзывает своего оппонента «террористом, всегда терроризировавшим Синод» и кричит ему «Вон». Сам Синод поддерживает митрополита и требует извинения перед ним. В ответ следуют резкие слова раздраженного Стефана: «Вы все саботажники, вы все всегда саботируете предлагаемые мной мероприятия; не могу и не хочу с вами работать». Пик скандально заседания пришелся на заявление Стефана об отказе быть председателем Синода и главой Болгарской Церкви, и подаче им в отставку, о чем поставит в известность правительство. Примирения не состоялось, несмотря на некоторые шаги, нацеленные на ликвидацию конфликта²⁹.

Вопрос о желанном патриаршестве снимался. 8 сентября Синод в полном составе принял отставку экзарха и поставил в известность правительство. «10 сентября Политбюро рабочей партии коммунистов, – пишет далее Шпиллер, – одобрило решение синода и предложило чтобы Синод подготовил коммюнике о положении в Экзархии об отставке Экзарха, мотивируя ее плохим состоянием здоровья Стефана»³⁰.

8 и 9 сентября 1948 г. митрополиты Паисий и Кирилл посетили директора вероисповеданий в правительстве Илиева, где митрополит Кирилл заявил, что «Экзарх Стефан своей отставкой делает заранее продуманный маневр, якобы согласованный частным порядком с представителем Вселенской Патриархии митрополитом Германосом (английский агент, по убеждению Москвы – В. К.). При этом маневр Экзарха якобы продиктован его политической англо-американской ориентацией»³¹. Великолепный ход противников Экзарха, неоднократно испытанный временем в разных странах.

12 сентября в прессе было опубликовано сообщение о принятии Синодом отставки Стефана и освобождении его от митрополии «по состоянию здоровья и другим чисто церковным соображениям». По решению Синода ему назначалась небольшая персональная пенсия, и предписывалось выехать в село Карловские Бани Пловдивской области без права передвижения по Болгарии³².

Тем не менее, Стефан предпринимал последнюю, судорожную попытку смягчить свою участь «изгнанника». 11 октября Шпиллер писал в Москву о просьбе к нему лишнего всех постов Стефана склонить влиятельного протопресвитера Н. Ф. Колчицкого, бывшего в то время в Болгарии, «ходатайствовать перед патриархом и Г. Г. Карповым об арбитраже по его делу ... Вы можете убедить его в том, что необходим арбитраж ради возвращения мне кафедры митрополита, что в интересах русской церкви и даже советского правительства. Зачем делать из меня героя англо-американской ориентации, пострадавшего от режима? Зачем мне навязывать это положение? Я его не хочу, я верен своему русофильству, своему отечественному фронтовству... Экзарх сообщил мне, что послал просьбу святейшему патриарху об арбитраже»³³.

Однако ответа не последовало, что вполне объяснимо, зная положение Церкви в СССР.

В 1950 г. фигура Стефана вновь «всплывает в документах Совета по делам Русской Православной Церкви. Так, Шпиллер сообщал в Москву: «Стефан сидит в

деревне. Он почти под домашним арестом. Нигде не бывает и его никто не посещает. Митрополиты в восторге, что им удалось убрать неприятного им собрата. Стефан на голову выше их всех по уму, держался независимо, начальнически, не считался с митрополитами, не входил в их дразги и интриги»³⁴.

И в качестве завершения текста о жизни и судьбе Экзарха Стефана: время его деятельности неотделимо от самого сложнейшего послевоенного времени, в котором первенствующее значение имела политика в Софии, в Москве. Причем, светское, политическое содержание отношений доминировало над церковным. И, главное, сама фигура Стефана, его взгляды и деятельность позволяют писать о нем как об одной из трагических личностей на болгарском церковном небосклоне, добавлю, политическом.

¹ Любенова Л. Политическите пристрастия на Екзарх Стефан I Български // По пътя на българската духовност. Т. I. Изследвания по църковна история. – София, 2014. – С. 160–173.

² Государственный архив Российской Федерации (Далее – ГА РФ). Ф. 6991. Д. 132. Л. 28–29.

³ Там же. Л. 202.

⁴ Ивинский Б. Среди братьев // Русские в Болгарии. – София, 1923.– С. 50.

⁵ Екзарх Стефан I Български. Документален сборник. – София, 2003. – С. 88.

⁶ Там же. С. 89.

⁷ Там же. С. 89–90.

⁸ Там же. С. 91.

⁹ Там же. С. 92.

¹⁰ Там же. С. 93.

¹¹ Там же. С. 104.

¹² ГА РФ. Ф. 6991. Д. 132. Л. 205–206.

¹³ Там же. Д. 16. Л. 245.

¹⁴ Екзарх Стефан I Български. Документален сборник. – София, 2003.– С. 177–178.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 6991. Д. 132. Л. 88.

¹⁶ Там же. Л. 90–91.

¹⁷ Там же. Л. 91.

¹⁸ Там же. Л. 92.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Д. 132. Л. 93.

²⁰ Там же. Л. 94.

²¹ Там же. Д. 412. Л. 100.

²² Там же. Д. 419. Л. 60.

²³ Там же. Л. 60–61.

²⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Д. 412. Л. 59.

²⁵ Там же. Д. 419. Л. 60.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Д. 419. Л. 61.

²⁸ Там же. Л. 62–63.

²⁹ См.: там же. Л. 10.

³⁰ ГА РФ. Ф. 6991. Д. 419. Л. 13.

³¹ Там же. Л. 14.

³² Там же. Л. 16.

³³ Там же. Л. 123.

³⁴ Там же. Д. 731. Л. 37.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

УДК 811.161.1

Меденица Лука
 доктор филологических наук, доцент
 Белградский университет
 Сербия, г. Белград
 e-mail: medenicaluka@yahoo.com

Medenica Luka
 Assistant Professor, Dr.Sc. (Philology)
 University of Belgrade
 Serbia, Belgrade
 e-mail: medenicaluka@yahoo.com

Л. Меденица

АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ ДЛЯ РУСИСТОВ НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ БЕЛГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Аннотация. В статье рассматривается педагогическая практика магистрантов филологического факультета Белградского университета как один из ключевых этапов формирования профессиональных навыков будущих педагогов-русистов. Выявлены особенности проведения практики, способствующие повышению уровня профессиональной компетентности будущих специалистов, а также указаны слабые стороны, которые необходимо в перспективе ликвидировать. Особое внимание уделяется описанию сотрудничества между учителем-руководителем, практикантом и университетским руководителем; а также описанию сотрудничества между университетами, учебными заведениями и общественными организациями. Показаны результаты, свидетельствующие о высоком качестве педагогической и методической подготовки русистов в университете.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, педагогическая практика, Белградский университет

L. Medenica

CURRENT STATUS OF RUSSIAN LANGUAGE STUDENTS' TEACHING PRACTICE AT THE FACULTY OF PHILOLOGY, UNIVERSITY OF BELGRADE

Abstract. The article deals with the teaching practice of Russian language graduate students at the Faculty of Philology, University of Belgrade, as one of the key stages in developing professional skills by future teachers of Russian. Particularities of conducting teaching practice, boosting future specialists' professional development, have been identified, as well as weak spots, which are necessary to be eliminated in future. Particular attention is paid to describing the cooperation among the participants in teaching practice: teacher trainees, university teacher educator, who supervise trainees within a department of teacher education, and teachers working at school where trainees are trained; as well as describing the cooperation among universities, educational and other public organizations. Results, testifying to high quality of pedagogical and methodological training of Russian language students at the university, have been presented in this paper.

Keywords: Russian as a foreign language, teaching practice, University of Belgrade

Получение педагогического образования не является единственным этапом профессионального развития учителей, однако его можно считать ключевым. В процессе своего исследования И. Джерич [5] изучила мнение директоров, педагогов-психологов образовательных учреждений, представителей управления образованием и экспертов в области образования о качестве подготовки педагогических кадров. Респондентам было предложено указать действенные на их взгляд способы решения проблемы недостаточного уровня подготовки к практике студентов педагогических

вузов. Более половины респондентов из числа представителей управления образованием и экспертов в области образования (55,9%) необходимой мерой посчитали комплексное повышение качества педагогического образования. Среди педагогов-психологов образовательных учреждений и директоров такого же мнения придерживались всего 17,2 и 10% соответственно.

Педагогическое образование, полученное в университете, не всегда обеспечивает хорошую подготовку специалистов к работе в школе. Как отмечают В. Райович и Л. Радулович [10], большинство опрошенных ими учителей, преподающих дисциплины филологического и исторического профиля, считают, что вузовское образование дало им лишь декларативные знания о содержании преподаваемого предмета. Исследователи это объясняют ещё и тем, что в рамках университетской программы у данных преподавателей было мало методических дисциплин. Они подчеркивают, также, что в целом молодые учителя недостаточно подготовлены, чтобы чётко действовать в любой ситуации и решать проблемы, с которыми они сталкиваются в школе. Интересно, что показатели ухода учителей из школ в первые несколько лет их карьеры выше, после чего они снижаются [12]. Этот факт так же указывает на значимость университетского образования, в рамках которого важное место занимает педагогическая практика.

Обучение русскому языку как иностранному в сербской среде, по сравнению с другими изучаемыми в Сербии языками, имеет свои преимущества и недостатки. С одной стороны, обучение близкородственному языку значительно легче ввиду использования кириллического алфавита в обоих языках, наличия исторических, духовных, политических и других связей между странами. С другой стороны, обучение скрывает значительные трудности, относящиеся не только к самой системе русского языка и овладению ей, но и к положению русского языка в образовательной системе Республики Сербии¹ среди прочих иностранных языков и отношению к России в целом. Согласно сербскому закону [6] будущему преподавателю русского языка, чтобы устроиться на работу в школу, необходимо набрать 30 ппм² единиц по Европейской системе переноса зачётных единиц. Кроме этих 30 единиц, необходимо иметь ещё 6 единиц практики. Статья 142 данного закона [6] предусматривает возможность устроиться на работу в школу, не имея выше перечисленных единиц. В таком случае учитель обязан набрать указанные единицы в течение двух лет с даты приёма на работу в качестве условия для прохождения лицензионного экзамена и получения лицензии на ведение образовательной деятельности. На практике же, к сожалению, учитель может проработать очень много лет до прохождения лицензионного экзамена, так как школа зачастую принимает учителей на работу по временному трудовому договору. Шесть единиц по практике, о которой говорится в законе, на филологическом факультете Белградского университета можно получить только на пятом курсе в рамках экзамена по дисциплине «Методическая практика».

Эта дисциплина очень сильно изменилась в течение пяти лет с момента последнего описания состояния педагогической практики для студентов-русистов в сербской языковой и социокультурной среде³. В данной статье мы рассмотрим какие изменения претерпела педагогическая практика в Белградском университете и сделаем

¹ Подробнее о положении русского языка в школах Сербии пишут сербские методисты [3], [7], [8], [11].

² Ппм – педагогические, психологические и методические дисциплины.

³ О педагогической практике в учебных 2011/2012, 2012/2013 и 2013/2014 смотри в С. Петрович [9].

выводы о том, могут ли эти изменения в перспективе повлиять на повышение качества педагогического образования в университете, а также попробуем сравнить качественный уровень подготовки педагогов-русистов в Белградском университете с уровнем подготовки таких же специалистов в других университетах страны.

Дисциплину «Методическая практика» можно выбрать для изучения в магистратуре. Кроме педагогической практики в школе она включает в себя занятия с руководителем практики в университете в объёме двадцати четырёх академических часов. Согласно учебному плану эта дисциплина изучается в зимнем семестре с октября по конец декабря текущего учебного года.

Методисты [2], [13] отмечают, что часто практика бывает не очень хорошо или вообще не связана с университетскими дисциплинами, которые изучают будущие педагоги.—Именно по этой причине считаем, что одной из главных задач университетского руководителя в рамках выше указанных занятий является обеспечение связи между дисциплинами, изучаемыми студентами в университете, и практикой в школе. Кроме этого, перед университетским руководителем стоит целый ряд задач: организация практики, отслеживание взаимодействия студента-практиканта с учителем-руководителем, устранение любых конфликтов и разногласий между ними. Университетский руководитель должен следить и за соотношением объема пассивной и активной практики. Таким образом создаётся треугольник педагогической практики: учитель-руководитель – практикант – университетский руководитель.

Педагогическая практика начинается с пассивной, а затем постепенно переходит в активную. Э.Г. Азимов и А.Н. Щукин [1] отмечают, что пассивная практика подразумевает посещение занятий в учебных заведениях с целью ведения наблюдения и обсуждения, но не предполагает, в отличие от активной практики, проведения уроков⁴.

С 2015 года дисциплину «Методическая практика» в среднем выбирают около двадцати студентов-магистрантов. Недостатком практики в предыдущий период было большое количество студентов у одного школьного учителя-руководителя и непропорциональное соотношение между активной и пассивной практикой. Поэтому в последние годы в рамках реализации данной дисциплины в Белградском университете заметно стремление обеспечить непосредственное взаимодействие учителя и практиканта, предоставить возможность каждому учителю-руководителю работать только с одним практикантом. Таким образом перед высшими учебными заведениями встает непростая задача: подбор большего количества школ для прохождения студентами педагогической практики.

В последние пять лет некоторым белградским студентам-русистам предоставлялась возможность прохождения практики в тех школах, в которых они ранее обучались. Оказалось, что такой подход имеет как плюсы, так и минусы. С одной стороны, если студент испытывает положительные эмоции по отношению к своей школе и своему бывшему учителю, он чувствует себя намного увереннее. Такое сотрудничество между учителем-руководителем и практикантом происходит обычно на высоком уровне с первого дня практики. С другой стороны, несмотря на положительные эмоции, данный вид сотрудничества может привести к разочарованию со стороны студента по отношению к своему бывшему учителю и к педагогической профессии в целом. Ключевой вопрос в том, может ли конкретный учитель и учебное заведение обеспечить студенту хорошую практику? Ошибочное решение может иметь необратимые последствия. Усугубляется данная проблема отсутствием

⁴ Именно таким образом мы и используем данные определения в статье.

дополнительного финансирования: учебные заведения и учителя-руководители не получают никаких финансовых средств, их необходимо мотивировать какими-то другими способами. Следует отметить, несмотря на то, что система логистики в теории существует, в реальности организация практики осуществляется путём личных контактов как минимум двух членов выше упомянутого треугольника педагогической практики.

Продолжительность педагогической практики с каждым годом увеличивается. Начиная с 2019/2020 учебного года, белградские студенты-практиканты обязаны посетить минимум 50 уроков, к тому же меняется соотношение объема пассивной и активной практики в сторону уменьшения первого. Например, в учебном 2006/2007 году студенты проходили только пассивную практику в группах по десять и более студентов, посещая от пяти до десяти уроков. В учебном 2014/2015 году студенты посещали двадцать уроков в группах по пять-десять студентов. Для большинства из них такая практика была полностью пассивной, потому что из двадцати уроков активными могли быть в среднем один или два. С каждым учебным годом количество студентов в группе уменьшалось, а количество посещаемых уроков увеличивалось.

Одной из причин, почему становится возможным увеличивать объем активной практики, являются более доверительные отношения между практикантом и учителем-руководителем, поскольку теперь у учителя есть только один практикант, которому он может уделять больше времени и внимания. Пассивная практика длится дольше у тех студентов, которые считают, что они ещё не готовы к активной практике. К тому же интересно подчеркнуть, что те студенты-практиканты, которые считали, что им необходима пассивная практика в большем объёме, намного превысили норму по количеству посещаемых уроков, в среднем посетив около семидесяти уроков, чего мы не наблюдали раньше, когда большее количество практикантов направлялось к одному учителю. Доверительные отношения с учителем, возможность обсуждать сильные и слабые стороны проведенных уроков лично, а не в группе, право посещать большее количество занятий, чем предусмотрено планом, до обретения уверенности в себе, своих знаниях и умениях, готовности сдавать итоговый экзамен, дали возможность значительно повысить качество подготовки будущих педагогов-русистов. Подтверждением этому можно считать факт, что некоторые школы приглашали на работу студентов, проходивших педагогическую практику в 2019/2020 учебном году, когда возникала необходимость замены учителя на некоторое время.

Во время прохождения практики студент имеет возможность познакомиться с жизнью учебного заведения, обсудить с учителем-руководителем поурочные планы, отчетную документацию и другие актуальные для этого учебного заведения вопросы. Также эти темы обсуждаются с университетским руководителем и другими практикантами на отдельных занятиях по методической практике. Эти и многие другие вопросы, такие как работа с учащимися разных возрастных групп, работа с разноуровневыми группами, анализ учебно-методических комплексов и прочее, обсуждаются в рамках университетских занятий, которые посещают все практиканты. Таким образом студентам-практикантам даётся возможность познакомиться с работой большего количества учебных заведений и учителей, узнать о других методиках и учебных программах, и таким образом компенсировать посещение занятий только в одной школе.

По окончании педагогической практики студент отмечает на платформе Мудл, что он готов к сдаче экзамена, т.е. проведению показательного урока, на котором присутствует и университетский руководитель. Нужно отметить, что темп прохождения практики студент согласует с учителем-руководителем, учитывая

удалённость школы и многие другие факторы. Раньше учителю-руководителю приходилось интенсивно согласовывать с большим количеством студентов одновременно, а теперь только с одним практикантом. Проведение показательного урока по форме и требованиям напоминает сдачу лицензионного экзамена в Республике Сербии.

Недостатки педагогической практики белградских русистов на данный момент, естественно, существуют. Главным минусом является прохождение практики только в одном учебном заведении. Для его устранения необходимо найти способ увеличить количество школ, которые могли бы стать базами практики, а также количество проводимых практикантами уроков, т.е. увеличить объем активной практики. Следует также думать о возможности введения пассивной практики на четвёртом курсе, а далее, по возможности, и на третьем, что позволит увеличить и количество посещаемых школ. Таким образом в магистратуре студенты занимались бы только активной практикой. Следует думать о возможности прохождения пассивной практики не только в школах, но и в других образовательно-воспитательных учреждениях, например: в детских садах, на языковых курсах для взрослых при институтах и в других учреждениях, с которыми студенты, возможно, встретятся в будущем в своей профессиональной деятельности.

Ещё одной задачей университета, учебных и других общественных организаций, является взаимное регулярное сотрудничество, которое позволит университетам получать актуальную информацию о количестве и качестве преподавательских кадров в стране. В Республике Сербии этими вопросами в большей степени занимаются Министерство образования, науки и технологического развития, Общество славистов Сербии, Российский центр науки и культуры в Белграде, Общество иностранных языков и литератур Сербии и университеты в Белграде, Нови-Саде, Нише и Косовска-Митровице.

Подводя итог, отметим, что дисциплина «Методическая практика» на филологическом факультете Белградского университета на сегодняшний день включает в себя следующие ключевые компоненты: прохождение пассивной и активной практики в школе, занятия с университетским руководителем, написание отчётной документации и поурочного плана, проведение показательного урока. К сожалению, подготовка сербских студентов-русистов к педагогической практике осуществляется в рамках изучения ограниченного количества дисциплин, о чём свидетельствует перечень учебных предметов в государственных университетах Сербии [4].

Методическая практика является важным элементом профессиональной подготовки педагогов. С.М. Вилсон [13] в крупномасштабном исследовании обнаружила, что учителя, практика которых длилась один год, были довольнее работой в школе, чем учителя, чья практика была короче. Педагогическую практику будущих учителей русского языка в Сербии несомненно следует увеличивать и улучшать по всем положениям, описанным в статье. Нужно иметь в виду, что базовое образование и педагогическую практику следует сопоставлять на нескольких уровнях: в рамках университетов страны, в которых изучается русский язык; среди разных языков, преподаваемых внутри страны; среди разных стран и их отношения к педагогической практике преподавателей иностранных языков.

Интересно, что глобализация высшего образования до сих пор не унифицировала педагогическую практику студентов-русистов в Сербии. Однако, филологический факультет в следующем году должен пройти очередную аккредитацию, которая может сильно изменить положение педагогической практики. В частности, по новым стандартам и инструкциям, полученным всеми университетами страны, высшие

учебные заведения должны обеспечить педагогическую практику на втором, третьем и четвертом курсах в объёме 90 часов в год. В магистратуре же практика должна составлять 180 часов. Будет ли это относиться и к филологическим факультетам, пока неизвестно. Смогут ли все университеты страны обеспечить практику в таком объёме? Перейдёт ли обучение преподавателей русского языка как иностранного с филологических факультетов в руки педагогических, или университеты найдут другой способ толкования стандартов? Несмотря на большое количество нерешенных вопросов, на сегодняшний день с уверенностью можно утверждать, что педагогическая практика русистов на филологическом факультете Белградского университета претерпевает изменения и становится более эффективной, что в свою очередь позволяет повышать качественный уровень профессиональной подготовки будущих педагогов-русистов.

Библиографический список

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). — М.: Издательство ИКАР, 2009.
2. Вучо Ј., Дурбаба О. Криза филолошких студија: ставови студената и наставника о усклађености студијских садржаја, наставе и потреба савременог друштва // Савремено друштво и криза проучавања језика и књижевности. – Крагујевац: ФИЛУМ, 2012. – с. 123–141.
3. Гинић Ј. Настава руског језика у основној школи: актуелно стање и перспектива // Ј. Вучо, Ј. Филиповић (ур.), Језици образовања. – Београд: Филолошки факултет Универзитета у Београду, 2018. – с. 109–120.
4. Гинич Е., Айджанович Н., Меденица Л. Современное положение русского языка в высших учебных заведениях Сербии // Положај словенских језика, књижевности и култура на универзитетима у свету. Округли сто Комисије за наставу словенских језика и књижевности Међународног комитета слависта. Зборник радова. – Београд: Филолошки факултет Универзитет у Београду, 2020. – с. 18–47.
5. Ђерић И., Милин В., Станковић Д. Правци унапређивања стручног усавршавања наставника у Србији: перспективе различитих актера // Зборник Института за педагошка истраживања, 46, број 1, 2014. – с. 29–49.
6. Закон о основама система образовања и васпитања. Службени гласник Републике Србије. бр. 88/2017, 27/2018 и др. закони и 10/2019.
7. Марић Б. Состояние и перспективы изучения русского языка в инославянской среде // Этнодиалоги 1. – М: Этносфера, 2015. – с. 26–34.
8. Маркович Д. Преподавание русского языка в Сербии, актуальные проблемы в сокращении часов и возможные пути их решения // Наука и савремени универзитет 4. – Ниш: Филозофски факултет, 2014. – с. 148–153.
9. Петровић С. Педагогическая практика для студентов-русистов в сербской среде: актуальное состояние и перспективы // Русский язык как инославянский VII. – Београд: Славистичко друштво Србије, 2015. – с. 104–114.
10. Рајовић В., Радловић Ј. Како наставници опажају своје иницијално образовање: на који начин су стицали знања и развијали компетенције // Настава и васпитање 56, бр. 4. – Београд, 2007. – с. 413–434.
11. Ђурић Љ. Страни језици у образовној политици Србије. – Београд: Филолошки факултет Универзитета у Београду, 2016.
12. OECD Politike obrazovanja i usavršavanja. Nastavnici su bitni. Kako privući, usavršavati i zadržati efikasne nastavnike. – Beograd: Ministarstvo prosvete Republike Srbije, Zavod za udžbenike, Službeni glasnik, 2010.
13. Wilson S.M, Floden R.E., Ferrini-Mundy J. Teacher Preparation Research: Current Knowledge, Gaps, and Recommendations. – Michigan State University, 2001.

1. Azimov E.G., Schukin A.N. *Novyi slovar metodicheskikh terminov i poniaty (teoriya i praktika obucheniya yazikam)*. – M.: Izdatelstvo IKAR, 2009.
2. Vučo J., Durbaba O. Kriza filoloških studija: stavovi studenata i nastavnika o usklađenosti studijskih sadržaja, nastave i potreba savremenog društva // *Savremeno društvo i kriza proučavanja jezika i književnosti*. – Kragujevac: FILUM, 2012 – s. 123–141.
3. Ginić J. Nastava ruskog jezika u osnovnoj školi: aktuelno stanje i perspektiva // J. Vučo, J. Filipović (ur.), *Jezici obrazovanja*. – Beograd: Filološki fakultet Univerziteta u Beogradu, 2018. – s. 109–120.
4. Ginich E., Ayzdanovich N., Medenica L. *Sovremennoe polozenie russkogo yazika v vysschih uchebnyh zavedeniyah Serbii* // *Položaj slovenskih jezika, književnosti i kultura na univerzitetima u svetu. Okrugli sto Komisije za nastavu slovenskih jezika i književnosti Međunarodnog komiteta slavista. Zbornik radova*. – Beograd: Filološki fakultet Univerziteta u Beogradu, 2020. – s. 18–47.
5. Đerić I., Milin V., Stanković D. *Pravci unapređivanja stručnog usavršavanja nastavnika u Srbiji: perspektive različitih aktera* // *Zbornik Instituta za pedagoška istraživanja*, 46, broj 1, 2014. – s. 29–49.
6. *Zakon o osnovama sistema obrazovanja i vaspitanja*. Službeni glasnik Republike Srbije, br. 88/2017, 27/2018 i dr. zakoni i 10/2019.
7. Marich B. *Sostoyaniye i perspektivy izucheniya russkogo yazika v inoslavyanskoj srede* // *Etnodialogi 1*. – M: Etnosfera, 2015. – s. 26–34.
8. Markovich D. *Prepodavanje russkogo yazika v Serbii, aktualnye problemy v sokraschenii chasov i vozmozhnye puti ih resheniya* // *Nauka i savremeni univerzitet 4*. – Niš: Filozofski fakultet, 2014. – s. 148–153.
9. Petrovich S. *Pedagogicheskaya praktika dlya studentov-rusistov v serbskoj srede: aktualnoe sostoyanie i perspektivy* // *Russkiy yazik kak inoslavyanskiy VII*. – Beograd: Slavističko društvo Srbije, 2015. – s. 104–114.
10. Rajović V., Radulović L. *Kako nastavnici opažaju svoje inicijalno obrazovanje: na koji način su sticali znanja i razvijali kompetencije* // *Nastava i vaspitanje 56*, br. 4. – Beograd, 2007. – s. 413–434.
11. Đurić Lj. *Strani jezici u obrazovnoj politici Srbije*. – Beograd: Filološki fakultet Univerziteta u Beogradu, 2016.
12. *OECD Politike obrazovanja i usavršavanja*. Nastavnici su bitni. Kako privući, usavršavati i zadržati efikasne nastavnike. – Beograd: Ministarstvo prosvete Republike Srbije, Zavod za udžbenike, Službeni glasnik, 2010.
13. Wilson S.M, Floden R.E., Ferrini-Mundy J. *Teacher Preparation Research: Current Knowledge, Gaps, and Recommendations*. – Michigan State University, 2001.

References

1. Azimov E.G., Schukin A.N. *New Dictionary of Methodological Terms and Concepts (Theory and Practice of Language Instruction)* – Moscow, 2009. (In Russian)
2. Vučo J., Durbaba O. *The crisis of philological studies: the attitudes of students and teachers towards the compatibility of study content, teaching and the needs of modern society* // *Modern society and the crisis of language and literature studies*. – Kragujevac: FILUM, 2012 – pp. 123–141. (In Serbian)
3. Ginić J. *Russian language teaching in primary school: current situation and perspective* // J. Vučo, J. Filipovic (ed.), *Languages of education*. – Belgrade: Faculty of Philology, University of Belgrade, 2018. – pp. 109–120. (In Serbian)
4. Ginich J., Ajdzanovic N., Medenica L. *The current state of the Russian language in higher educational institutions in Serbia*// *The position of Slavic languages, literature and cultures at universities in the world. Round table of the Commission for Teaching Slavic Languages and Literature of the International Committee of Slavists. Journal*. – Belgrade: Faculty of Philology, University of Belgrade, 2020. – pp. 18–47. (In Russian)
5. Djerić I., Milin V., Stanković D. *Directions for improving the professional development of teachers in Serbia: perspectives of different parties* // *Journal of Institute for Educational Research*, 46, number 1, 2014. – pp. 29–49. (In Serbian)

6. The Law on the Fundamentals of the education system. Official Gazette of the Republic of Serbia, num. 88/2017, 27/2018 and other laws and 10/2019. (In Serbian)
7. Maric B. The state and perspectives of studying the Russian language in the other Slavonic environment // Ethnialogues 1. – M: Etnosfera, 2015. – pp. 26–34. (In Russian)
8. Markovic D. Teaching the Russian language in Serbia, current issues arising from reduction in number of school hours and possible solutions // Science and Modern University 4. – Nis: Faculty of Philosophy 4, 2014. – pp. 148–153. (In Russian)
9. Petrovic S. Teaching practice for Russian students in the Serbian environment: current state and prospects // Russian as other Slavonic VII. – Belgrade: Serbian Association of Slavists, 2015. – pp. 104–114. (In Russian)
10. Rajovic V., Radulovic L. How teachers perceive their initial education: how did they acquire knowledge and develop competencies // Journal of education 56, number 4. – Belgrade, 2007. – pp. 413–434. (In Serbian)
11. Djuric Lj. Foreign languages in the educational policy of Serbia. – Belgrade: Faculty of Philology, University of Belgrade, 2016.
12. OECD Education and training policies. Teachers are important. How to attract, develop and retain effective Teachers. – Belgrade: Ministry of Education of the Republic of Serbia, Institute for textbook publishing and teaching aids, Official Gazette, 2010. (In Serbian)
13. Wilson S.M, Floden R.E., Ferrini-Mundy J. Teacher Preparation Research: Current Knowledge, Gaps, and Recommendations. – Michigan State University, 2001. (In English)

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

УДК 81`374: 81`373.6

Виктор Шетэля
кандидат филологических наук, доцент
Московский педагогический
государственный университет
Россия, Москва
e-mail: szetela@mail.ru

Victor Szetela
Associate Professor, PhD in Philology
Moscow State Pedagogical University
Russia, Moscow
e-mail: szetela@mail.ru

Виктор Шетэля

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПРЕДЛОГА «KU» Г. СЕНКЕВИЧОМ В ТЕКСТЕ РОМАНА «ОГНЕМ И МЕЧОМ» В ЕГО ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. Статья посвящена использованию предлога «ku» в подлиннике исторического романа Г. Сенкевича «Огнём и мечом» в плане сравнения употребления этого предлога в русском художественном переводе данного романа. Действие романа, происходящее в XVII веке, создало автору возможность стилизации текста романа под язык данной эпохи, что в многих случаях происходило за счет редкого в современном языке данного предлога. Так сравнение двух текстов – подлинника и перевода – раскрывают новые возможности в переводе художественных текстов исторического жанра, созданных на близкородственных языках, а вместе с тем проливают свет на историю предлога «ku» в польском языке. Перевод на русский язык исторического романа способствует более глубокому пониманию трудностей в переводе художественных текстов исторического жанра.

Ключевые слова: многословная единица, план сравнения, предлог, художественный перевод, языковые средства выражения

V. Szetela

ON THE USE OF THE PREPOSITION "KU" BY H. SIENKIEWICZ IN THE TEXT OF THE NOVEL "FIRE AND SWORD" IN ITS TRANSLATION INTO RUSSIAN

Abstract. Our attention was drawn to the use of the preposition «ku» in the original of the historical Novel by H. Sienkiewicz "Fire and sword" in terms of comparing the use of this preposition in the Russian literary translation of this novel. The action of the novel, which takes place in the XVII century, gave the author the opportunity to stylize the text of the novel under the language of this era, which in many cases was due to the rare in the modern language of this preposition. Thus, the comparison of two texts – the original and the translation – opens up new possibilities in the translation of literary texts of the historical genre created in closely related languages, and at the same time sheds light on the history of the preposition «ku» in Polish. Translation of a historical novel into russian contributes to a deeper understanding of the difficulties in translating literary texts of the historical genre.

Keywords: verbose unit, comparison plan, preposition, literary translation, language means of expression

В наше время польский предлог k||ku (от праславянского къ) в форме ku, употребляется весьма ограниченно [4, s.278], [5, s.75], [1, с.7]. Двухязычный словарь Р. Стыпулы и Г.В. Ковалёвой отмечает такие многословные с участием предлога ku словосочетания, примеры которых соответствуют русским выражениям и значениям: 1.

к, ко: ku morzu – `к морю`; mieć się ku końcowi – `приближаться к концу`; ku oborólnomu zadowoleniu – `ко взаимному удовольствию`. 2. для, ради: ku przestrodze – `для предостережения`; ku czci – `в честь` [3, с.183]. Предлог сохранился в таком солдатском ответе на похвалу как: ku chwale Ojczyzny – дословно: `во славу Родины`, соответствующие русскому: *Служу Советскому Союзу* и *Служу народу!* Видно, что польскому предлогу в русском языке соответствуют предлоги: *к, ко, для, в.* (Предполагаем, что предлоги русского языка и будут употреблены в переводе романа).

В отличие от этого материала «Словарь польского языка XVI века» представил 24 791 случаев употребления предлога *ku* в памятниках данного времени [9, с. 504]. В нашей работе представлены примеры употребления этого предлога по значениям и по функциям его употребления. Скажем, для: 1. определения пространственных отношений (здесь они под буквой А), а также для определения направления движения, которые сгруппированы и обозначены буквами В,С. Предлог *ku* употребляется для (2): определения временных отношений, скажем, в группе А: во фразах, называющих приближение нового времени суток, приближении очередных дней в месяце, году, очередного периода в жизни личности; В: во фразах, указывающих на момент во времени, перед тем как что-то произойдет; С: во фразах, указывающих на событие, во время которого что-то происходит; D: во фразах, указывающих на конечный момент и т.д. [9, с. 504–505]. При помощи материалов «Словаря польского XVI века» можно до подробностей определить значения фраз с участие предлогов в романе «Огнем и мечом» в авторском его варианте, а затем определить значения соответствующих предлогов в переводе.

Рассматривая в плане сравнения подлинный текст исторического романа Г. Сенкевича «Огнем и мечом» [7] и его русский перевод [2] на предмет употребления автором многословных единиц с предлогом *ku* отметим, что в большинстве случаев, указанные выше примеры в своих значениях и ситуациях употребления встречаются в довольно значительном количестве у Г. Сенкевича. Вопрос здесь все же о возможностях наиболее адекватной передачи на русский язык предлога *ku* в текстах текста исторического романа, сюжет которого имеет отношение к событиям XVII века. Другими словами: попытка автора отразить язык эпохи путем употребления художественных средств выражения характерных для того времени, возможно, решался и за счет употребления в авторской речи и в речи персонажей предлога *ku*. Насколько, однако, значения и функции названного предлог являются коммуникативно важными для XVII века, а на сколько они важны для нашего времени, т.е. остаются ли они такими же для нашего времени, поможет определить некую традиционность польской речи. Об ограниченных коммуникативных возможностях предлога *ku*, по словарю Р. Стыпулы и Г.В. Ковалёвой [3, с.183], и о его низкой частотности в речи современных носителей польского языка может свидетельствовать факт, что наши студенты, неоднократно побывавшие в Кракове, никогда не слышали его в речи города. Известен весьма продуктивный предлог *do*, а ведь замена предлога *ku* предлогом *do* в некоторых случаях лишает высказываний значения движения и ограничивает пространство, в котором происходит действие. Предлог *do* в большей мере показывает результат совершения перемещения человека, предмета в пространстве, а предлог *ku* показывает направление этого перемещения без конечного результата *быть там*.

«Родственное» взаимоотношение предлогов для древнепольского периода прекрасно характеризует высказывание Н.Е. Ананьевой о том, что «для глаголов движения (*iść, rójść, wejść* и т.п.) обычным является управление формой Д. с предлогом *k||ku*, которой соответствует в современном языке форма Р. с предлогом *do*» [1, с.7]. Сложные взаимоотношения между этими родственными предлогами

отложились в языковом сознании носителей языка, которые все же понимают их семантическое и функциональное разнообразие. Некий оттенок историчности присущий предлогу *ku* позволяет зачислить эту служебную часть речи к более высокому стилю польской речи.

Возвращаясь к теме сравнений двух текстов Г. Сенкевича – авторского и перевода – с точки зрения употребления в польском тексте предлога *ku*, а в русском аналогичных предлогов, встает вопрос о достоверности стилизации под язык уходящей эпохи польского текста. Интересна сама по себе передача этих особенностей русскими средствами. В подобной экспертизе с польской стороны может помочь «Словарь польского языка XVI века» и его цитаты [9], а в равной мере тексты того времени, а прежде всего, воспоминания Яна Хризостома Пасека [6], который был реальной личностью и жил в это же самое время, что и персонажи «Огнем и мечом». Возможно даже, что многие из характерных черт языка пана Пасека и его сотоварищей были использованы писателем для создания литературных образов шляхтича XVII века.

Скажем сразу, что предлог *ku* в тексте воспоминаний Пасека не встречается так часто, как в тексте романа «Огнем и мечом». Я.-Х. Пасек употребляет в большинстве случаев предлог *do*, но он не может употребить этот предлог в значении `направление в сторону солнца` (в тексте под 1659 годом). Здесь более уместным может быть только предлог *ku*, который по польскому словарю XVI века «выступает в соединении с названиями сторон света, к небу и др.» [9, s. 506]. См. употребление этого предлога у Пасека при описаний поездки на датские острова и увиденных там животных: «*to ówddie powyłaziły na owe skały delfiny okrutne, wielkie psy morskie i insze zwierzęta różne i pokładało się to ku słońcu*», в нашем переводе: «повылазили тут и там дельфины огромные, большие морские собаки и много других животных и расположились к солнцу» [6, s. 22]. Интересно в связи с тем вспомнить, что в польском городе Щецин существует улица с названием «*Ku Słońcu*» – «К Солнцу». Определенная двусмысленность этого названия связана с тем, что «*Ku Słońcu*» является для жителей города адресом кладбища.

Другой пример: у Пасека при помощи предлогов *ku* и *k* указано направление движения, см.: «*Była bardzo noc ciemna; udali się k sobie; ku Zelandyjej*», т.е.: «Была темная ночь, когда добрались мы к себе; к Зеландии» [6, s.23]. Употребленные предлоги связывают два текста – текст воспоминаний Пасека и текст исторического романа Сенкевича, созданного в XIX веке. Вспомним, что начало действия в романе «Огнем и мечом» – 1647 г., что во многом совпадает по времени с представленными Пасеком событиями. Польского читателя эти стыковки убеждают в исторической правде романа, показывают высокую достоверность текста и его высокую художественную ценность.

В этом должен убедиться и читатель перевода [2] (перевод А. Эппеля, К. Старосельской). Прежде всего, отметим употребление предлога *ku* во фразах определяющих перемещение к какому-то месту или местности. См.: «*Choągwie spuszczały się ku konstantynowskiej drodze*» [7, s. 476] и «Хоругви спускались к староконстантиновской дороге» [2, с. 395]. Еще пример: «*Cały rynek był zapchany wielkimi siwymi wołami pędzonymi ku Korsunowi*» [7, s.35-36], ср.: «Вся площадь была забита могучими сивыми волами, которых перегоняли в Корсунь для войска» [2, с.33]. В подлиннике, как видим, указано направление. Войска, для которых перегоняли стадо, не могли находиться в самом Корсуне, а в близости и двигались в направлении этого города. То, что они находились в близости его, не в самом городе, указывает текст перевода.

Это подтверждается в другом месте текста при помощи *ku obozowi* – в лагерь, см.: «*w tymże dniu wypadła w Czehrynie postój bydła pędzonego ku obozowi wojsk koronnych*» [7, s.23]. Данная фраза при переводе претерпела определенную трансформацию, ср.: «на день этот приходился скотопрогонный привал, ибо скот в лагерь коронных войск прогонялся через Чигирин» [2, с.21]. В следующем фрагменте подобные смыслы сохраняет при помощи соответствующих предлогов, см.: «*Książę postanowił posunąć kilka pułków ku Kudakowi*» [7, s.98] и «Князь принял решение перевести несколько полков поближе к Кудаку» [2, с.86]. Именно, как в первом, так и во втором случае речь идет о перемещении по направлению к городу. Отметим также *ku* – к во фразах, в которых взгляд и мысли направлены на конкретное место будущих событий. Ср.: «*wszyscy ... zwracali niespokojny umysł i oczy szczególnie ku Dzikim Polom*» [7, s. 5-6] и «все ... обращались тревожной мыслью и взором к Дикому полю» [2, с.33]. Отметим употребление предлогов «*ku*» – «к» для определения перемещения рек, см.: «*Opodal świeciły wody szeroko rozlanego Omielniczka, który w tym miejscu skręca się ku Dnielowi*» [7, s.7] и «Внизу поблескивали воды широко разлившегося Омельника, в месте том сворачивавшего к Днепру» [2, с.9].

Следующий пример во многом по значению близок к ранее приводимым примерам из Пасека, в котором животные расположились к солнцу. См.: «*Ptaki rowyłykuły szyje ku górze jak włócznie i czekały ataku*» [7, s.50] и перевод этой фразы, где предполагаемый предлог к отсутствует. См.: «Птицы, ожидая атаки, вытянули шеи и пиками выставили вверх клювы» [2, с.45]. Так проще, чем предполагаемый перевод – «выставлять клювы к врагу».

Употребление предлога *ku* во фразах, указывающих на движение по направлению вдаль:

«*Wysoko na niebie ułożyły się stada lekkich chmurek, które czerwieniejąc stopniowo, zsuwały się zwolna ku krańcom widnokregu*» [7, s.58] и «Высоко в небе собрались стайки легких туч; они постепенно алая, тихо двигались к горизонту» [2, с.51].

Во фразах, указывающих на движение по направлению к чему-то, напр.:

«*Poszli oboje ku kolasce*» [7, s.56] и «Они вдвоем пошли к колыхаге» [2, с.49];

«*idąc ku drzwiom między ławami wołał*» [7, s.29] и «пошел с ним между скамей к двери, возглашая» [2, с.26].

Во фразах, указывающих на момент во времени, перед тем как что-то произойдет в природе: «*Dzień też miał się ku spoczynkowi*» [7, s.58] и «День уже клонился на покой» [2, с.51], а также: «*Ale ryszna lipcowa noc miała się ku schyłkowi*» [7, s.476] и «Но дивная июльская ночь уже кончилась» [2, с.395]. Употреблены фразеологические обороты, как в польском, так в русском тексте: *mieć się ku spoczynkowi* – клониться на покой с использованием предлогов «*ku*» и «*na*». Во втором случае польскому фразеологизму «*mieć się ku schyłkowi*» в переводе беспредложное словосочетание «ночь кончилась».

Интерес вызывает употребление предлога *ku* в сочетании с местоимениями *nam* и *sobie*. См.: «*będę prosił, by się jako najbliżej ku nam z wojskiem przymknał*» [7, s.38] и «Буду просить, чтобы возможно ближе подтянулся к нам с войском» [2, с.35].

Пример с «*sobie*» более интересен, поскольку входит в состав фразеологического оборота, употребляемого в польской обиходной речи – «*mieć się ku sobie*» в значении «чувствовать взаимную симпатию (взаимное расположение)», «нравиться друг другу» [3, с.183].

«*I tak patrzyli na siebie, jak dwie istoty, króre ... czują, że się wybrały od razu, i których dusze poczynają zaraz lecieć wzajemnie ku sobie jak dwa gołębie*» [7, s.57], ср.: «И глядели они так друг на друга, точно два существа, которые ... знают, что избрали один

другого раз и навсегда и души их, точно два голубя, начинают свой полет одна к другой» [2, с.51].

Содержание фразы полностью передано.

Как видим из представленного материала перевод предлога «ku» чаще всего осуществляется при помощи предлогов «к», «в», «на» и других, или же иногда без их участия.

В связи с тем, возникала необходимость определения функции и значения традиционного для польской речи предлога «ku» и взаимоотношение его с весьма продуктивным предлогом «do». Носители польского языка понимают уместность и тонкость употребления каждого из них.

Высокая степень стилизации текста романа Г. Сенкевича доказана материалами «Словаря польского языка XVI века», а также подлинником воспоминаний Я.-Х. Пасека.

Перевод на русский язык исторического романа способствовал более глубокому пониманию трудностей в переводе художественных текстов исторического жанра, созданных на близкородственных языках, а вместе с тем, возможно, проливают свет на историю предлога «ku» в польском языке.

Библиографический список

1. Ананьева Н.Е. Краткий очерк истории синтаксиса польского языка. Учебное пособие к курсу «История и диалектология польского языка» для студентов филологических факультетов государственных университетов. – М.: Книга и бизнес, 2008. – 31 с.
2. Сенкевич Г. Огнем и мечом: роман, перевод А. Эппеля, К. Старосельской – М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2019. – 896 с.
3. Стыпула Р., Ковалёва Г.В. Новый польско-русский словарь. – М.: Русский язык. Медиа, 2005. – 723 с.
4. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Wyd. 8. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1998. – 806 s.
5. Rospond S. Gramatyka historyczna języka polskiego. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1973. – 392 s.
6. Pasek J.-Ch. Pamiętniki (Wybór). Literatura z opracowaniem / opracował T. Macios. – Kraków: Wydawnictwo Zielona Sowa, 2007. – 176 s.
7. Sienkiewicz H. Ogniem i mieczem. Powieść. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1960. – Т. I. – S. 504-525.
8. Słownik języka Jana Chryzostoma Paska / red. H. Konieczna i W. Doroszewski. – Wrocław, Warszawa, Kraków: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1962. – 515 s.
9. Słownik polszczyzny XVI wieku. – Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1978. – Т. XI. – 634 s.

References in Roman script

1. Ananyeva N.Y. Kratkyi ocherk istorii sintaksysa polskogo jazyka. Ychebnoye posobyie k kursu "Istoria i dialektolodya polskogo yazyka" dla studentov filologicheskikh fakultetov gosudarstviennykh vuzov. – М.: Книга и бизнес, 2006. – 31 s.
2. Sienkiewicz H. Ogniem i mechom: roman. Perevod A. Epelja, K. Staroselskoj. – М.: Inostranka, Azbuka-Attikus, 2019. – 896 s.
3. Stypula R., Kovalova G.V. Novyi polsko-russkyi slovar`. – М.: Russkyi yazyk. Media, 2005. – 723 s.
4. Brückner A. Slovnik etymologychny yenyzyka polskiego. Wyd. 8. – Varshava: Viedya Povshehna, 1998. – 806 s.
5. Rospond S. Gramatyka historychna yenyzyka polskiego. – Warshava: Panstwowe Vydawnictwo Naukowe, 1973. – 392 s.

6. Pasek J.-Ch. Pamientniki (Wybur). Literatura z opracowaniem / opracował T. Macios. – Kraków: Wydawnictwo Zielona Sowa, 2007. – 176 s.
7. Sienkiewicz H. Ogniem i miechem. Powiesc. Varshava: Panstwowy Instytut Wydawnichy, 1960. – T. I. – S. 504-525.
8. Słownik języka Jana Hryzostoma Paska / red. H. Konieczna i W. Doroshevsky. – Wrocław, Warszawa, Kraków: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1962. – 515 s.
9. Słownik polszczyzny XVI wieku. – Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdansk: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1978. – T. XI. – 634 s.

References

1. Ananyeva N. E. A brief outline of the history of syntax of the Polish language. Textbook for the course "History and dialectology of the Polish language" for students of philological faculties of state universities. - Moscow: Book and business, 2008, 31 p. (in Russian).
2. Sienkiewicz H. Fire and sword: novel. Translated by A. Eppel, K. Staroselskaya. – Moscow: Inostranka, Azbuka-Atticus, 2019, 896 p. (in Russian).
3. Stypula R., Kovaleva G. V. Russian dictionary. New Polish-Russian dictionary. - Moscow: Russian language. Media, 2005, 723 p. (in Russian).
4. Brückner A. Etymological Dictionary of the Polish language. Ed. 8. - Warsaw: Wiedza Powszechna, 1998, 806 p. (in Polish).
5. Rospond S. The historical grammar of the Polish language. - Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1973, 392 p. (in Polish).
6. Pasek J.-Ch. Memoirs (Selection). Literature edited / edited by T. Macios. - Kraków: Wydawnictwo Zielona Sowa, 2007, 176 p. (in Polish).
7. Sienkiewicz H. Fire and sword. Novel. Warsaw: Państwowy Instytut Wydawnichy, 1960. - Vol. I, pp. 504-525. (in Polish).
8. Dictionary of the language of Jan Chrysostom Pasek / edited by H. Konieczna and W. Doroszewski. - Wrocław, Warsaw, Kraków: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1962, 515 p. (in Polish).
9. Polish dictionary XVI century. - Wrocław, Warsaw, Kraków, Gdansk: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1978. Vol. XI, 634 p. (in Polish).

УДК 811.111' 25

Хайдарова Ирина Наилевна
кандидат филологических наук, доцент
Пермский национальный
исследовательский
политехнический университет
Россия, г. Пермь
E-mail: khaydarova-perm@yandex.ru

Khaydarova Irina Nailevna
Associate Professor, Ph.D. in Philology
Perm National Research
Polytechnic University
Russia, Perm
E-mail: khaydarova-perm@yandex.ru

Глазунова Алина Олеговна
бакалавр
Пермский национальный
исследовательский
политехнический университет
Россия, г. Пермь
E-mail: alick_glazunova@mail.ru

Glazunova Alina Olegovna
Bachelor
Perm National Research
Polytechnic University
Russia, Perm
E-mail: alick_glazunova@mail.ru

И.Н. Хайдарова, А.О. Глазунова
**ПРЕПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕХНИЧЕСКИХ
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛОКАЦИЙ В СФЕРЕ МЕТАЛЛУРГИИ:
КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ**

Аннотация. Авторы статьи исследуют перевод в сфере языка для специальных целей на примере текстов в области металлургии. В центре исследования – технические терминологические коллокации, перевод которых вызывает трудности для лингвиста-переводчика. Одним из путей преодоления этих трудностей является создание образных схем терминируемых единиц, которые можно рассматривать как одну из форм препереводческого анализа специального технического текста. Исследование выполнено в русле когнитивного подхода к переводу, который реализуется, во-первых, за счет опоры на концепцию переводческого пространства как синергетическую модель перевода, во-вторых, за счет использования образных схем анализа терминов. Результатом исследования является разработка собственных схем анализа технических терминологических коллокаций на английском языке в сфере металлургии, которые являются смысловыми доминантами технического текста. В работе установлено, что создание образных схем терминологических коллокаций обуславливает порождение гармоничного текста перевода.

Ключевые слова: технический текст, технический перевод, термин, терминологическая коллокация, язык для специальных целей, образная схема, гармоничный перевод, переводческое пространство

I.N. Khaydarova I.N., A.O. Glazunova
**PRETRANSLATION ANALYSIS OF TECHNICAL TERMINOLOGICAL
COLLOCATIONS IN THE METALLURGY: COGNITIVE ASPET**

Abstract. The authors of the article address the problem of translation in the field of language for the special purposes, choosing technical texts in the metallurgy as material for analysis. The study focuses on technical terminological collocations, the translation of which causes difficulties for the linguist-translator. One way to overcome these difficulties is to create figurative schemes of terminated units, which can be considered as one of the forms of pre-translation analysis of a special technical text. The study was carried out in line with the cognitive approach to translation, which is realized, firstly, by relying on the concept of translation space as a synergistic translation model and secondly, by using figurative schemes. The result of the study is the development of our own schemes for the analysis of technical terminological collocations in English in metallurgy, which are the

semantic dominants of the technical text. It is established in the work that the creation of figurative schemes of terminological collocations causes the creation of a harmonious translation of the text.

Keywords: technical text, technical translation, term, terminological collocation, Language for Specific Purposes, figurative scheme, harmonious translation, translation space

Введение

Проблема перевода в сфере языка для специальных целей (LSP) активно изучается отечественными и зарубежными учеными в течение нескольких десятилетий. На сегодняшний день существует множество подходов к анализу технического перевода, каждый из которых рассматривает его с разных позиций. Внедрение когнитивного подхода в переводоведение вносит новый импульс в практику переводческого и предпереводческого анализа технического текста. Речь идет о языковой личности переводчика, о его профессиональном переводческом мышлении, особой переводческой картине мира.

В основу нашей работы положены идеи, выдвинутые Л.В. Кушиной в концепции переводческого пространства, которая представляет собой синергетическую модель перевода [7], [8]. Согласно данной концепции, в переводческом пространстве формируется множество разнородных эксплицитно-имплицитных смыслов, синергия которых обуславливает естественное вхождение текста перевода в принимающую культуру. Особую роль в переводческом пространстве играет поле переводчика, в котором формируется индивидуально-образный смысл как результат постижения подтекста – глубинного смысла текста. Именно в сознании переводчика происходит синергия смыслов всей полей переводческого пространства, что приводит к качественному, гармоничному переводу текста. Гармония – это не красивая метафора, а критерий качественного перевода, который может быть применен к текстам различных функциональных стилей, которые относятся к различным сферам коммуникации. Объектом нашего исследования является сфера языка для специальных целей (LSP) или техническая коммуникации, представленная текстами в сфере металлургии.

В чем мы видим значимость данной концепции при изучении языка для специальных целей, в частности, при переводе технического текста с английского языка на русский в сфере металлургии? Прежде всего, это связано с переводящей личностью. Как известно, на практике именно переводчики-гуманитарии выполняют технические переводы, что вызывает значительные трудности. В связи с этим необходимо облегчить процесс понимания смысла текста переводчиком. В связи с этим мы посчитали необходимым расширить возможности формирования индивидуально-образного смысла в поле переводчика за счет использования стратегий предпереводческого анализа текста. Так мы обратились к стратегии, разработанной Т.И. Орел, которая предложила прием составления образных схем. Изучая технические термины и технические терминологические коллокации, выступающие смысловыми доминантами технического текста, мы составили для каждой из них образные схемы, что позволило достичь гармоничного перевода технического текста. В рамках данной статьи мы анализируем процесс создания образной схему технической терминологической коллокации при ее переводе с английского языка на русский.

Постановка проблемы

В отечественной науке нет единого, универсального определения для технического текста. А. Л. Буран определяет технический текст как «особую единицу коммуникации с единой системой терминологии, имеющей однозначное толкование и понимание среди специалистов определённой профессиональной сферы» [4].

В западной теории перевода существует мнение, что «технические языки аналогичны иностранным языкам: они используются определёнными группами людей, которые разделяют некоторые общие действия или интересы; их элементы, хотя и разные по форме, эквивалентны по значению и могут быть переведены с одного на другой язык и изучены с соответствующей подготовкой и практикой» [14], [17].

Наравне с различными трактовками анализа технического текста, существует множество дефиниций технического термина в лингвистике. Появление специальной отрасли технического знания предусматривает создание собственного терминологического аппарата, так как терминосистемы включают в себя совокупность языковых единиц, обозначающих объекты и явления определенной технической сферы.

Л.М. Алексеева считает, что «наиболее слабым звеном в теории терминоведения до сих пор остается выяснение природы термина, поскольку термин представляет собой не только многоаспектный, но и внутренне противоречивый объект исследования» [1, с. 17]. «Термин – лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [9, с. 26].

Зарубежные ученые описывают «термин» как «Das zusammengehörige Paar aus einem Begriff und seiner Benennung als Element einer Terminologie» [16, с. 112]. («Связанная пара понятий и их именованье как элемент терминологии». - пер. наш А.Г.)

Для правильного перевода термина от переводчика требуется понимание специфики терминологии в обоих языках, как в ИЯ, так и в ПЯ. Переводчик должен не только знать оба языка, но также хорошо разбираться в предмете, отрасли, к которой относится перевод. Сложности перевода термина в технических текстах заключается в его многозначности. А.В. Федоров утверждал, что «так же, как и обычные слова, [термины] могут быть многозначны, выступая и в области техники или науки как названия различных вещей и понятий в зависимости от контекста», а «условием верного перевода, т. е. выбора нужного слова из числа тех, какие служат передачей термина подлинника в разных его значениях, является правильное понимание того, о чем в контексте идет речь, т. е. знание явлений действительности и их названий» [13, с. 297–298].

При исследовании технических текстов мы непосредственно сталкиваемся с сочетаемостью слов, что в комбинаторной лингвистике обозначается термином «коллокация». В языке коллокации рассматриваются в качестве идиоматического выражения.

Впервые данный термин был употреблен У. Фаулером в 1857 году в значении «внутренней структуры группы слов при описании комбинаторных способностей частей речи» [10, с. 121].

В нашей работе мы опираемся на определение коллокации, предложенное М.В. Влавацкой, согласно которой коллокация понимается как устойчивое словосочетание: «коллокации обычно образуются в процессе изменения значений слов в результате переосмысления отдельных компонентов словосочетания. Основной признак коллокаций – сохранение лексического значения одним из компонентов при устойчивости словосочетания в целом, и отсутствие или ослабление значения образности и эмоционально оценочной нагрузки» [5, с. 80].

Е.И. Архипова различает следующие типы коллокаций: 1) традиционные – нормативные стандартные словосочетания; 2) экспрессивные – нормальные словосочетания, использующиеся для выражения экспрессивного значения; 3) этнокультурные – передающие национально-культурную специфику определенного

этноса; 4) окказиональные – индивидуально-авторские словосочетания, в которых нарушается лексико-семантическая сочетаемость; 5) терминологические – относящиеся к определенной области знаний. [2, с. 27].

Л.М. Пивоварова относит к терминологическим коллокациям «не однословные термины», которые, в сравнении с коллокациями естественного языка, понимаются как «неслучайное сочетание двух и более лексических единиц, характерное как для языка в целом, так и определенного типа текстов». [12, с. 214].

При переводе терминологических коллокаций мы опирались на принцип концептуализации, позволяющий рассмотреть процесс формирования и функционирования коллокации.

Н.Н. Болдырев описывает концептуализацию как «познавательный процесс выделения и осмысления объектов, событий, их связей и характеристик и закрепления результатов познания в виде единиц знания – концептов» [3, с. 180]. Знания, полученные в результате познания, необходимо четко структурировать и схематизировать. Это одно из важных условий для адекватной работы когнитивной системы. Структурированность информации может происходить с помощью когнитивных схем.

Н.Н. Болдыревым было предложено два типа когнитивных схем, а именно: общие или конвенциональные и частные или субъективные.

Общие схемы имеют относительный характер и связаны со структурированием языка в целом. К данному типу относятся: концепты, категории и пропорции [6].

Частные схемы включают в себя структурную специфику определенных концептуальных систем. К ним относятся: конкретные концепции и категории, метафорические и метонимические модели.

Основная идея когнитивной стратегии, которую предложила Т.И. Орел, заключается в том, что каждая коллокация может иметь узкое и широкое значение. В связи с этим, определенная коллокация может изменять свое значение в зависимости от ситуации. По мнению Т.И. Орел, «если слово переходит из более широкой сферы в более узкую, например, из общенародной лексики в какую-нибудь специальную, то в нем происходит уточнение значения» [11, с. 141]. Таким образом, может происходить и обратный процесс, то есть расширение значения. Образная схема понимается как повторяющийся динамический образец процессов восприятия и моторных программ, придающий связность и структурированность нашему опыту.

Результаты исследования

В основу эмпирического анализа технических терминологических коллокаций положено моделирование образных схем, разработанное Т.И. Орел для исследования терминов. Согласно предложенной Т.И. Орел когнитивной стратегии, образные схемы могут быть разных видов, а именно *Источник-путь-цель*, *Источник – информация-цель*, *Часть-целое*. *Вместилище*.

Прежде чем приступить к процессу моделирования образных схем, обратимся к лексикографическому анализу.

Рассмотрим техническую терминологическую коллокацию «*bogie hearth furnace for heat treatment*». Согласно данным пособия по металлургии, выбранная для анализа коллокация - это «a heating installation, consisting of a fixed metal frame lined with refractory material, with electric or gas heating and a retractable structure (bogie), which is a mobile cart lined with refractory material and used to load material for heating and unload it after heating» [15, с.119] (*Нагревательная установка, состоящая из неподвижного металлического каркаса зафутерованного огнеупорным материалом, с электрическим или газовым нагревом и выдвижной конструкцией (подом), представляющей из себя*

передвижную телегу, зафутерованную огнеупором, и служащую для загрузки материала для нагрева и разгрузки после нагрева.. – пер. наш – Г.А.)

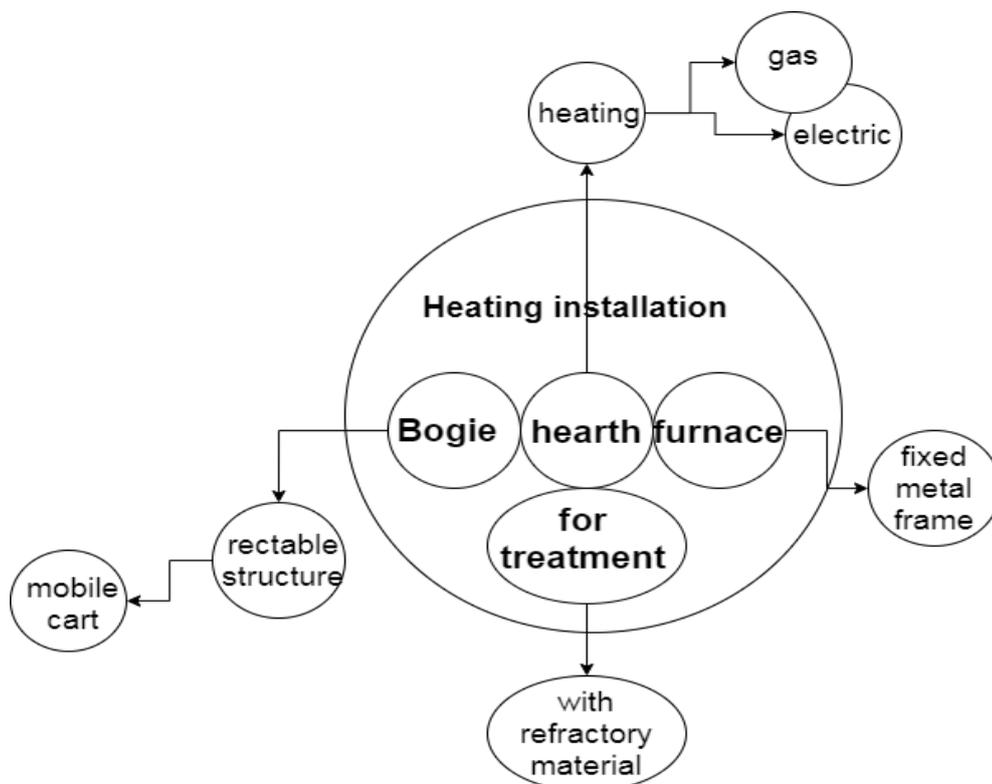

Схема. 1. Образная схема коллокации «Bogie hearth furnace for treatment»

На Схеме 1 представлено расширенное значение выбранной нами коллокации.

Расширенная образная коллокация представлена следующим образом: *Bogie hearth furnace for treatment* → *heating installation*.

Далее каждый компонент коллокации принимает свое расширенное значение, а именно: *bogie* → *rectable structure* → *mobile cart*; *hearth* → *heating* → *electric\gas*; *furnace* → *fixed metal frame*; (*for*) *treatment* → (*with*) *refractory material*.

Рассмотрим более подробно данную схему. *Bogie hearth furnace for treatment* нечь с выкатным подом для термообработки может выступать в роли *heating installation* нагревательной установки. Последующие «расширения» относятся к значимым единицам коллокации. В данном случае *bogie* под является *rectable structure* выдвижной конструкцией, а конструкция, понимается как *mobile cart* передвижная телега; *hearth* нагрев. При этом нагрев может быть двух видов: *electric* электрический или *gas* газовый; *furnace* нечь представляется *fixed metal frame* установка с неподвижным металлическим каркасом, и (*for*) *treatment* (для) термообработка → (*with*) *refractory material* (с) зафутерованный огнеупорный материал., то есть для термообработки необходим определенный материал.

Данная схема может быть представлена в виде *Вместилища*, то есть тот объект, который обозначен данной коллокацией, используется как вместилище данных.

На основе представленной выше образной схемы исследуемой коллокации была выбрана статья на английском языке с официального сайта компании Therelek

Engineers [<https://www.therelek.com>]. Затем был выполнен перевод статьи на русский язык. Представим фрагмент оригинала и перевода.

Оригинал (английский язык)	Перевод (русский язык)
<p>«Bogie Hearth furnaces are used for stress relieving, normalizing heating of forging billets. They are also used for pack carburizing, annealing wherein temperature raising and cooling rates are to be controlled precisely to meet the quality requirement of the material. Furnaces are designed with rate of heating and cooling by forced air circulation and venting of hot air etc.» [https://www.therelek.com]</p>	<p>Печи с выкатным подом для термообработки используются для снятия напряжений, нормализуя нагрев ковочных заготовок. Они также используются для науглероживания, отжига в упаковках, в которых скорость повышения температуры и скорость охлаждения должны строго контролироваться для удовлетворения требований к качеству материала. Печи рассчитаны для скоростного нагрева и охлаждения путем принудительной циркуляции воздуха, вентиляции горячего воздуха и т. д..</p>

Мы констатируем, что данный перевод стал возможен благодаря использованию описанной выше стратегии предпереводческого анализа технической терминологической коллокации, придающей тексту доминантный смысл: «*bogie hearth furnace for treatment*».

Выводы.

Как показало наше исследование, когнитивный подход к анализу процесса перевода технических терминологических коллокаций позволяет лингвисту-переводчику достичь гармоничного перевода технического текста в профессиональной сфере деятельности. Когнитивное видение процесса перевода предполагает создание образных схем в том случае, если терминологическая коллокация представляет трудности для понимания. Соотнесение образной схемы коллокации с контекстом компенсирует недостающие инженерные знания лингвиста-переводчика, расширяя его когнитивные возможности. Создание образных схем технических терминологических коллокаций может стать важнейшим инструментом предпереводческого анализа. Выполнение собственно перевода осуществляется более эффективно и успешно. Результатом когнитивной деятельности переводчика является гармоничный текст перевода, который естественно воспринимается специалистами в данной сфере технической коммуникации.

Библиографический список

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: учеб. Пособие для филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004.– 352 с.
2. Архипова Е.И. Этнокультурные коллокации как средство активизации элементов когнитивного сознания // Наука. Технологии. Инновации. – Новосибирск: изд-во НГТУ, 2015. Ч.8 – С. 314–316.
3. Болдырев Н. Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка. Тамбов. – 2008. – С. 11–29.
4. Буран А. Л. К вопросу об основных лингвистических характеристиках технического текста // Вестник Томского государственного педагогического университета.– 2012.– № 4 (119). – С. 97–99.
5. Влавацкая М.В. Комбинаторная лингвистика. Аспекты изучения сочетаемости слов: монография. – Новосибирск: изд-во НГТУ, 2016.– С. 244

6. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира.–М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
7. Кушникова Л.В. (1). Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. – Пермь: ПНИПУ, 2009. – 196с.
8. Кушникова Л.В. (2). Культурная парадигма перевода //Стереотипность и творчество в тексте. Межвуз. сб научн. тр. Под редакцией М.П. Котуровой.– Пермь: ПГНИУ, 2016. – С. 130–139.
9. Лейчик В.М. Когнитивное переводоведение –пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины XX-XXI вв. // Стереотипность и творчество в тексте. Межвуз. сб научн. тр. Под редакцией М.П. Котуровой.– Пермь: ПГНИУ, 2007.– С. 26–45.
10. Некрасова О.А. Лингвистические коллокации английского языка и факторы, влияющие на процесс образования // Вестник Московского государственного областного университета. – Москва: изд-во МГОУ, 2017. – №5 – С. 12–131.
11. Орел Т.И. Методика описания терминосистем посредством образных схем (на материале английской терминосистемы телекоммуникации) //Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания: сб. научн. тер. /Под ред. Л. А. Манерко; Институт языкознания РАН; Ряз. гос. ун-т имени С. А. Есенина. — М.: Рязань; 2007. — Вып. 5. — С. 141—148.
12. Пивоварова Л.М, Ягунова Е.В. Извлечение и классификация терминологических коллокаций на материале лингвистических научных текстов // материалы симпозиума «Терминология и знание». – Москва: [Б. и.], 2010. – С. 214–229.
13. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М., 2002. – 416 с.
14. Федюченко Л.Г. Технический текст как объект перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 7. – С. 292–296.
15. Handbook of Metallurgy, Vol. 2 (Classic Reprint) by Dr. Carl Schnabel (Author), 2017. – 886 p.
16. Müller, I. Die Übersetzung von Abstracts aus translationswissenschaftlicher Sicht. – Berlin: Frank & Timme, 2008.– 376 p.
17. Patixño P. Towards a Definition of Specialized Collocation // ISP in Colombia: advantages and allenges, Linguistic Insights – Studies in Language and Communication.– Bern:Peter Lang, 2013. – pp. 119–13.
- 18.

References in Roman script

1. Alekseeva I.S. Vvedeniye v perevodovedeniye/ Posobiye dlya filol. i lingv. fak. Vissch.ucheb.zavedeniy. SPB.: Filologicheskiiy fakultet; M.: Akademiya, 2004. – 352 s.
2. Arkhipova E.I Etnokulturnie kollokatii kak sredstvo aktivizatsii elementov kognitivnogo soznaniya // Nauka. Technologiya. Innovatiya. – Novosibirsk: izd-vo NGTU, 2015, ch. 8 – s. 314-316.
3. Boldyrev N. N. Prinzipi i metodi kognitivnih issledovaniy yazika \ Prinzipi i metodi kognitivnih issledovaniy yazika, Tambov, - 2008. – s. 11-29.
4. Buran A. L. K voprosu ob osnovnih lingvisticheskikh harakteristikah technicheskogo teksta \ Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2012. № 4 (119). - S. 97-99.
5. Vlavatskaya M.V. Kombinatornaya lingvisitka. Aspekti izucheniya sochetaemosti slov: monografiya. - Novosibirsk: izd-vo NGTU, 2016. – s. 244.
6. Kubryakova E.S Yazik i znaniye. Na puti polucheniya znaniy o yazike: chaste rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol yazika v poznanii mira \ E.S. Kubryakova. – M.: Yaziki slavyansloy kulturi, 2004. – 560 s.
7. Kushnina L.V. Teoria garmonizatsii: opyt kognitivnogo analiza perevodcheskogo prostranstva. Perm, PNIPU, 2009. – 196 s.
8. Kushnina L.V. Kulturnaia paradigma perevoda //Stereotipnost I tvorchestvo v texte. Mezh.vuz. sb. nauchn. tr. pod red. M.N. Kotyurovoi, Perm, PGNIU, 2016.- S. 130-139.
9. Leitchik V.M.Kognitivnoie perevodovedenie – piaty etap razvitia terminovedenia kak veduschei nauchnoi distsipliny XX-XXI vv. // Stereotipnost I tvorchestvo v texte. Mezh.vuz. sb. nauchn. tr. pod red. M.N. Kotyurovoi, Perm, PGNIU, 2007. – S. 26–45.

10. Nekrasova O.A. Lingvisticheskiye kollokacii angliyskogo yazika i faktori, vliyaushie na process obrazovaniya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. – Moskva: izdvo MGOU, 2017. - №5. – S. 120-131.
11. Orel T.I. Metodika opisaniya terminosostemi posredstvom obraznih shem (na material angliyskoy terminosistemi telekommunikacii) // Kognitivnaya lingvistika: novie problem poznaniya: sb. Nauchn. Ter. \ pod. Red. L.A. Manerko; Institut yazikoznnyi RAS; Ryaz. Gos. Un-t imeni S. A. Yesenin. - M.: Ryazan; 2007. - Vipusk. 5. - S. 141-148.
12. Pivovarova L.M., Yagunova E.V. Izvlecheniye I klassificatiya terminologicheskikh kollokacii namateriale lingvisticheskikh nauchnih tekstov // materiali simposiuma «Terminologiya I znaniye». – Moscow: [B. i.], 2010. – S. 214-22.
13. Fedorov A.V. Osnovi obshey teorii perevoda. M., 2002. – 416 s.
14. Fedyuchenko L.G. Technocheskiy tekst kak object perevoda // Filologicheskiye nauki. Voprosi teorii i proktiki. Tambov: Gramota, 2019. Tom 12. Vipusk 7. - S. 292-296.
15. Handbook of Metallurgy, Vol. 2 (Classic Reprint) by Dr. Carl Schnabel (Author), 2017, 886 p.
16. Müller, I. Die Übersetzung von Abstracts aus translationswissenschaftlicher Sicht / I. Müller. Berlin: Frank & Timme, 2008. – 376 S.
17. Patino P. Towards a Definition of Specialized Collocation // ISP in Colombia: advantages and allenges, Linguistic Insights – Studies in Language and Communication.– Bern:Peter Lang, 2013. –S. 119-133 p.

References

1. Alekseeva I.S. Introduction to translation: studies. allowance for filol. and lingual. Fak. higher textbook. institutions. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University; M.: Academy, 2004. – 352 p. (In Russian).
2. Arkhipova E.I. Ethnocultural collocations as a means of activating elements of cognitive consciousness // Science. Technologies. Innovation - Novosibirsk: NSTU Publishing House, 2015. Part 8, pp. 314–316. (In Russian).
3. Boldyrev N. N. Principles and methods of cognitive language studies // Principles and methods of cognitive language studies. Tambov, 2008, pp. 11–29. (In Russian).
4. Buran A. L. On the question of the main linguistic characteristics of a technical text // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2012. No. 4 (119), pp. 97–99. (In Russian).
5. Vlavatskaya M.V. Combinatorial Linguistics. Aspects of the study of the compatibility of words: monograph. - Novosibirsk: NSTU publishing house, 2016.– p. 244
6. Kubryakova E.S. Language and knowledge. Towards gaining knowledge of the language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world. – M. : Languages of Slavic culture, 2004. – 560 p. (In Russian).
7. Kushnina L.V. Harmonization theory: experience in cognitive analysis of translation space. Perm, PNIPU, 2009. – 196 p. (In Russian).
8. Kushnina L.V. Cultural paradigm of translation // Stereotyping and creativity in the text. Bulletin of scientific works. Ed. by Koturova, Perm, PGNIU, 2016, pp. 130–139. (In Russian).
9. Leitchik V.M. Cognitive translation - the fifth stage in the development of terminological science as a leading scientific discipline // Stereotyping and creativity in the text. Bulletin of scientific works. Ed. by Koturova, Perm, PGNIU, 2007, pp. 26–45. (In Russian).
10. Nekrasova O.A. Linguistic collocations of the English language and factors affecting the education process // Bulletin of Moscow State Regional University. – Moscow: publishing house of MGOU, 2017.– No. 5– pp. 120–131. (In Russian).
11. Orel T.I. Methodology for describing terminological systems by means of imaginative schemes (based on the English terminological system of telecommunications) // Cognitive linguistics: new problems of cognition: collection of articles. teach. ter. / Ed. L. A. Manerko; Institute of Linguistics, RAS; Ryaz. state University named after S. A. Yesenin. - M. : Ryazan; 2007. - Issue. 5. - pp. 141–148. (In Russian).
12. Pivovarova L.M., Yagunova E.V. Extraction and classification of terminological collocations on the material of linguistic scientific texts // materials of the symposium “Terminology and knowledge“. – Moscow: [B. i.], 2010. – pp. 21–229. (In Russian).

13. Fedorov A.V. Fundamentals of the general theory of translation. М., 2002. 416 s. (In Russian).
14. Fedyuchenko L.G. Technical text as an object of translation // Philological Sciences. Questions of theory and practice of Tambov: Diploma, 2019. Volume 12. Issue 7. – pp. 292–296. (In Russian).
15. Handbook of Metallurgy, Vol. 2 (Classic Reprint) by Dr. Carl Schnabel (Author), 2017. – 886 p.
16. Müller, I. Die Übersetzung von Abstracts aus translationswissenschaftlicher Sicht. – Berlin: Frank & Timme, 2008.– 376 p.
17. Patino P. Towards a Definition of Specialized Collocation // ISP in Colombia: advantages and allenges, Linguistic Insights – Studies in Language and Communication.– Bern:Peter Lang, 2013. – pp. 119–13.

РЕЦЕНЗИИ

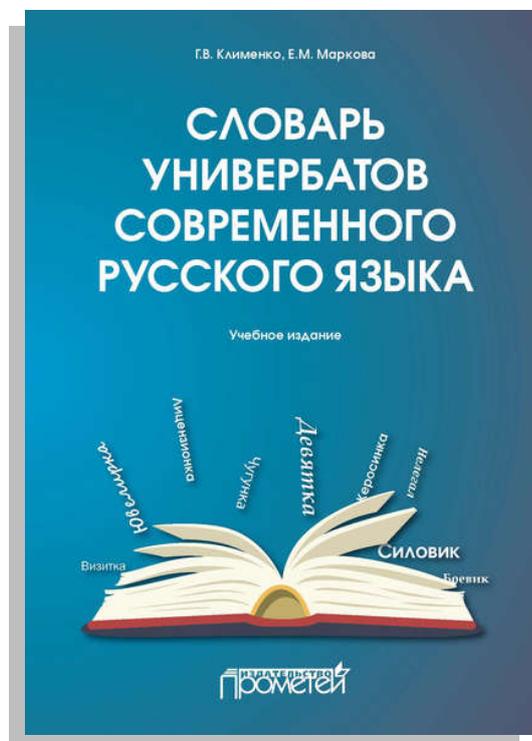
УДК 811.161.1

Лесневска Димитрина Спасова
 доктор филологии, доцент
 Университет национального и мирового
 хозяйства
 Болгария, г. София
 e-mail: demetra3@gmail.com

Lesnevskaya Dimitrina Spasova
 Assistant Professor, Ph.D. in philology
 University of National and World Economy
 Bulgaria, Sofia
 e-mail: demetra3@gmail.com

Д.С. Лесневска

**КЛИМЕНКО Г.В., МАРКОВА Е.М. СЛОВАРЬ УНИВЕРБАТОВ
 СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА. УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ. – МОСКВА:
 ПРОМЕТЕЙ, 2019. – 112 С. ISBN: 978-5-907166-82-0**

Аннотация. В рецензии рассматривается первый учебный словарь универбатов современного русского языка. Данный словарь относится к типу толково-словообразовательных словарей. Представлен новый лексикографический подход, объединяющий толкование и словообразование. В словаре представлено свыше 600 универбатов, образованных путем компрессии словосочетаний (прилагательное + существительное) в однословное субстантивное наименование, причем дается комплексная характеристика: лексическая, словообразовательная и грамматическая, что дает возможность использовать данное учебное пособие как ценный источник информации на занятиях по русскому языку как иностранному. В словаре систематизировано явление универбации, характерное для современных славянских языков.

Ключевые слова: словарь, универбат, универбация, современный русский язык

D.S. Lesnevskaya

**KLIMENKO G. V., MARKOVA E. M. DICTIONARY OF MODERN RUSSIAN
 LANGUAGE. STUDY TEXTBOOK. – MOSCOW: PROMETHEUS, 2019. – 112 P.
 ISBN: 978-5-907166-82-0**

Abstract. The review examines the first educational dictionary of the modern Russian language. This dictionary belongs to the type of explanatory and derivational dictionaries. A new lexicographic approach combining interpretation and word formation is presented. The dictionary contains more than 600 universal units formed by compressing phrases (adjective + noun) into a single-word substantive name, and provides a comprehensive description: lexical, word-forming and grammatical, which makes it possible to use this textbook as a valuable source of information in classes on Russian

as a foreign language. The dictionary systematizes the phenomenon of univerbation, which is typical for modern Slavic languages.

Keywords: dictionary, univerb, univerbation, modern Russian language

Рецензируемый словарь универбатов современного русского языка» является первым учебным словарём универбатов современного русского языка. Данный словарь относится к типу толково-словообразовательных словарей, вызывающих интерес своим новым лексикографическим подходом, совмещающим толкование и словообразование¹. В словаре представлено свыше 600 универбатов, образованных путем компрессии словосочетаний (прилагательное + существительное) в однословное субстантивное наименование, причем дается комплексная характеристика: лексическая, словообразовательная и грамматическая, что дает возможность использовать данное учебное пособие как ценный источник информации на занятиях по русскому языку как иностранному (РКИ). В словаре систематизировано активное в наше время явление универбации, приведены интересные иллюстративные примеры из литературы, публицистики, Национального корпуса русского языка и живой разговорной речи с указанием источников, что повышает его информативную ценность.

В современной славистике активно исследуются проблемы универбации. Так, на XVI Международном конгрессе славистов в Белграде, Сербия, 20 – 27 августа 2018 г. широко обсуждались современные деривационные процессы в славянских языках в их отношении к языковой экономии, типологические тенденции к аналитизму и синтетизму [1], [4]. В славянских языках образуются универбаты, оформленные главным образом при помощи суффиксации: болг. *кабеларка, маршрутка, офшорка*; рус. *аварийка, валютка, кредитка*; чеш. *minerálka, nEDĚLNÍK*; укр. *мобільник*; белорус. *магнітка*; польск. *dROGÓWKA, wizytÓwka* [4, с. 20 – 21]. Ценность и актуальность рецензируемого словаря состоит в том, что в нем дается исчерпывающая языковая характеристика на уровне лексики, деривации и грамматики частотных универбатов современного русского языка, образованных посредством конденсации в рамках универбации, одного из наиболее активных словообразовательных процессов в славянских языках.

Производит впечатление предисловие словаря, где уточнены теоретические вопросы, касающиеся универбации, которая трактуется неоднозначно. Рецензентами словаря являются известные в русистике языковеды и методисты доктор пед. наук, профессор И.В. Бугаева и доктор пед.наук, профессор Н.С. Шаталова. Авторы словаря Г.В. Клименко и Е.М. Маркова – видные русские ученые. Елена Михайловна Маркова, доктор филологических наук, профессор Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина (Москва) и Католического университета в Ружомберке (Словакия), является крупным специалистом в области славистики [3]. В предисловии приводятся различные точки зрения на явление универбации [2], [3], [5]. Выделены тематические группы универбатов, представлено построение словарных статей, даются сведения об источниках языкового материала.

Каждая словарная статья включает в себя универбат, предъявляемый с ударением, его основные грамматические характеристики, производящее словосочетание, словообразовательную модель, толкование и контекст употребления. Приводятся иллюстрации с источником, стилистические примечания.

Например:

¹ ЕФРЕМОВА Т. Ф. НОВЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА. ТОЛКОВО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ. – М.: РУССКИЙ ЯЗЫК, 2000

Бархотка (прост.) -и, ж. **Бархатная** ткань + **отк(а)**. Кусок мягкой ворсистой ткани, предназначенной для чистки обуви. *Нанеси крем на ботинки, а потом отполируй их бархоткой до блеска* [из живой речи];

Безнал -а, м. Безналичный расчёт, бессуфф. *Но сейчас многие руководители районных администраций, колхозов, предприятий просят нас поскорее перевести их на «безнал»* [В. Демченко. Чутокке — банкомат // Известия. 09.02.2002];

Боковик -а, м. **Боковой** ветер + **ик**. *Океан парил, и сильный боковик нёс туман на взлётную полосу* [Н. Черкашин. Полёт «на полный радиус» (1984)].

Рецензируемый словарь ориентирован на иностранных учащихся, изучающих современный русский язык и знакомящихся с реалиями русской жизни. Данный словарь вносит существенный вклад в исследования деривационных процессов в славянских языках.

Библиографический список

1. Балтова Ю. Активните словообразователни процеси в съвременните славянски езици и типологичните тенденции към аналитизъм и синтетизъм // Славянска филология. Т. 26. Доклади за XVI Международен конгрес на славистите. Белград, Сърбия, 20 – 27 август 2018. – София: БАН «Проф. Марин Дринов», 2018. – С. 29 – 36.
2. Дозорова Д.В. Тематические сферы употребления универбатов в современной русской речи [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Вестник МГОУ». – 2015. – № 1. www.evestnik-mgou.ru.
3. Маркова Е.М. Глагольная универбация в свете славянского словообразования // Русский язык в поликультурном мире. II Международный симпозиум (8-12 июня 2018 г.): Сборник научных статей. Том 1 / Отв. редактор Е.Я Титаренко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 232 – 238.
4. Радева В. Деривационните процеси в славянските езици в отношението им към езиковата икономия // Славянска филология. Т. 26. Доклади за XVI Международен конгрес на славистите. Белград, Сърбия, 20 – 27 август 2018. – София: БАН «Проф. Марин Дринов», 2018. – С. 18 – 28.
5. Устименко И.А. Явление семантической конденсации в русском словообразовании: Пособие к спецкурсу. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – 132 с.

1.

References in Roman script

1. Baltova Yu. Aktivnite slovoobrazovatelni protsesi v savremennite slavyanski ezitsi i tipologichnite tendentsii kam analitizam i sintetizam // Slavyanska filologiya. T. 26. Dokladi za XVI Mezhdunaroden kongres na slavistite. Belgrad, Sarbiya, 20 – 27 avgust 2018. – Sofiya: BAN «Prof. Marin Drinov», 2018. – S. 29 – 36.
2. Dozorova D.V. Tematicheskiye sfery upotrebleniya univerbatov v sovremennoy russkoy rechi [Elektronnyy resurs] // Elektronnyy zhurnal «Vestnik MGOU». 2015. № 1. www.evestnik-mgou.ru.
3. Markova YE.M. Glagol'naya univerbatsiya v svete slavyanskogo slovoobrazovaniya // Russkiy yazyk v polikul'turnom mire. II Mezhdunarodnyy simpozium (8-12 iyunya 2018 g.): Sbornik nauchnykh statey. Tom 1 / Otv. redaktor YE.Ya Titarenko. Simferopol': IT «ARIAL», 2018. 552 s. – S. 232 – 238.
4. Radeva V. Derivatsionnite protsesi v slavyanskite ezitsi v otnoshenieto im kam ezikovata ikonomiya // Slavyanska filologiya. T. 26. Dokladi za XVI Mezhdunaroden kongres na slavistite. Belgrad, Sarbiya, 20 – 27 avgust 2018. – Sofiya: BAN «Prof. Marin Drinov», 2018. – S. 18 – 28.
5. Ustimenko I.A. Yavleniye semanticheskoy kondensatsii v russkom slovoobrazovanii: Posobiye k spetskursu / I.A.Ustimenko. Belgorod: Izd-vo BelGU, 2007. – 132 s.

References

1. Baltova Yu. Active word-formation processes in modern Slavic languages and typological trends towards analyticism and synthetism // *Slavic Philology*. Vol. 26. Reports for the international Congress of Slavists. Belgrade, Serbia, 20-27 August 2018. – Sofia: BAS "Prof. Marin Drinov", 2018, pp. 29-36.
2. Dozorova D. V. Thematic spheres of use of universal language in modern Russian speech [Electronic resource] // electronic journal "Vestnik MGOU". – 2015. – no. 1. www.evestnik-mgou.ru.
3. Markova E. M. Verb univerbation in the light of Slavic word formation // Russian language in the multicultural world. II international Symposium (June 8-12, 2018): collection of scientific articles. Volume 1 / Editor E. Titarenko. – Simferopol: "ARIAL", 2018, pp. 232 – 238.
4. Radeva V. Derivative processes in Slavic languages in their relation to language economy // *Slavic Philology*. Vol. 26. Reports for the international Congress of Slavists. Belgrade, Serbia, 20-27 August 2018. – Sofia: BAS "Prof. Marin Drinov", 2018. – pp. 18 – 28.
5. Ustimenko I. A. The phenomenon of semantic condensation in Russian word formation: Manual for a special course. – Belgorod: BelsU publishing house, 2007, 132 p.

ХРОНИКА

УДК 82.09

Щедрина Нэлля Михайловна
 доктор филологических наук, профессор
 Московский государственный областной
 университет
 Россия, Москва
 e-mail: shchedrina@gmail.com

Shchedrina Nella Mikhailovna
 Professor, Dr.Sc.(Philology)
 Moscow Region State University
 Russia, Moscow
 e-mail: shchedrina@gmail.com

Н.М. Щедрина

СТОЛЕТИЕ ПИСАТЕЛЯ ФЕДОРА АБРАМОВА В РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена 100-летию писателя Федора Александровича Абрамова. Основное внимание уделено Международной научной конференции «Братья и сестры в русском доме: творчество Федора Абрамова в контексте литературной и общественной жизни XX – XXI веков», проходившей в Архангельске 27–28 февраля 2020 года. Комментируются мероприятия, приуроченные к юбилею **Абрамова**. Отмечается, что конференция объединила усилия филологов из России, Германии, Белоруссии, Румынии и Венгрии. С докладами выступили ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Воронежа, Вологды, Иркутска, Барнаула, Мурманска, Чебоксар, Кирова, Мичуринска, Ярославля, а также писатели, учителя, журналисты и все, кому дорого творчество талантливого русского писателя. Обозначены перспективы изучения наследия Федора Абрамова.

Ключевые слова: Федор Абрамов, Архангельск, Ленинградский фронт, столетие, Международная конференция, писатель, деревенская проза

N.M. Schedrina

CENTENARY OF THE WRITER FYODOR ABRAMOV IN RUSSIA

Abstract. The article is dedicated to the 100th anniversary of the writer Fyodor Abramov. The main attention is paid to the International scientific conference "Brothers and sisters in the Russian house: the work of Fyodor Abramov in the context of literary and social life of the XX-XXI centuries", held in Arkhangelsk on February 27-28, 2020. The events dedicated to the anniversary of Abramov are told about, it is noted that the conference brought together the efforts of philologists from Russia, Germany, Belarus, Romania and Hungary. Scientists from Moscow, Saint Petersburg, Saratov, Voronezh, Vologdad, Irkutsk, Barnaul, Murmansk, Cheboksary, Kirov, Michurinsk, Yaroslavl, writers, teachers, journalists and everyone who value the work of a talented Russian writer made presentations. Prospects for studying the heritage of Fyodor Abramov are outlined.

Keywords: Fyodor Abramov, Arkhangelsk, Leningrad front, centenary, international conference, writer, village prose

29 февраля 2020 года отмечалось столетие Федора Александровича Абрамова (1920-2020). 2020 год объявлен годом писателя.

Он родился в большой многодетной семье, в деревне Веркола, на реке Пинеге в Архангельской области, в краю белых ночей и бескрайних северных лесов. Отечественная война застала его на третьем курсе Ленинградского университета. Пошел добровольцем, был дважды ранен, отправлен по «дороге жизни» через Ладогу. Университет закончил в 1948 году, поступил в аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию. Шесть лет заведовал кафедрой советской литературы в Ленинградском университете (Рис. 1).

Рис. 1. Дом Федора Абрамова, построенный руками писателя в селе Веркола Архангельской обл.

Писательская работа началась сразу с большого замысла знаменитой тетралогии «Братья и сестры» (1958-1978). Появление первой её части еще в 1958 году позволяет отнести Абрамова к зачинателям «деревенской прозы», которая в те годы только складывалась в русской советской литературе, а затем и в литературах других стран.

Свое желание написать роман он объяснял стремлением «воздать должное деревне», так как «на ней, на деревенской ниве, всколосилась русская культура, этика, язык». Универсальность авторского изображения связана с тем, чтобы показать одну деревню как часть крестьянского мира.

Начинается роман широко и свободно – образом северного сельского края, в котором деревни, засыпанные снегом зимою, мало чем отличаются друг от друга. Упоминается в романе и история леса, который был для мужика кормильцем, но не только давал еду, а и глушил и поля, и покосы. Зарастали пашни, «пожити», отвоеванные у леса.

Только потом писатель переходит к заботам пекашинских крестьян в военную весну 1942 года.

«Пряслины» – так первоначально именовался цикл романов, названных так от приверженности людей к деятельному добру, созиданию, («прясла», «пряжа», прядение). Героями, судьбы которых раскрыты в тетралогии, держится земля. В центре повествования история трех крестьянских поколений, смена их жизненных идеалов, появление новых социально-психологических типов, сохранивших при всей новизне нравственные устои крестьянской жизни. Малый семейный мир Пряслиных, на котором отразилась история деревни за 30 лет, становится формой большого повествования.

Ф.А. Абрамов начинает роман ссорой в семье Пряслиных, картиной неблагополучия в общем крестьянском доме. Внутренний мотив забвения лучших народных традиций, объединив события сюжета в начале книги, к концу оборачивается

нравственным прозрением, возвращением к лучшему в себе и в людях. Самопознание героев и обусловило эту трансформацию мотивов семьи, дома. Образ дома в романе не однозначен. Конечно, он – символ народных устоев, прочности, укорененности человеческой жизни, традиционной связи поколений. Но дом—это и образ душевной стойкости человека.

Тетралогия создавалась долго. За 20 лет работы над ней менялся замысел, но главная мысль – о судьбах крестьянства – оставалась.

Перу Федора Абрамова принадлежат также известные повести «Вокруг да около», «Пелагея» и «Алька», «Деревянные кони», «Безотцовщина», сборник миниатюр «Трава-мурава», неоконченный роман «Чистая книга», множество публицистических произведений: «О хлебе насущном и хлебе духовном», «Самый надежный судья— совесть», выросшие из его выступлений, литературные портреты Александра Яшина, Василия Белова, сказочника Степана Писахова, поэта Александра Прокофьева, академика Дмитрия Сергеевича Лихачева и др.

В Архангельской области бережно хранят память об этом удивительном человеке. В деревне Веркола создан литературно-мемориальный музей Ф.А. Абрамова, в рамках гранта Президента Российской Федерации в 2014 году открыт кабинет писателя в Архангельской областной научной библиотеке имени Н.А. Добролюбова, его именем названы школы, библиотеки, улицы, проводятся научные, образовательные и культурно-просветительские мероприятия.

Инициатива широкого Всероссийского празднования юбилея писателя выдвинута жителями Пинежского района, писательской, научной и культурной общественностью Архангельской области и поддержана Правительством Архангельской области, советником Президента Российской Федерации по культуре и искусству Владимиром Толстым.

27-28 февраля в Северном Арктическом федеральном университете прошла Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения писателя, уроженца Архангельской области. Форум объединил филологов из России, Германии, Белоруссии, Румынии и Венгрии.

В открытии конференции «Братья и сестры в русском доме: творчество Федора Абрамова в контексте литературной и общественной жизни XX – XXI веков» принял участие член Комитета СФ по аграрно-продовольственной политике и природопользованию, представитель от законодательного (представительного) органа государственной власти Архангельской области [Виктор Новожилов](#).

На конференции с докладами выступили исследователи творчества Ф.А. Абрамова из Института мировой литературы имени А. М. Горького РАН, Института русской литературы (Пушкинский дом), Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Московского педагогического государственного университета, Московского областного университета, Санкт-Петербургского, Саратовского, Воронежского, Вологодского, Чувашского государственных университетов и многих других высших учебных заведений. Свои доклады представили также филологи из Иркутска, Барнаула, Мурманска, Чебоксар, Кирова, Мичуринска, Ярославля, писатели, библиотекари, учителя, журналисты, студенты и все, кому дорого творчество талантливого русского писателя.

На пленарном заседании речь шла о душевных и духовных ценностях в творческом сознании Федор Абрамова (А.М. Любомудров), интуиции писателя и исторической реальности (Т.И. Трошина), жанровых поисках Федора Абрамова в контексте литературной традиции (А.Ю. Большакова), творчество писателя соотносилось с новой деревенской прозой (О.А. Бердникова), философская концепции

эпохи в тетралогии «Братья и сестры» рассматривалась Н.М. Щедриной, о Федоре Абрамове как литературоведе говорила в своем докладе Н.С. Цветова, а о мифе матери-Родины— Уте Маргграфф, о «Чистой книге» Федора Абрамова рассказала М.Ю. Елепова. Писатель из Мурманска Д.В. Коржов раскрыл взаимоотношения Федора Абрамова и Виталия Маслова.

Проходила работа по секциям: «Творчество Федора Абрамова в контексте литературного процесса XX — начала XXI века», «Традиционализм в русской литературе XX века и характер его присутствия в современном литературном процессе», «Язык прозы и публицистики Федора Абрамова», «Федор Абрамов в школьном и вузовском изучении. Топос детства в творчестве писателя» и «Переводы произведений Федора Абрамова на языки мира». Исследователи рассматривали толстовские традиции и проблемы эпопейности в прозе писателя, мифопоэтику и образ Севера (А.Г. Маслова, Е.Ш. Галимова, А.В. Давыдова, М.В. Никитина). Творчество Федора Абрамова вписано в широкий контекст литературы второй половины XX века М.М. Голубковым, П.А. Гончаровым, О.В. Богдановой, А.И. Куляпиным. Проблемными были доклады по языку прозы Ф. Абрамова (Т.А. Сидоровой, А.В. Петрова, Н.А. Жигулиной, Н.В. Марковой и др.). Рассматривались вопросы преподавания творчества писателя в школьном и вузовском изучении в выступлениях Е.Ю. Ваенской, М.С. Костюхиной, Т.А. Лариной и другими. Участники секции № 5 вели разговор о проблемах перевода произведений Федора Абрамова на немецкий, английский, французский и другие языки (А.М. Поликарпов, Н.В. Боровикова, А.С. Епимахова, Е.С. Коканова, Ж.Е. Гостева и др.)

Произведения Абрамова, несмотря на диалектные трудности языка, не останавливают переводчиков ни в 1960-е годы, ни в наше время. В Германии, например, в университете Грайсфальда студенты-филологи изучают абрамовскую символику в романах и повестях. Об этом рассказала кандидат филологических наук, Уте Маргграфф. По её словам, Ф.А. Абрамов является представителем прозы, которая передает трагичность судьбы русского народа. Докладчица также говорила об одной заметке, найденной в дневниках писателя, где речь идет о памятниках матери-родины.

Исследователи Белоруссии тоже изучают творчества Ф. Абрамова. По их мнению, благодаря «деревенскому» писателю в русской традиционной школе появились такие имена, как В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин, В. Крупин. Именно Абрамов в конце 1950-х годов обратился к милосердию и состраданию по отношению к крестьянству.

В день открытия конференции в театре драмы им М.В. Ломоносова состоялся торжественный вечер, посвященный 100-летию писателя, на котором было вручение наград. Экспертный совет Всероссийской литературной премии имени Федора Абрамова «Чистая книга» во главе с писателем [Сергеем Шаргуновым](#) определил победителей. В номинации «Современная проза» премии присуждены Владимиру Личутину за роман «В ожидании Бога» и Дмитрию Новикову за роман [«Голомяное пламя»](#).

Обладателем премии в номинации «Литературная критика» стал Андрей Рудалёв за книгу «Четыре выстрела: писатели нового тысячелетия».

Специальной премии «За вклад в развитие северной литературы» удостоен писатель Владислав Попов, специальной премии «За вклад в изучение и пропаганду творчества Фёдора Абрамова» удостоена литературовед Елена Галимова.

29 февраля к могиле Абрамова (Рис.2), расположенной рядом с домом, который построил сам писатель в далеком от Архангельска селе Веркола, на берегу Пинеги, прошло традиционное в его день рождения шествие под пение Веркольского народного хора, который он так любил. В колонне были представители областной администрации,

земляки, родственники, друзья, участники юбилейной научной конференции и просто верные читатели Федора Александровича. Ю

Рис. 2. Могила писателя в с.Веркола на берегу реки Пинега. Фотографии сделаны в день празднования 100-летия Ф.Абрамова 29 февраля 2020 года.

УДК 821.161.1.09“18“

Kiseleva Irina A.
 Professor, Dr.Sc. (Philology)
 Moscow State Regional University
 Russia, Moscow
 e-mail: ia.kiseleva@mgou.ru

Киселева Ирина Александровна
 доктор филологических наук, профессор
 Московский государственный областной
 университет
 Россия, г. Москва
 e-mail: ia.kiseleva@mgou.ru

Irina A. Kiseleva

**ABOUT THE SCIENTIFIC PROJECT OF THE RUSSIAN FOUNDATION FOR
 BASIC RESEARCH «TEXTUAL STUDY AND COMMENTING AUTOGRAPHS
 BY M. Y. LERMONTOV FROM "V. F. ODOEVSKY'S NOTEBOOK "»¹**

Abstract. The relevance of the informational article is associated with the need to draw attention to the study of Lermontov's manuscripts, which will update the scientific understanding of the writer's creative process and clarify the issues of his worldview. The material for the publication was the execution of a scientific project of textual research and commenting on poems written by Lermontov in May-July 1841 in a notebook donated to the poet by V.F. Odoevsky. The article outlines the research methodology associated with the technology of working with manuscripts in order to publish them, as well as understanding the laws of the poet's poetic thinking and identifying the features of the dynamic poetics of his masterpieces. The achievements results of the scientific project and its prospects are indicated in the form of a commented facsimile edition of «V.F. Odoevsky's Notebook» (1841).

Keywords: authentic text, dynamic poetics, «V.F. Odoevsky's Notebook», M.Yu. Lermontov, methodology of studying manuscripts, textual criticism

И.А. Киселева

**О НАУЧНОМ ПРОЕКТЕ РОССИЙСКОГО ФОНДА ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
 ИССЛЕДОВАНИЙ «ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И
 КОММЕНТИРОВАНИЕ АВТОГРАФОВ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА ИЗ "ЗАПИСНОЙ
 КНИЖКИ В.Ф. ОДОЕВСКОГО"»²**

Аннотация: Актуальность информационной статьи связана с необходимостью привлечения внимания к изучению рукописей Лермонтова, которое позволит обновить научное представление о творческом процессе писателя и уточнить вопросы его мировоззрения. Материалом публикации стал процесс исполнения научного проекта текстологического исследования и комментирования стихотворений, написанных Лермонтовым в мае-июле 1841 года в тетради, подаренной поэту В.Ф. Одоевским. В статье обозначена методология исследования, связанная с технологией работы с рукописями в целях их издания, а также понимания закономерностей поэтического мышления поэта и выявления особенностей динамической поэтики его шедевров. Обозначены достигнутые результаты научного проекта и его перспективы в виде комментированного факсимильного издания «Записной книжки, подаренной В.Ф. Одоевским».

Ключевые слова: аутентичный текст, динамическая поэтика, «Записная книжка, подаренная В.Ф. Одоевским», М.Ю. Лермонтов, методология изучения рукописей, текстология

¹ The reported study was funded by RFBR according to the research project no. 19-012-00122.

² Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00122 «Текстологическое исследование и комментирование автографов М. Ю. Лермонтова из «Записной книжки В. Ф. Одоевского»».

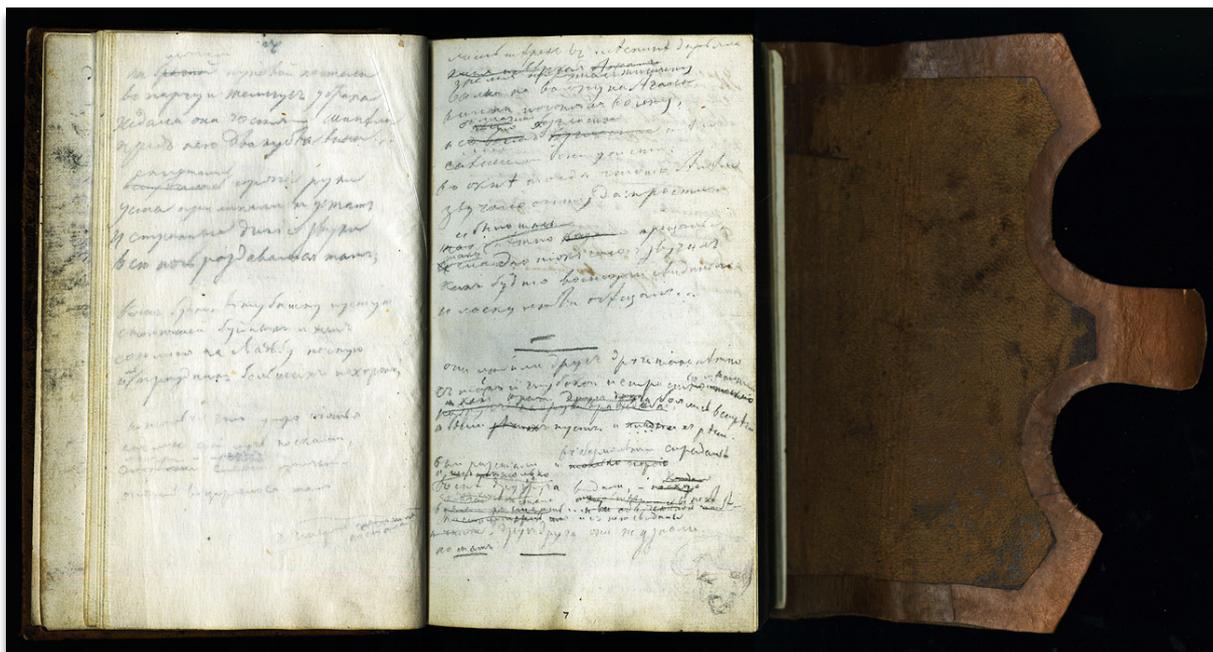

Image 1. "Notebook presented by V. F. Odoevsky. Drawing of a man's head in profile."
Source: <http://lermontov-lit.ru/foto/picture/70/lermontov-22924.htm>

The project «Textual study and commenting autographs by M.Y. Lermontov of «V.F. Odoevsky's Notebook» (1841) [2] is aimed at a comprehensive study of the handwritten records, preserved in the Russian national library. The studied records are a collection of poetic masterpieces by Lermontov during the last months of his life. This included drafts and clean manuscripts of such famous poems as «Dispute», «Sleep», «Rock», «Leaf», «They loved you so long and sweet...», «No, not you so ardently I love», «Sea Princess», «Date», «I Go out alone on the road...», «Prophet».

The novelty of this project relates to the application of the updated methodology for studying the works by M.Y. Lermontov and characteristics of his artistic thinking through the reconstruction of the history of the text and verification of the sources, and consideration of the author's spelling and punctuation. In the course of the project we produced an analytical overview of the history of the study of «V.F. Odoevsky's Notebook» a written manuscript, reflecting the fact of dialogue of Mikhail Lermontov with the well-known cultural figure in the first half of the XIX century V.F. Odoevski. Through appeals to epistolary and memoirs of contemporaries of the poet specified the details of the cases of M.Y. Lermontov to «V.F. Odoevsky's Notebook».

The conducted research is based on the following principles: specificity, consisting in accounting for the definiteness of place and time and conditions of appearance of the text, the principles of comprehensiveness and consistency, which consists in an objective historical-literary and actual commenting part of the poems contained in the «V.F. Odoevsky's Notebook», the principle of the historiographical tradition on the basis of which the history of the study of handwritten manuscript was compiled.

In the process, we justified the methodological framework and techniques of research, the quality of phototypes «V.F. Odoevsky's Notebook» that is a diplomatic transcription of manuscripts, reflecting all the features of the autographs of Mikhail Lermontov, the components of «V.F. Odoevsky's Notebook», the detailed description of all the autographs of the monument, including the features of Lermontov's texts writing (pencil, color ink), graphic

signs (insert notes, underline, strikethrough, etc.), including design; composed textual passports of all its poems.

One of the most productive methods in the implementation of the project was the method of genetic criticism associated with the restoration of the creative process of the writer, the reconstruction of his «creative laboratory» through the study of the history of the text creation. Through the reconstruction of the creative history (from concept to final version) the poems by M.Yu. Lermontov there were specified the features of his poetic thinking and artistic imagery. The complex nature of the research methodology was manifested by the fact that textual decisions are consistently correlated with the internal laws of the poet's artistic thinking.

At the moment, the project performers have verified the sources and textual interpretation of the last months of Lermontov's life's poems. In the course of the project, a series of scientific articles were published, which gave an updated vision of the poems's meaning as «Dispute» [11], «Dream» [6, 9], «Cliff» [7], «They loved each other so long and tenderly...» [10], «No, I do not love you so fervently...» [17], «Prophet» [4], revealed the language features and internal laws of the architectonics of Lermontov's masterpieces, clarified the mechanisms for creating an aesthetically integral image in the works included in the «V.F. Odoevsky's Notebook», [5, 6, 7, 8, 9, 10, 11]. The study of Lermontov's works is methodologically based on classical works in the field of studying Lermontov's manuscripts [12, 13, 16, 18], Russian classical manuscripts [3, 17], works on dynamic poetics [1], as well as on the principles of studying the text in communicative linguistics [14].

The results of the study will form the basis of the facsimile commented edition of «V.F. Odoevsky's Notebook», which includes diplomatic transcription, textual passports of poems, their general textual description, a detailed historical and cultural commentary on the works included in the book monument. The scientifically verified commented edition of «V.F. Odoevsky's Notebook», a literary text that reflects the spiritual quest and attainment of the last months of M.Y. Lermontov's life, can become a significant event with a strategic prospect of educating a culturally oriented personality in the modern world.

Bibliography

1. Динамическая поэтика. От замысла к воплощению: [Сб. ст.] / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Отв. редакторы З. С. Паперный, Э. А. Полоцкая. – М.: Наука, 1990. – 262 с.
2. Записная книжка, подаренная В.Ф. Одоевским. ОР РНБ. Ф.429. №12.
3. Захаров В.Н. Текстология как технология // Захаров В.Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. – М.: Индрик, 2012. – С. 205–221.
4. Киселева И.А. «Пророк» (1826) А. С. Пушкина и «Пророк» (1841) М. Ю. Лермонтова: сравнительная семантика мотивного комплекса // Проблемы исторической поэтики. 2020. – Т. 18. – № 1. – С. 111–129.
5. Киселева И.А. Функции диалога в поздней лирике М.Ю. Лермонтова // Культура и образование. – 2019. № 3 (34). – С. 21–29.
6. Киселева И.А., Поташова К.А. Динамическая поэтика в истории текста стихотворения М.Ю. Лермонтова «Сон» // Проблемы исторической поэтики.– 2020. – Т. 18. – № 1. – С. 130–145.
7. Киселева И.А., Поташова К.А. Динамическая поэтика стихотворения М. Ю. Лермонтова «Утес» // Проблемы исторической поэтики. – 2020. – Т. 18. – № 2. – С. 128–144.
8. Киселева И.А., Поташова К.А. Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Утес» (1841) в переводе Георгия Германова на болгарский язык: особенности понимания // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации. Сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвящённой памяти доктора филологических наук, профессора К.А. Войловой. – М.: ИИУ МГОУ, 2020. – С. 149–156.

9. Киселева И.А., Поташова К.А. Текстобразующая функция личных местоимений в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Сон» (1841) // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2019. Сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой памяти профессора П.А. Леканта. Редколлегия: Н.Б. Самсонов [и др.]. – М.: ИИУ МГОУ, 2019. – С. 277–280.
10. Киселева И.А., Поташова К.А., Сеченых Е.А. Реконструкция творческой истории стихотворения М. Ю. Лермонтова «Они любили друг друга так долго и нежно...» (1841) как путь постижения смысла текста // Научный диалог. – 2020. – № 6. – С. 265–282.
11. Киселева И.А., Поташова К.А., Сеченых Е.А. Творческая история стихотворения М.Ю. Лермонтова «Спор» (1841) в культурно-историческом контексте // Научный диалог. – 2019. – № 10. – С. 264–279.
12. Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений: В 5 т. / Ред. текста, коммент. и предисл. Б.М. Эйхенбаума; Подгот. текстов Б. М. Эйхенбаума и К. И. Халабаева. – М.–Л.: Academia, 1935–1937.
13. Михайлова А.Н. Рукописи М.Ю. Лермонтова: Описание / Под ред. Б.М. Эйхенбаума. Л.: [б. и.], 1941. – 76 с.
14. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса: материалы к трансформационной грамматике русского языка / Е. В. Падучева; Российская акад. наук, Всероссийский ин-т науч. и технической информ. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: URSS: КомКнига, 2007. – 293 с.
15. Перцов Н.В. Об аутентичном текстологическом представлении рукописей русских классиков // Перцов Н.В. Лингвистика, поэтика, текстология: Избранные статьи. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 627–648.
16. Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова: в 5 томах / под ред. и с примеч. Д.И. Абрамовича. – Санкт-Петербург: Разряд изящной словесности Импер. Акад. наук, 1910–1913.
17. Поташова К.А. Творческая история стихотворения «Нет, не тебя так пылко я люблю...» в аспекте изучения поэтической личности М. Ю. Лермонтова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология.– 2019. – № 5. – С. 318– 324.
18. Эйхенбаум Б.М. О текстах Лермонтова // Литературное наследство. Т.19. – М.: Журнально-газетное объединение, 1935. – С. 485–501.

References in Roman script

1. Dinamicheskaya poetika. Ot zamysla k voploshcheniyu: [Sb. st.] / AN SSSR, In-t mirovoy lit. im. A. M. Gor'kogo; Otv. redaktory Z. S. Papernyy, E. A. Polotskaya. – М.: Nauka, 1990. – 262 с.
2. Zapisnaya knizhka, podarennaya V.F. Odoyevskim. OR RNB. F.429. №12.
3. Zakharov V.N. Tekstologiya kak tekhnologiya // Zakharov V.N. Problemy istoricheskoy poetiki. Etnologicheskiye aspekty. – М.: Indrik, 2012. – С. 205–221.
4. Kiseleva I.A. «Prorok» (1826) A. S. Pushkina i «Prorok» (1841) M. YU. Lermontova: sravnitel'naya semantika motivnogo kompleksa // Problemy istoricheskoy poetiki. 2020. – Т. 18. – № 1. С. 111–129.
5. Kiseleva I.A. Funktsii dialoga v pozdney lirike M.YU. Lermontova // Kul'tura i obrazovaniye. 2019. № 3 (34). – С. 21–29.
6. Kiseleva I.A., Potashova K.A. Dinamicheskaya poetika v istorii teksta stikhotvoreniya M.YU. Lermontova «Son» // Problemy istoricheskoy poetiki. 2020. – Т. 18. – № 1. – С. 130–145.
7. Kiseleva I.A., Potashova K.A. Dinamicheskaya poetika stikhotvoreniya M. YU. Lermontova «Utes» // Problemy istoricheskoy poetiki. 2020. – Т. 18. – № 2. – С. 128–144.
8. Kiseleva I.A., Potashova K.A. Stikhotvoreniye M.YU. Lermontova «Utes» (1841) v perevode Georgiya Germanova na bolgarskiy yazyk: osobnosti ponimaniya // Russkiy yazyk v slavyanskoy mezhkul'turnoy kommunikatsii. Sbornik nauchnykh trudov po itogam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchënnoy pamyati doktora filologicheskikh nauk, professora K.A. Voylovoy. – М.: ИИУ МГОУ, – 2020. – С. 149–156.
9. Kiseleva I.A., Potashova K.A. Tekstobrazuyushchaya funktsiya lichnykh mestoimeniy v stikhotvorenii M.YU. Lermontova «Son» (1841) // Ratsional'noye i emotsional'noye v russkom

- yazyke – 2019. Sbornik trudov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchënoy pamyati professora P.A. Lekanta. Redkollegiya: N.B. Samsonov [i dr.]. – M.: IIU MGOU, 2019. – S. 277–280.
10. Kiseleva I.A., Potashova K.A., Sechenykh E.A. Rekonstruktsiya tvorcheskoy istorii stikhotvoreniya M. YU. Lermontova «Oni lyubili drug druga tak dolgo i nezumno...» (1841) kak put' postizheniya smysla teksta // Nauchnyy dialog. 2020. – № 6. – S. 265–282.
 11. Kiseleva I.A., Potashova K.A., Sechenykh E.A. Tvorcheskaya istoriya stikhotvoreniya M.YU. Lermontova «Spor» (1841) v kul'turno-istoricheskom kontekste // Nauchnyy dialog. 2019. – № 10. – S. 264–279.
 12. Lermontov M. YU. Polnoye sobraniye sochineniy: V 5 t. / Red. teksta, komment. i predisl. B.M. Eykhenbauma; Podgot. tekstov B. M. Eykhenbauma i K. I. KHalabayeva. – M.–L.: Academia, 1935–1937.
 13. Mikhaylova A.N. Rukopisi M.YU. Lermontova: Opisaniye / Pod red. B.M. Eykhenbauma. L.: [b. i.], 1941. – 76 s.
 14. Paducheva E.V. O semantike sintaksisa: materialy k transformatsionnoy grammatike russkogo yazyka / E. V. Paducheva; Rossiyskaya akad. nauk, Vserossiyskiy in-t nauch. i tekhnicheskoy inform. – Izd. 2-e, ispr. i dop. – M.: URSS: KomKniga, 2007. – 293 s.
 15. Pertsov N.V. Ob autentichnom tekstologicheskom predstavlenii rukopisey russkikh klassikov // Pertsov N.V. Lingvistika, poetika, tekstologiya: Izbrannyye stat'i. – M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2015. – S. 627–648.
 16. Polnoye sobraniye sochineniy M. YU. Lermontova: v 5 tomakh / pod red. i s primech. D.I. Abramovicha. – Sankt-Peterburg: Razryad izyashchnoy slovesnosti Imp. Akad. nauk, 1910-1913.
 17. Potashova K.A. Tvorcheskaya istoriya stikhotvoreniya «Net, ne tebya tak pylko ya lyublyu...» v aspekte izucheniya poeticheskoy lichnosti M. YU. Lermontova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2019. – № 5. – S. 318–324.
 18. Eykhenbaum B.M. O tekstakh Lermontova // Literaturnoye nasledstvo. T.19. – M.: ZHurnal'no-gazetnoye ob'yedineniye, 1935. – S. 485–501.

References

1. Dynamic poetics. From design to implementation.: [Digest of articles] / AN SSSR, In-t mirovoy lit. im. A. M. Gor'kogo; Otv. redaktory Z. S. Papernyy, E. A. Polotskaya. Moscow, The science, 1990, 262 p. (In Russian).
2. V. F. Odoevsky's Notebook. OR RNB. F.429. №12. (In Russian).
3. Zakharov V.N. Textual critics as technology // Zakharov V.N. Problems of Historical Poetics: Ethnological Aspects. Mosow, Indrik, 2012, pp. 205–221. (In Russian).
4. Kiseleva I.A. «The Prophet» by A. S. Pushkin (1826) and «The Prophet» by M. YU. Lermontov (1841): a comparative semantics of the motifs // Problems of Historical Poetics. 2020. Vol. 18. № 1, pp. 111–129. (In Russian).
5. Kiseleva I.A. Style-forming and meaning-forming role of dialogue in M. YU. Lermontov's late lyrics // Culture and education. 2019. № 3 (vol.34), pp. 21–29. (In Russian).
6. Kiseleva I.A., Potashova K.A. The dynamic poetics in the text history of Lermontov's poem «The dream» // Problems of Historical Poetics. 2020. Vol. 18. № 1, pp. 130–145. (In Russian).
7. Kiseleva I.A., Potashova K.A. The dynamic poetics of Mikhail Lermontov's poem «The cliff» (1841) // Problems of Historical Poetics. 2020. Vol. 18. № 2, pp. 128–144. (In Russian).
8. Kiseleva I.A., Potashova K.A. Lermontov's poem «The cliff» (1841) in George Germanov translation into bulgarian language: the features of understanding // Russian language in Slavic intercultural communication. Collection of scientific papers following the results of the International Scientific Conference dedicated to the memory of Doctor of Philology, Professor K.A. Voilova. Moscow, IIU MGOU, 2020, pp. 149–156. (In Russian).
9. Kiseleva I.A., Potashova K.A. Text-forming function of personal nonnons in the poems of M.YU. Lermontov «Dream» (1841) // Rational and Emotional in Russian – 2019. Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the memory of Professor P.A. Lecant. Editorial board: N.B. Samsonov Moscow, IIU MGOU, 2019, pp. 277–280. (In Russian).

10. Kiseleva I.A., Potashova K.A., Sechenykh E.A. Reconstruction of creative history of poem by M. YU. Lermontov «They loved each other for so long and dearly...» (1841) as a way of understanding the meaning of text // Scientific dialogue. 2020. № 6, pp. 265–282. (In Russian).
11. Kiseleva I.A., Potashova K.A., Sechenykh E.A. Creative history of M. YU. Lermontov's poem «Dispute» (1841) in cultural and historical context // Scientific dialogue. 2019. № 10, pp. 264–279. (In Russian).
12. Lermontov M. YU. Collected Works: V 5vol. / B.M. Eykhenbauma. Moscow–Leningrad: Academia, 1935–1937. (In Russian).
13. Mikhaylova A.N. The manuscripts of M.Yu. Lermontov: description/ B.M. Eykhenbaum. Leningrad, 1941, 76 p. (In Russian).
14. Paducheva E.V. On the semantics of syntax: materials for the transformational grammar of the Russian language Moscow, URSS, KomKniga, 2007, 293 p. (In Russian).
15. Pertsov N.V. On the authentic textual presentation of the manuscripts of Russian classics // Pertsov N.V. Linguistics, poetics, textual critics: selected articles Moscow, Languages of Slavic culture, 2015, pp. 627–648. (In Russian).
16. Collected Works by M. YU. Lermontov: v 5 vol / D.I. Abramovich. – St. Petersburg: The category of fine literature Imp. Acad. sciences, 1910–1913. (In Russian).
17. Potashova K.A. The creative history of the poem «No, not you so ardently i love...» in the aspect of studying the M. Y. Lermontov's poetic personality // Vestnik Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2019. № 5, pp. 318– 324. (In Russian).
18. Eykhenbaum B.M. About Lermontov's texts // Literary heritage. Vol.19. Moscow, Journal and newspaper association, 1935, pp. 485–501. (In Russian).

IN MEMORIAM

НЕВОСПОЛНИМАЯ УТРАТА ДЛЯ СЕРБСКОЙ СЛАВИСТИКИ: УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ МИОДРАГ СИБИНОВИЧ

В Белграде 26 июля 2020 года ушел из жизни профессор Миодраг Сибинович, сербский славист, историк литературы, критик, эссеист, учёный-компаративист, поэт, переводчик и теоретик перевода. Он был крупнейшим знатоком русской поэзии в Сербии.

Миодраг Сибинович родился 6 сентября 1937 года в городе Заечар. Педагогическая деятельность профессора Сибиновича связана с Группой русского языка и литературы кафедры восточных и западнославянских языков, где он работал с 1960 года и которая после отделения филологии и философии входила в состав Филологического факультета. Сибинович был преобразователем и устройтелем: его курсы по теории перевода и русскому фольклору были первыми на Филологическом факультете. Он является одним из инициаторов развития украиноведения и белорусоведения в Сербии. Как приглашённый профессор он преподавал в университетах Нови-Сада, Скопье, Приштины. Читал курс «Введение в теорию перевода на материале сербско-русских литературных связей» (совместно с Т. П. Поповой) на кафедре славянской филологии МГУ им. М. В. Ломоносова, где работал два года. Ученый совет МГУ присвоил ему звание Почётного доктора Московского университета 1996 г.

Будучи автором 300 научных работ и 19 книг в области литературоведения, Сибинович писал о русской литературе, о сербско-русских и сербско-славянских культурных и литературных взаимосвязях. Он уделял особое внимание исследованию литературно-исторических и теоретических аспектов перевода. Книги Миодрага Сибиновича содержат теоретические размышления о литературном процессе, о переводе как творческом акте, статусе перевода и его значении для развития сербского языка и языка сербской поэзии.

Сибинович переводил и поэзию и прозу, прежде всего русскую, белорусскую и украинскую, а также и чешскую, болгарскую, армянскую и даже грузинскую. Его стараниями появились на сербском языке первое в мире собрание сочинений Есенина в переводе на иностранный язык (1966), первое собрание сочинений Лермонтова в переводе на сербский (1980), первая антология белорусской поэзии (1993, 2012), антология стихотворений русских поэтов о любви (1999), антология украинской поэзии XVI – XX веков «Наперекор ветрам» (2002), антология русской народной поэзии «Зоркое сердце» (2004), «Антология русской лирики. X – XXI век» (2007), антология «Ветер в гриве. Конь в поэзии славянских народов» (2011). Переводы Миодрага Сибиновича удостоены ряда крупных, как отечественных, так и международных наград.

На Филологическом факультете профессор Сибинович руководил исследовательскими проектами: «История и поэтика сербского литературного перевода», «Межславянские литературные и культурные связи» и «Сербская литература и культура в европейском контексте». Он был инициатором и, вместе с коллегами, организовал международные научные конференции, посвященные русской эмиграции (1993, 1995).

Профессор Сибинович внес впечатляющий и неоценимый вклад в изучение русской, а также украинской и белорусской литературы в нашей стране. Многочисленные переводы и издания способствовали популяризации восточнославянской и, прежде всего, русской литературы в Сербии. Он отличался огромной работоспособностью и усиленно привлекал к научной работе студентов и молодых сотрудников кафедры славистики. Будем помнить его доброжелательность и как щедро он делился с учениками своими знаниями.

Яковлевич Радуневич Анна
доктор филологических наук, доцент
Белградский университет
Сербия, г. Белград
e-mail: anajakovljevic@yahoo.com

Jakovljević Radunović Ana
Assistant Professor, Dr.Sc. (Philology)
University of Belgrade
Serbia
e-mail: anajakovljevic@yahoo.com

ИЗИСКВАНИЯ ЗА ОФОРМЯНЕ НА МАТЕРИАЛИТЕ

Електронните версии на статиите да се изпращат като прикачен файл на адрес: **rusistikabg@gmail.com**. В отделен текстов документ да се приложи справка за автора: *трите имена без съкращения, научна степен, научно звание, работно място, длъжност, град, страна, домашен адрес, телефон, e-mail*.

За публикуване се приемат **оригинални, непубликувани досега** в други печатни издания материали на **руски, български и английски езици**.

Списание то излиза четири пъти годишно: **30 март, 30 юни, 30 септември и 30 декември**. Материалите се приемат до **15 число** на месеците **март, юни, септември и декември**.

ОБЩИ ИЗИСКВАНИЯ

Формат: Microsoft Word.

Размер на страницата: А4.

Шрифт: Times New Roman, 12 pt.

Междуредие: Single.

Поleta: горно и долно – 2,5 см, ляво и дясно – 2,5 см.

Абзацен отстъп: 1 см.

Без номериране на страниците, подравняване на текста: Justify.

ОФОРМЯНЕ НА СТАТИИТЕ

- Ако статията е на **руски език**, то на **руски език** се посочват: *фамилия, име, бащино име на автора; длъжност, научна степен, научно звание; пълно название на организацията; страна, град; e-mail; заглавие на статията, анотация, ключови думи*, а след това на **английски език** (*данните на автора (научно звание, научна степен), заглавието на статията, анотация, ключови думи*). Задължително се посочва универсалната десетична класификация (УДК).

- При съставяне на **анотацията** се спазва определения лимит от 850 знака без интервали, най-малко 10 реда. Анотацията трябва да съдържа актуалност, определяне на проблема, материал и методология, резултати и заключение.

Напр.:

МОЛИМ ДАНИТЕ ДА СЕ ОФОРМЯТ В ЕДНА КОЛОНА, КАКТО Е ПОКАЗАНО:

УДК 81

Иванов Виктор Борисович

доктор филологических наук, профессор

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Россия, г. Москва

e-mail: ivanov@rambler.ru

Ivanov Viktor Borisovich

Professor, Dr. Sc. (Philology)

Lomonosov Moscow State University

Russia, Moscow

e-mail: ivanov@rambler.ru

(11 pt)

В.Б. Иванов

ПСИХОЛОГИЗМ ПРОЗЫ ЛЬВА ТОЛСТОГО

(12 pt.)

Анотация. 11 pt., до 800 знаков с пробелами

Ключевые слова: 11 pt., не более 10 слов

V.B. Ivanov

PSYCHOLOGISM OF LEO TOLSTOY'S PROSE

(12 pt.)

Abstract. 11 pt. до 800 знаков с пробелами**Keywords:** 11 pt., не более 10 слов

• Ако статията е на **български език**, то на **български език** се посочват: *фамилия, име, бащино име на автора; длъжност, научно звание, научна степен; пълно название на организацията; страна, град; e-mail; заглавие на статията, анотация, ключови думи*, а след това на **английски език** (*данните на автора (научно звание, научна степен), заглавието на статията, анотация, ключови думи*). Задължително се посочва универсалната десетична класификация (УДК).

• Ако статията е на **английски език**, то на **английски език** се посочват: *фамилия, име, бащино име на автора; длъжност, научно звание, научна степен; пълно название на организацията; страна, град; e-mail; заглавие на статията, анотация, ключови думи*, а след това на **руски език** (*данните на автора (научна степен, научно звание), заглавието на статията, анотация, ключови думи*). Задължително се посочва универсалната десетична класификация (УДК).

ОСНОВЕН ТЕКСТ НА СТАТИЯТА

Текстът на **руски/български/английски език**: 12 pt, обем: до 20 000 знака с интервалите. **Бележките към текста** (footnotes) се дават под линия на всяка страница с арабска номерация, 10 pt. **Цитирането** на източниците в текста се дават в квадратни скоби [номер от библиографическия списък, страница], например: [2], [7, с.84]. Примерите се оформят в *Italic*. Използвайте кавички тип «angle quotes». Графиките, рисунките и фотографиите се прилагат в текста веднага след тяхното посочване в текста. Названието на рисунките се дава под тях след думата «Рис.» с пореден номер (10 pt).

Библиографическият списък (11 pt.) се прилага след текста на статията **на езика на оригинала в азбучен ред**, след това на латиница чрез транслитерация на кирилицата и преведен на английски език в съответствие с изискванията. Инициалите не се разделят с интервали. Да се включват само работи, цитирани в текста. Напр.:

Библиографически списък

1. Горшков Л.М. Русский язык и культура речи // Стиль. – 2006. – № 4. – С. 65–70.
2. Иванова Н.П. Диалог в образовании. – М.: Экспресс, 2011. – 156 с.

References in Roman script

1. Gorshkov L.M. Russkiy yazayk i kulytura rechi // Stily. – 2006. – № 4. – S. 65–70.
2. Ivanova N.P. Dialog v obrazovanii. – M.: Ekspress, 2011. – 156 s.

References

1. Gorshkov L.M. Russian language and speech culture. Style, 2006, no 4, pp.65-70. (In Russian).
2. Ivanova N.P. Dialogue in education. Moscow, Express Publ., 2011. 156 p. (In Russian).

Материали, не съответстващи на горепосочените изисквания, не се разглеждат.

Редколегия

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Электронные версии статей следует направлять в виде приложения по электронной почте по адресу редакции: **rusistikabg@gmail.com**. В отдельном текстовом документе прилагается справка об авторе: *ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность, город, страна, домашний адрес, контактный телефон, электронный адрес.*

К публикации принимаются **оригинальные, неопубликованные ранее** в других печатных изданиях материалы на **русском, болгарском и английском языках**.

Журнал выходит четыре раза в год: 30 марта, 30 июня, 30 сентября и 30 декабря. Материалы принимаются до 15 числа марта, июня, сентября и декабря.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Формат: Microsoft Word.

Размер страницы: А4.

Шрифт: Times New Roman, 12 пунктов.

Междустрочный интервал: одинарный.

Поля: верхнее и нижнее – 2,5 см, левое и правое – 2,5 см.

Абзацный отступ: 1 см.

Без нумерации, выравнивание по ширине.

ОФОРМЛЕНИЕ СТАТЕЙ

- Если статья публикуется на **русском языке**, то на **русском языке** приводятся: *фамилия, имя, отчество автора; должность, ученая степень, ученое звание; полное название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*, а затем на **английском языке** (*данные автора (ученое звание, ученая степень), заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*). Обязательным элементом статьи является индекс УДК.
- При написании **аннотации** необходимо придерживаться установленного лимита 850 знаков без пробелов, не менее 10 строк. Аннотация должна включать актуальность, постановку проблемы, материал и методику, результаты и выводы.

Напр.:

ПРОСИМ ОФОРМЛЯТЬ ДАННЫЕ В ОДНУ КОЛОННУ, КАК ПОКАЗАНО:

УДК 81

Иванов Виктор Борисович
доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Россия, г. Москва
e-mail: ivanov@rambler.ru

Ivanov Viktor Borisovich
Professor, Dr. Sc. (Philology)
Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
e-mail: ivanov@rambler.ru
(11 пунктов)

В.Б. Иванов
ПСИХОЛОГИЗМ ПРОЗЫ ЛЬВА ТОЛСТОГО
(12 пт.)

Аннотация. 11 пт., до 800 знаков с пробелами

Ключевые слова: 11 пт., не более 10 слов

V.B. Ivanov

PSYCHOLOGISM OF LEO TOLSTOY'S PROSE

(12 пт.)

Abstract. 11 пт. до 800 знаков с пробелами**Keywords:** 11 пт., не более 10 слов

• Если статья публикуется на **болгарском языке**, то на **болгарском языке** приводятся фамилия, имя, отчество автора; должность, ученое звание, ученая степень; полное название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова, а затем на **английском языке** (данные автора (ученое звание, ученая степень) заглавие статьи, аннотация, ключевые слова). Обязательным элементом статьи является индекс УДК.

• Если статья публикуется на **английском языке**, то на **английском языке** приводятся фамилия, имя, отчество автора; должность, ученое звание, ученая степень; полное название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова, а затем на **русском языке** (данные автора (ученое звание, ученое звание) заглавие статьи, аннотация, ключевые слова). Обязательным элементом статьи является индекс УДК.

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст на **русском/болгарском/английском языке**: 12 пунктов, объем: до 20 000 знаков с пробелами. Сноски — постранично, внизу страницы, с использованием сквозной нумерации, арабские цифры, 10 пт. Библиографические ссылки заключаются в квадратных скобках [номер библиографического списка, страница], например: [2], [7, с.84]. Примеры следует давать курсивом. Используются кавычки типа «елочки». Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них. Название иллюстраций дается под ними после слова «Рис.» с порядковым номером (10 пт).

Библиографический список (11 пт.) приводится после текста статьи **на языке оригинала в алфавитном порядке**, затем латиницей через транслитерацию кириллицы и переведенный на английский язык в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1-2003. Инициалы не разделяются пробелами. Включаются только работы, указанные в ссылках. Напр.:

Библиографический список

3. Горшков Л.М. Русский язык и культура речи // Стил. – 2006. – № 4. – С. 65–70.
4. Иванова Н.П. Диалог в образовании. – М.: Экспресс, 2011. – 156 с.

References in Roman script

3. Gorshkov L.M. Russkiy yazayk i kulytura rechi // Stily. – 2006. – № 4. – S. 65–70.
4. Ivanova N.P. Dialog v obrazovanii. – M.: Ekspress, 2011. – 156 s.

References

3. Gorshkov L.M. Russian language and speech culture. Style, 2006, no 4, pp.65-70. (In Russian).
4. Ivanova N.P. Dialogue in education. Moscow, Express Publ., 2011. 156 p. (In Russian).

Материалы, не соответствующие вышеуказанным требованиям, не рассматриваются.

Редколлегия

GUIDELINES FOR AUTHORS

The articles should be sent as an attachment by e-mail to the editorial office: **rusistikabg@gmail.com**. In a separate text document a reference about the author should be sent with the following information: *name, surname, academic degree, academic title, place of work, position, city, country, home address, contact phone number, email address*.

The papers submitted for publication should be **original, previously unpublished work** not currently under review by other publications. The papers can be presented in **Russian, Bulgarian** or **English**.

The journal is published four times per year: March 30, June 30, September 30 and December 30. The papers are accepted until the 15th of March, June, September and December.

GENERAL REQUIREMENTS

Format: Microsoft Word.

Page size: A4.

Font: Times New Roman, 12 pt.

Line spacing: single.

Margins: top and bottom – 2.5 cm, left and right – 2.5 cm.

Paragraph indentation: 1 cm.

Without numbering, text alignment: justified.

FORMATTING REQUIREMENTS FOR THE PAPERS

- If the article is written in **Russian**, then in **Russian** should be stated the *author's surname, name, academic degree, academic title; full name of the organization; country, city; e-mail address, the title of the article, abstract, keywords*, after the same information should be stated in **English** (*academic title, academic degree*). The Universal Decimal Classification (UDC) of the article should be also included.
- When writing the **abstract**, you must adhere to the established limit of 850 characters without spaces, at least 10 lines. The abstract should include relevance, problem statement, subject and methodology, results and conclusion.

For example:

PLEASE PLACE THE AUTHOR'S DATA IN ONE COLUMN AS SHOWN BELOW:

УДК 81

Иванов Виктор Борисович
доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Россия, г. Москва
e-mail: ivanov@rambler.ru

Ivanov Viktor Borisovich
Professor, Dr. Sc. (Philology)
Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
e-mail: ivanov@rambler.ru

В.Б. Иванов
ПСИХОЛОГИЗМ ПРОЗЫ ЛЬВА ТОЛСТОГО
(12 pt.)

Аннотация. 11 пт., до 800 знаков с пробелами

Ключевые слова: 11 пт., не более 10 слов

V.B. Ivanov

PSYCHOLOGISM OF LEO TOLSTOY'S PROSE

(12 pt.)

Abstract. 11 pt., up to 800 characters with spaces

Keywords: 11 pt., up to 10 words

- If the article is written in **Bulgarian**, then in **Bulgarian** should be stated the *author's surname, name, academic title, academic degree; full name of the organization; country, city; e-mail address, the title of the article, abstract, keywords*, after the same information should be stated in **English** (*academic title, academic degree*). The Universal Decimal Classification (UDC) of the article should be also included.
- If the article is written in **English**, then in **English** should be stated the *author's surname, name, academic title, academic degree; full name of the organization; country, city; e-mail address, the title of the article, abstract, keywords*, after the same information should be stated in **Russian** (*academic degree, academic title*). The Universal Decimal Classification (UDC) of the article should be also included.

THE MAIN TEXT OF THE PAPER

The text in **Russian/Bulgarian/English**: 12 pt, up to 20,000 characters with spaces. The footnotes - page by page, at the bottom of the page, Arabic numbers, 10 pt. The bibliographic references should be enclosed in square brackets [current number from References, page], as in [2],[7, p. 84]. Examples should be given in *Italic*. Angle quotes like «» are used. Graphics, pictures and photos are inserted in the text after the first mention of them. The name of the illustrations should be written below with the word «Figure.1» (10 pt).

The references (11 PT.) are listed in **alphabetical order** after the text of the article in **original language**, then if there are sources in Cyrillic they should be transliterated into **Latin**, the references should be also translated into English in accordance with the requirements of GOST 7.1-2003 (ГОСТ 7.1-2003). The initials shouldn't be separated by spaces. In the references only cited works in the text should be included. For example:

Bibliography

1. Горшков Л.М. Русский язык и культура речи // Стиль. – 2006. – № 4. – С. 65–70.
2. Иванова Н.П. Диалог в образовании. – М.: Экспресс, 2011. – 156 с.

References in Roman script

1. Gorshkov L.M. Russkiy yazayk i kulytura rechi // Stily. – 2006. – № 4. – S. 65–70.
2. Ivanova N.P. Dialog v obrazovanii. – M.: Ekspress, 2011. – 156 s.

References

1. Gorshkov L.M. Russian language and speech culture. Style, 2006, no 4, pp.65-70. (In Russian).
2. Ivanova N.P. Dialogue in education. Moscow, Express Publ., 2011. 156 p. (In Russian).

The papers that do not meet all the criteria above shouldn't be accepted.

Editorial board

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Списание «Русистика без граници»
София, България
e-mail: rusicabg@gmail.com